

№ 4
2018

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство
ПИ № ФС77-30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811-1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry
for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media
Communications at September 11th, 2000
(certificate ПИ № ФС77-30539, date of issue December 20th, 2007)

ISSN 1811-1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей русского языка
и литературы»

Адрес редакции:

199106, г. Санкт-Петербург, Большой проспект
В.О., д. 80, офис 809, БЦ «Сенатор»
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

- Л. А. Вербицкая — *акад. РАО, д-р филол. наук, проф., Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ, Президент МАПРЯЛ*
В. В. Воробьев — *д-р филол. наук, член-корр. РАЕН, проф., зав. каф., РУДН*
Л. П. Клобукова — *д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО, зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*
Ю. Е. Прохоров — *д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
В. М. Шаклеин — *д-р филол. наук, проф., член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*
С. И. Богданов — *д-р филол. наук, проф., ректор, РГПУ им. А. И. Герцена*
М. Ю. Сидорова — *д-р филол. наук, проф., проф. МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. Н. Голубев — *канд. филол. наук, Ген. директор ЗАО «Златоуст»*
И. Н. Сухих — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
И. З. Белобровцева — *д-р филол. наук, проф., проф. Таллинского ун-та*
К. А. Рогова (главный редактор) — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*

Журнал включен в:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;
- Европейский индекс цитирования по гуманитарным и общественным наукам ERIH PLUS;
- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);
- Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

The Founder and Publisher

The non-profit partnership “Association
of Teachers of Russian Language and
Literature” (“ROPRYAL”)

Editorial board’s address: of. 809,
80, Bolshoi pr. V. O., St. Petersburg,
RU-199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

- L. A. Verbitskaja
*St. Petersburg State University, Russian Academy
of Education*
V. V. Vorobjov
Peoples’ Friendship University of Russia
L. P. Klobukova
Lomonosov Moscow State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
V. M. Shaklein
Peoples’ Friendship University of Russia
S. I. Bogdanov
Herzen State Pedagogical University of Russia
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
S. N. Golubev
Zlatoust Ltd. company
I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University
I. Z. Belobrovceva
Tallinn University
K. A. Rogova — *editor-in-chief*
St. Petersburg State University

The journal is included into

- Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru);
- European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
- Scientific Electronic Library CyberLeninka.

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки
журнала за пределами СНГ обращайтесь
к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва,
Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-
91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38;
info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва,
ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37;
681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98;
export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 4 2018

Главный редактор:

К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф.,
проф. СПбГУ

Над журналом работали:

Редактор:

Д. А. Шукина —
д-р филол. наук, проф.,
зав. каф., Горный ун-т

Вып. редактор:

М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц.

Корректор:

Н. В. Лутц

Перевод аннотаций:

А. Д. Степанов

Оригинал-макет:

М. С. Шишков

Тираж 400 экз.

Подписано в печать 21.01.2019

Отпечатано в типографии
«СМДЖИ Принт»,
197022, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 61,
лит. А, пом. 11Н

При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Правила направления,
рецензирования и опубликования
научных статей в журнале
«Мир русского слова»:
<http://mirs.ropryal.ru/rules/>

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ]

- 4 VI Конгресс РОПРЯЛ
6 Л. А. Вербицкая
РОПРЯЛ на современном этапе:
проблемы, перспективы, задачи

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]

- 11 Е. И. Ивницкий
Формирование содержательного
аспекта квалификативной категории
оценочности в русском языке
17 С. С. Ваулина, Л. В. Коковина
Русские частицы как экспликативы
субъективно-модальных значений
в повести Н. В. Гоголя «Шинель» и их
соответствия в англоязычном переводе
22 Чэнь Лэй
Полирегистровость текста путеводителя
(на примере путеводителей по Китаю
для русских туристов)
29 Чэнь Пэйцзюнь
Неологизмы Н. Я. Бичурина
(на материале сочинения «Китай, его
жители, нравы, обычаи и просвещение»)

[КУЛЬТУРА РЕЧИ]

- 33 Н. Г. Бабенко, З. Л. Новоженова
Рунет как пространство мониторинга
и дискурс-анализа модных слов
38 И. Е. Герасименко, Н. Н. Гончарова
«Перезагрузка», «перегрузка» и «русские
хакеры»: Лексика информационных
технологий в политическом дискурсе
45 Нгуен Тхи Тху
Уловки в споре как корректные /
некорректные приемы аргументации

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ]

- 51 О. В. Хорохордина, Гун Тяньи
Лингвокультурные особенности
реализации контакта адресанта
с адресатом в русском газетном
рекламном дискурсе (на фоне
китайского)

[OFFICIAL MATERIALS]

- 6th Congress of ROPRYAL
Lyudmila A. Verbitskaya
ROPRYAL at the Present Stage:
Problems, Perspectives, Tasks

[LINGUISTIC REMARKS]

- Evgeny I. Ivnitckii
The Formation of the Semantic Aspect
of the Qualificational Category
of Evaluation in Russian Language
Svetlana S. Vaulina, Larisa V. Kokovina
Russian Particles as Explicators of Subjective
Modality Meanings in “The Overcoat”
by N. V. Gogol, and Their Correlations
in the English Translation of this Tale
Chen Lei
Polyregisterity of the Guidebook:
on the Example of Travel Guidebooks
on China for Russian Tourists
Chen Peijun
Neologisms Invented by Nikita Ya. Bichurin:
on the Material of His Book “China, its
People, Customs, Folkways, Education”

[SPEECH CULTURE]

- Natalya G. Babenko, Zoya L. Novozhenova
Russian Internet (RuNet) as a Space
of Monitoring and Discourse Analysis
of Fashionable Words
Irina E. Gerasimenko, Natalya N. Goncharova
“Reboot”, “Overload” and “Russian hackers”:
Vocabulary of Information Technologies
in Political Discourse
Nguyen Thi Thu
Typical Tricks as Correct / Incorrect
Arguments Used in Disputes

[LINGUOCULTURAL STUDIES]

- Olga V. Khorokhordina, Gong Tianyi
Linguistic and Cultural Features of the
Author’s Contact with the Addressee
in the Russian Newspaper Advertising
Discourse: against the background
of the Chinese Language

- 57 И. В. Зыкова
Сочетаемость оттопонимических прилагательных как способ изучения языкового сознания
- 64 Уонг Минь Туан
Перцептивный образ концепта *Вьетнам* в русском языковом сознании
- [ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА]
- 70 И. Э. Васильева
Топос в культуре Нового времени: к постановке проблемы
- 79 В. И. Шульженко
Современная литература на русском языке в контексте традиций отечественной классики и межкультурной интеграции в XXI веке
- 88 О. С. Лалетина, Фу Тяньци
Методологические проблемы исследования литературы восточной ветви русской эмиграции: лирика Л. Н. Андерсен в аспекте межкультурной коммуникации
- [МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА]
- 93 Е. Н. Виноградова, Л. П. Клобукова
Лингводидактические проблемы описания предлогов на Первом уровне общего владения русским языком как иностранным. *Статья 1. Требования*
- 100 Н. А. Костюк
Преподавание грамматики русского глагола через художественный текст на уровнях А1–А2
- 107 Ю. Б. Жидкова
Разработка аудитивных материалов для восприятия и понимания текстовой информации
- [НАШИ ЮБИЛЯРЫ]
- 112 Юбилей В. А. Степаненко
- [ХРОНИКА]
- 16 Канцеляризмы, просторечия и орфографические ошибки: РОПРЯЛ подводит итоги исследования языка СМИ
- 50 Юбилей проекта «Дети-переводчики» в Испании
- 69 Лекторий МАПРЯЛ «Долг, ответственность, время»
- 78 Столетие Герценовской русистики (Всероссийская научная конференция «Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко»)
- [РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]
- 115 А. М. Бережная
Художественный музей в коммуникативном пространстве современности: ценностные ориентиры и практики
- Irina V. Zykova
Compatibility of the Adjectives Derived from Toponyms as a Way of Linguistic Consciousness Studies
- Uong Minh Tuan
Perceptual Image of the Concept *Vietnam* in Russian Linguistic Mentality
- [INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]
- Irina E. Vasileva
Topos in Modern (Post-Rhetorical) Culture: a Problem Statement
- Viacheslav I. Shulzhenko
Modern Literature in Russian Language in the Context of the Traditions of Russian Classics and Intercultural Integration in the 21st Century
- Olga S. Laletina, Fu Tianqi
Matters of Methodology to Study Works by Russian Post-Revolutionary Immigrants to the East: Lyrics by Larissa Andersen and Intercultural Communication
- [RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]
- Ekaterina N. Vinogradova, Liubov P. Klobukova
Some Linguodidactic Problems of Prepositional Description on B1 Level (Common Language) of Russian as a Foreign Language. *Article 1. The Requirements*
- Nina A. Kostiuk
Teaching Russian Verb Grammar to Foreign Students of A1–A2 Level Using Literary Text
- Julia B. Zhidkova
Elaboration of Listening Materials for Perception and Understanding of Textual Information
- [ANNIVERSARY]
- Vera A. Stepanenko's Jubilee
- [CHRONICLE]
- Official Jargon, Common Speech, Spelling Errors: ROPRYAL Takes Stock of the Media Language Exploration
- The Jubilee of the “Children Translators” Project in Spain
- MAPRYAL Lecture Hall “Duty, Responsibility, Time”
- 100 Years of Herzen University Russian Studies Program: The All-Russia Scholarly Conference “Word. Dictionary. Literature”, Devoted to the Centenary Celebration of Russian Language Department and 95th Anniversary of Professor Sakmara G. Ilyenko
- [RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]
- Alla M. Berezhnaya
Art Museum in Modern Communicative Landscape: Values and Practices

VI КОНГРЕСС РОПРЯЛ

6TH CONGRESS OF ROPRYAL

12–13 октября в Уфе при поддержке Правительства Башкирии и фонда «Русский мир» состоялся шестой конгресс Российского общества преподавателей русского языка и литературы.

В работе мероприятия приняли участие более 500 делегатов из 74 регионов России, что позволяет говорить о конгрессе как о научном мероприятии поистине всероссийского масштаба. Преподаватели школ, вузов, языковых центров, лингвисты, методисты, литературоведы, издатели, представители органов власти в сфере образования встретились в Уфе, чтобы обсудить наиболее значимые проблемы функционирования русского языка в современной России.

Мероприятие проходило на высоком представительском уровне: приветствия участникам конгресса направили Президент Российской Федерации Владимир Путин, министр просвещения Ольга Васильева, председатель Комитета по образованию и науке Государственной думы Вячеслав Никонов, заместитель руководителя Администрации Президента Магомедсалам Магомедов. С приветственным словом со сцены башкирского конгресс-холла к собравшимся обратились премьер-министр Правительства Башкирии Рустэм Марданов, советник Министра просвещения России Андрей Петров, министр образования Башкирии Гульназ Шафикова. Участие в церемонии открытия конгресса также приняли исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин и научный секретарь фонда «Антонио Менегетти» Татьяна Вереитинова.

Аналитические обзоры ключевых направлений современной русистики были представлены в рамках пленарной части конгресса. Так, в докладе президента РОПРЯЛ, президента Российской

академии образования Людмилы Вербицкой (доклад зачитал заместитель президента РАО Виктор Басюк) содержался обзор ключевых направлений современной русистики. Рассматривались, в частности, проблемы функционирования русского языка в средствах массовой информации, интернет-среде, в политическом дискурсе, вопросы изменения речевого поведения современных россиян, юридической лингвистики и лингвистической регионалистики. Отмечалась, в частности, тревожная тенденция к дискредитации языковой нормы в материалах СМИ, обновление русского разговорного лексикона за счет англоязычных производных компьютерного сленга, неспособность значительной доли россиян к лексическому варьированию. Подробно была рассмотрена и тенденция к росту исследований в области лингвистического регионоведения, что говорит о продолжающемся поиске путей лингвистической презентации регионов России, бережном отношении российских филологов к региональным пластам русского языка.

Современные модели языкового обучения представила в докладе «Русский язык как иностранный и обучение на родных языках в образовательном пространстве Российской Федерации» директор Межвузовского центра билингвального и поликультурного образования РГПУ им. А. И. Герцена, профессор Елизавета Хамраева. Изменениям русских этикетных норм в условиях новых коммуникативных пространств посвятил свое выступление заведующий лабораторией лингвистической конфликтологии Высшей школы экономики, профессор Максим Кронгауз. О новых именах в русской литературе, «литературном коде регионов» и концептуальной связи произведений «золотого фонда» русской литера-

туры с современными текстами рассказал в своем выступлении профессор Пятигорского государственного университета Вячеслав Шульженко.

В последующие два дня работа конгресса осуществлялась по шести научным направлениям, которые охватывали разнообразные аспекты современной русистики: взаимодействие русского языка и языков народов России, изучение русской литературы в современном мире, русский язык в системе общего, высшего, дополнительного образования и курсового обучения, русский как иностранный в России и за рубежом. По каждому из направлений были подготовлены научные доклады, которые вошли в научный сборник Конгресса, опубликованный на сайте РОПРЯЛ.

Дискуссионная программа конгресса также была яркой и разнообразной. Мнениями о влиянии русской литературы на развитие европейской общественной мысли эксперты обменялись на круглом столе в Гимназии № 3 им. А. М. Горького. Дискуссия о практике реализации метапредметной роли русского языка состоялась в Башкирской республиканской гимназии-интернате № 1 им. Рами Гарипова. О ИТ-компетенциях как значимом компоненте профессиональных знаний педагога-русиста рассужда-

ли преподаватели и разработчики программных приложений в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмулы. В свою очередь, Башкирский государственный университет принимал на своих площадках круглые столы по проблемам лингводидактического тестирования и адаптации иностранных абитуриентов в России. Таким образом, участники круглых столов смогли не только обменяться взглядами по наиболее актуальным вопросам преподавания и изучения русского языка и литературы, но и познакомиться с деятельностью образовательных организаций региона.

Подведение итогов конгресса состоялось 13 октября. В рамках церемонии закрытия представители президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы Арто Мустайоки (Финляндия) и Татьяна Млечко (Молдова) вручили медали Пушкина за выдающиеся заслуги в распространении русского языка декану филологического факультета Башкирского государственного университета Альмире Ямалетдиновой и заведующей кафедрой Института развития образования Башкирии Татьяне Дорожкиной.

[предлагаем вашему вниманию]

Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. — Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 окт. 2018 года). — СПб.: РОПРЯЛ, 2018. — 1 электрон. опт. диск (CD-R).

Сборник включает тексты докладов и сообщений участников VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 окт. 2018 года), посвященных актуальным аспектам исследования русского языка и литературы. Особое внимание уделяется новым тенденциям в описании русского языка, вопросам взаимодействия русского языка и языков народов России, проблемам обучения русскому языку как родному, неродному и иностранному, а также рассмотрению места русской литературы в современном мире.

Издание предназначено для сотрудников образовательных и научно-исследовательских учреждений Российской Федерации, а также для широкого круга читателей, чья профессиональная и общественная деятельность связана с русским языком и русской культурой.

*Электронная версия сборника размещена на сайте РОПРЯЛ:
http://ropryal.ru/vi_congress_ropryal/*

Людмила Алексеевна ВербицкаяДоктор филологических наук, профессор,
академик РАО, президент РОПРЯЛ,
президент СПбГУ

DOI: 10.24411/1811-1629-2018-14006

РОПРЯЛ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ЗАДАЧИ

(ПЛЕНАРНЫЙ ДОКЛАД НА VI КОНГРЕССЕ РОПРЯЛ)

LYUDMILA A. VERBITSKAYA

ROPRYAL AT THE PRESENT STAGE: PROBLEMS, PERSPECTIVES, TASKS

Для Российского общества преподавателей русского языка и литературы 2018 год стал юбилейным: ровно 10 лет назад, в 2008 году прошел первый Конгресс РОПРЯЛ. Впервые на уровне всей страны в рамках столь широкоформатного мероприятия состоялось обсуждение вопросов, определяющих состояние и перспективы развития русской филологии, социолингвистики, методики преподавания русского языка и литературы. Уже на первом конгрессе было принято решение проводить подобные встречи на регулярной основе, один раз в два года. Это дало возможность наблюдать динамику развития отечественной русистики, фиксировать существующие проблемы и совместными усилиями профессионалов из различных регионов России выработать способы их преодоления.

Первые три конгресса РОПРЯЛ проводились в Санкт-Петербурге. В 2014 году решением правления нашего Общества столицей конгресса был избран Сочи, в 2016 году — Казань. Сегодня перед нами гостеприимно распахивает двери столица Башкирии. Такая региональная фокусировка представляется нам особенно значимой, ведь она позволяет сосредоточиться на практике научного описания, преподавания и популяризации русского языка в конкретном регионе, продемонстрировать его педагогическое наследие, достижения преподавателей на местах, выделить общие и частные, характерные только для этого края, параметры функционирования русского языка. Пользуясь случаем, от имени всего Российского общества преподавателей русского языка и ли-

тературы мы хотели бы выразить особую благодарность Правительству Башкирии за предоставленную возможность провести шестой конгресс РОПРЯЛ здесь, на башкирской земле.

Десятки городов, представительство ведущих университетов и школ страны, широкий охват научных направлений, внимание первых лиц государства — все эти особенности проводимого сегодня мероприятия подчеркивают одно важное обстоятельство: Конгресс РОПРЯЛ представляет собой отражение объективной ситуации в сфере отечественной русистики. Такая объективность достигается благодаря вниманию и уважению к экспертному опыту каждого из членов нашего общества. На научной площадке конгресса РОПРЯЛ каждый ученый может в свободном профессиональном общении подтвердить собственные научные гипотезы, обсудить новые проекты и даже сформировать коллектив соавторов для написания монографии. В свою очередь, педагог получает возможность рассказать о своих достижениях и взять на вооружение новые методические инструменты, которые он уже завтра сможет применить в аудитории. Хочется верить, что эта ценность конгрессов РОПРЯЛ сохранится и в будущем.

Охарактеризуем некоторые значимые для современной русистики тенденции, которые мы смогли выделить на основе содержательного анализа публикаций предыдущего, пятого Конгресса РОПРЯЛ в Казани. Нами были рассмотрены научные статьи направления «Русский язык: актуальные аспекты исследования».

Обращает на себя внимание интерес ученых — членов РОПРЯЛ к проблемам функционирования русского языка в средствах массовой информации, интернет-среде, в политическом дискурсе. Пристальное внимание русистов привлекает также группа вопросов, связанных с изменениями речевого поведения современных россиян на фоне социально-политических процессов в России и в мире. Богатый практический материал дает своим исследователям юридическая лингвистика, а также лингвистическая регионалистика. В рамках настоящего доклада рассмотрим каждый из этих тематических блоков подробнее.

Повышенным интересом у ученых-русистов пользуется круг проблем, связанных с языком средств массовой информации. Анализ журналистских произведений осуществляется как на аксиологическом, так и на инструментальном уровне, охватывая широкую палитру языковых средств, используемых создателями этих текстов. В качестве тревожных сигналов отмечается присутствием современным массмедиа редукционизм в формировании картины мира, потеря либо размывание авторитетов, пренебрежение к личности автора, его роли и ответственности в процессе создания текста. Подробно рассматриваются проблемы самоопределения русской языковой личности, испытывающей кризис идентификации вследствие перехода от однородной социокультурной парадигмы прошлого в мультикультурное пространство настоящего.

По мнению исследователей, язык СМИ воплощает в себе «совокупный образ национального языка», становится эталоном, на который равняется зрительская и читательская аудитория, замещая собой в этом статусе облигаторные произведения классической русской литературы. Остроту ситуации придает тот факт, что журналистский дискурс вовлекает в свою орбиту языковые элементы, которые ранее не были ему свойственны. Это избыточные канцеляризмы, разнообразные нелитературные формы, в том числе жаргонизмы, просторечная и даже обценная лексика. Приходится признать, что наблюдаемая сегодня демократизация языковой нормы в текстах, порождаемых СМИ, приводит к её фактиче-

ской дискредитации, что, как мы убедимся далее, не может не отражаться и на языке подрастающих поколений.

Анализ языковых средств в произведениях средств массовой информации позволяет говорить о постепенной трансформации коммуникативных стратегий. От передачи фактологически ценной информации, общественно значимых сведений, от риторики диалога СМИ переходят к риторике подчинения и манипуляции. Такая риторика подкрепляется опорой на эмоциональное, «некритичное» начало реципиента, на апелляцию к его сопричастности к описываемым фактам действительности, что обуславливает выбор преимущественно образных и экспрессивных языковых средств. Обращение к данным корпусной лингвистики показывает, что в арсенале приемов речевой манипуляции сравнительно невелика роль такой части речи, как глагол. По данным исследований на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, 35 глаголов речевого воздействия находят свое применение в два раза реже, чем 12 глаголов обращения, и почти в 20 раз реже, чем 66 глаголов речевого сообщения.

Такой парадоксальный вывод позволяет говорить о том, что манипулятивные стратегии реализуются в СМИ не напрямую в виде призывов к действию, а имплицитно, через разнообразные речевые приемы, экспрессивно-окрашенную лексику, в том числе через элементы разговорной речи. Проникновению элементов этой речи, в частности инверсий, в дискурс СМИ посвящена целая серия публикаций делегатов конгресса РОПРЯЛ. Так, анализ заголовков статей на новостных веб-ресурсах демонстрирует более частое использование измененного порядка слов, чем в традиционных печатных изданиях. Это объясняется желанием авторов таких текстов повысить их экспрессивность. Факт языковой игры и манипуляции читательским вниманием подтверждают и классификации подобных заголовков, предлагаемые учеными-русистами: выделяют, например, заголовки с эффектом обманутого ожидания, с эффектом усиленного содержания либо с интригующе скрытым содержанием.

Отдельного внимания в научных публикациях членов РОПРЯЛ получила тема новой лексики, употребляемой журналистами в своих произведениях. В работах исследователей подробно анализируются медийные новообразования, созданные с системными нарушениями словообразовательной структуры. Употребление таких новообразований рассматривается в постмодернистском контексте языковой игры (например, «оцифриться», «гаишничество»). В структуре отбираемых журналистами языковых средств выразительности усиливается роль прецедентных единиц, что обусловлено особенностями массового восприятия: в условиях переизбытка входящей информации потребитель воспринимает её фрагментарно, и ему становится достаточно лаконичного прецедентного высказывания, чтобы «распредметить» скрытый в нем смысл.

Медийное словотворчество сегодня также характеризуют такие особенности, как активное заимствование иноязычной фразеологии («раскачивать лодку», «утечка мозгов», «голубые фишки», «гражданин мира»), обращение к префиксам преимущественно негативной оценочности (анти-, контр-, псевдо-, квази- и др.), применение слов с латинской графикой параллельно с употреблением русских композитов (в частности, на основе ядерной лексемы «fashion»). Находят применение также иностранные узуальные слова в виде аббревиатур без побуквенной расшифровки (КАСКО, СПА). Кроме того, констатируется частичное обновление русской языковой картины мира, связанной с устройством будущей жизни: о будущем мы тоже предпочитаем рассуждать с опорой то на иноязычные заимствования («форсайт», «дорожная карта»), то на семантические кальки уже известных русских слов («вызов», «активный», «успешный»). Компоненты значения новых лексических единиц должны учитываться в соответствующих словарях.

В содержательном плане ученые констатируют подчеркнутый негативизм транслируемых в СМИ сообщений, их социально-политическую маркированность. Примечательно, что анализ употребления терминологических сочетаний «социальные ценности» и «культурные ценности»

демонстрирует подвижность значений и свободную интерпретацию данных понятий журналистами: они некорректно и редко употребляются, что позволяет говорить о незначительной роли этих важных компонентов в тематической повестке дня современных медиа.

Масштабные изменения диагностируются и в повседневной речи современных россиян. Большой интерес у ученых вызывает феномен интернет-общения, в том числе реакции пользователей Интернета на тексты СМИ, отображаемые в комментариях. В научных публикациях по данной теме рассматривается смена коммуникативно-прагматических установок личности, увеличение доли фатического общения, переход с темы беседы на личность собеседника без обсуждения содержания прочитанного. Нередки случаи, когда авторы комментариев ставят своей целью не отстоять свою точку зрения, а эмоционально подавить собеседника, задеть его самолюбие. Лингвисты констатируют стремительный процесс обновления русского разговорного лексикона глагольными префиксальными образованиями, основанными на англоязычных производных компьютерного сленга: «забанить», «перепостить», «дислайкать», «заспамить», «отфрендить» и т. д. Вместе с тем в практику речи россиян возвращаются архаизмы, которые при погружении в новый лингвистический контекст переживают свою «ресемантизацию», сопровождаясь коннотативными приращениями, например, «царское дело» (при упоминании вопроса, требующего вмешательства первых лиц государства), или «государевы люди» (о чиновниках).

Примечательно, что наблюдаемая в молодежной интернет-среде мода на эрративное написание, так называемый «олбанский язык», уходит, а искаженные словосочетания, такие, как «много букаф», возвращаются к нормативному истоку. К многословным и неинтересным материалам авторы интернет-комментариев присовокупляют орфографически корректное клише: «много букв». В качестве примера языкового саморегулирования в Интернете набирает популярность и явление «новой грамотности» — распространение изображений, представляющих в ироническом

ключе примеры речевых ошибок. Исследователи рассматривают названное явление не только как частное проявление игровых стратегий постмодерна, предполагающих подтрунивание над неграмотным собеседником, но и как способ повышения интернет-пользователями собственного статуса и даже статуса родного языка.

Вместе с тем в речевой культуре современных россиян продолжают сохраняться негативные факторы, отмечаемые учеными на протяжении последних десятилетий. Прежде всего, речь идет о переориентации идеалов высокой и элитарной культуры на культуру обиходную, сопровождаемую отказом от речевых табу, повсеместным применением жаргонизмов, о способности значительной доли россиян к лексическому варьированию и переключению речевых регистров. Вызывает тревогу феномен обеднения кодовой матрицы у подрастающих поколений. Как показывают данные исследований, приводимые в сборнике конгресса РОПРЯЛ, 75% опрошенных старшеклассников и студентов регулярно используют в своей повседневной речи такие глаголы, как «возникать», «влипнуть», «наехать», «отвалить», «отжигать» — в том значении этих слов, которые в словарях имеют пометы «просторечие», «разговорно сниженное», «жаргонное». Вызывает особую настороженность тот факт, что 15% от этого числа не знают словарного значения представленных слов и не могут заменить их литературными аналогами.

Примечателен и еще один эксперимент, в ходе которого современным учащимся было предъявлено для прочтения письмо школьницы 1939 года. В ходе эксперимента удалось установить, что из 223 слов письма современные дети употребляют в своей речи от 10 до 80 слов, и лишь 2 ученицы из 50 подтвердили, что понимают все слова. К числу неизвестных большинством учеников были отнесены такие общеупотребимые сегодня слова, как «тенор», «кошунство», «недомолвка», «апатия», «пессимист», «паралич», «репертуар», «революционер». Таким образом, мы можем констатировать неутешительный факт: в двадцать первом веке речь молодых носителей русского языка изменилась настолько, что при встре-

че со своими сверстниками из первой половины двадцатого века им потребовался бы переводчик.

Подобные наблюдения говорят о необходимости реализации мероприятий, направленных на воспитание языкового вкуса, чувства уместности и обоснованности использования речевых единиц прежде всего в детской и юношеской среде.

На речевую практику современных россиян оказывает существенное влияние и язык рекламы, который также является объектом пристальных наблюдений со стороны ученых. Отмечается, что создаваемые креативными агентствами окказионализмы образуются теми способами, которые ранее не считались продуктивными, например, путем контаминации и межсловного наложения, создания окказиональных наречий и причастий, выделения отдельных букв или частей слов в целях привлечения внимания: «проСОЧИТЬся», «ГРЕКнутья», «сникерснуть», «смотрибельно», «чудесатее» и др. Нередки и плеонастические сочетания, например «сервисный пункт обслуживания», и грамматические ошибки, «золотая семечка» (о марке подсолнечного масла), гиперболы в оценке («дикая экономия»). Не имея лингвистического чутья, молодые носители языка не всегда могут правильно распознать лингвистическую провокацию и включают данные слова и выражения в свой лексикон, что еще сильнее отдаляет их от речи образованного носителя русского языка.

Динамика языковых процессов и многообразии сфер функционирования русского языка, а также развитие корпусной лингвистики и информационных технологий способствуют активному развитию отечественной лексикографии. В докладах членов РОПРЯЛ рассматриваются такие магистральные направления, как лексикографирование лингвокультуры, сопряженное с реконструкцией языковой картины мира, внимание к идеографии, лексикографирование с установкой на активные виды речевой деятельности, возникновение «народной» лексикографии на основе открытых словарных интернет-ресурсов. На смену словарной аспектизации приходит время словарной комплексности. Появляются и но-

вые разработки: так, в одной из представленных на конгресс статей описывается проект аксиологического фразеологического словаря русского языка со слотовой структурой ценностей (жизнь, здоровье, счастье, родина и др.) и антиценностей (смерть, болезнь, несчастье, чужбина и др.).

Своеобразной реакцией отечественной русистики на социальный заказ является развитие междисциплинарных исследований в области юрислингвистики, направленных на поиск компромисса между юридической научной парадигмой, с одной стороны, и лингвистической — с другой. Повышение прозрачности органов государственной власти, более активное вовлечение граждан России в процесс обсуждения законодательных инициатив, рост количества судебных споров, связанных с привлечением экспертов-филологов, делают данное направление все более актуальным, и с каждым конгрессом число публикаций по этой теме растет. В ближайшие годы лингвистам и правоведам предстоит совместными усилиями выработать научные подходы для решения таких вопросов, как лингвистическая экспертиза законопроектов, анализ речевого конфликта во всей сложности и многомерности этого явления.

Еще одно направление современных филологических исследований, которое набирает обороты от конгресса к конгрессу, связано с описанием языковых явлений в контексте лингворегиеоноведения. Это направление, также именуемое лингвистической регионалистикой, представляет собой интегративный подход к исследованию языка и культуры, объектом которого является язык региона. Это неоднородное образование, вбирающее в себя нормированный литературный язык, диалекты, говоры, жаргоны и социолекты, явления смешения и контаминации взаимодействующих между собой языков, микропонимику. Немало статей в рамках рассматриваемого направления посвящено ономастике различных регионов России — Татарстана, Якутии, Крыма, Волгоградской области. Наряду с констатацией частных особенностей, выделяются и общие признаки, характеризующие ономастику современного российского мегаполиса: это реализация

коммуникативной стратегии «повышения статуса» (в названиях кафе, ресторанов, других учреждений обслуживания); актуализация национально-культурных компонентов, свойственных данному региону; обращение к техникам «массового лингвокреатива» (графическая гибридизация, дефразеологизация и т.д.). Интерес к данной теме говорит о продолжающемся поиске путей лингвистической презентации регионов России и бережном отношении российских филологов к региональным пластам русского языка.

Мы рассмотрели ключевые направления, характеризующие функционирование русского языка в современной России. Безусловно, понятие «современная русистика» вбирает в себя гораздо более широкий спектр тем, связанных с преподаванием русского языка на различных уровнях образования, с экспортом образовательных программ российских вузов, с лингводидактическим тестированием, с трансляцией «русской языковой картины мира» через литературные произведения. Вне всяких сомнений, формат проводимого сегодня мероприятия позволит рассмотреть все эти направления на должном уровне с участием ведущих экспертов из разных регионов России. Желаю всем участникам VI Конгресса РОПРЯЛ в Уфе плодотворной и интересной работы!

ФОРМИРОВАНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО АСПЕКТА КВАЛИФИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

EVGENY I. IVNITSKII

THE FORMATION OF THE SEMANTIC ASPECT
OF THE QUALIFICATIONAL CATEGORY OF EVALUATION IN RUSSIAN LANGUAGE

В статье затрагиваются вопросы, связанные с формированием в высказывании оценочного значения как квалификативной модусной категории. Оценочное значение рассматривается в виде поля, где оценочный предикат находится в ядерной зоне, а к периферии смещаются предложения с безоценочным предикатом, но оценка в них формируется с учетом коммуникативного членения предложения либо другими речевыми средствами.

Ключевые слова: категория; оценочность; квалификативный; модальность; субъект; предикат; модус; коммуникативный.

The article addresses the issues related to the formation of estimates, as qualificatives modus category. The estimated value is regarded as the field, where the estimated predicate occupies the nuclear area, and the sentences with unbiased predicate are shifted to the periphery, but the estimate formed in them is created taking into account the basis of communicative segmentation, or by the other verbal means.

Keywords: classification; evaluation; qualifications; modality; subject; predicate; mode of communication.

В лингвистике понятие оценочности рассматривается как отношение субъекта речи к объекту. Отношение это выражается положительной или отрицательной оценкой, которая содержится в значении предиката. Оценочность следует отличать от оценки, так как она не связана целевой установкой высказывания, поэтому оценочность многие относят к одному из модальных значений, которое наслаивается при знаком *хорошо/плохо* на основное модальное значение *реальности/ирреальности*, образуя, так называемую, модальную оценку. Основной проблемой в определении оценочного значения является преобладание в оценке субъективного или объективного аспекта. Ведь соотношение оценки и дескрипции меняется от синтаксической позиции слова, оценочный (субъективный) смысл может актуализироваться с помощью интенсификаторов, восклицательной интонации. Поэтому весьма важным и актуальным представляется исследование оценочности как квалификативной модусной категории. Кроме того, категория оценочности

Евгений Иванович Ивницкий

Аспирант

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85,
Белгород, 308015, Россия

► ewgen12.ivnitskij@yandex.ru

Evgeny I. Ivnitskii

Belgorod State
National Research University

85, ul. Pobedy,
Belgorod, 308015, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. И. А. Нагорный

взаимодействует в высказывании с квалификативной категорией модальности, которая может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, например с помощью интонации, и тем самым образуется субъективно-оценочное высказывание. Поэтому оценочность, как и категория модальности, может участвовать в квалификации субъектом сообщаемой информации по признаку *хорошо/плохо*.

Оценочный компонент присутствует не только в словах с основным значением *хорошо/плохо*, но и в словах с периферийным оценочным значением. При этом оценочное значение актуализируется в высказывании категорией модальности, и в этом случае даже объективные оценки приобретают субъективные оттенки. Так, по утверждению Е. М. Вольф, дескриптивные слова не любят предикативной позиции, а оценочные наоборот, так как имеют квалификативный смысл [3]. Например:

Здесь были люди очень хорошие, просто хорошие, неплохие, плохие, очень плохие — но среди них сейчас не было, пожалуй, ни одного счастливого (В. Шефнер); Какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен ... добр или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь... Критику или читателю дело до моей книги и только (А. Пушкин).

Оценочное значение присутствует здесь в предикативных словах (*хорошие, неплохие, плохие; хорош, дурен*), а предикативность, соединяясь с модальностью, соотносит эти значения с действительностью и квалифицирует предмет речи по признаку *хорошо/плохо*.

Несколько слов следует сказать о модальности, чтобы определиться с ее ролью в формировании оценочного значения. В семантической структуре предложения модальность отдельного значения не имеет, а вносит дополнительный субъективный смысл (*вероятность, истинность*) и соотносит высказывание с объективной действительностью посредством предикативности. Квалификатором сообщаемого категория модальности выступает, прежде всего, на коммуникативном уровне предложения, где посредством актуального членения предложения усматриваются субъективно значимые смыслы.

Субъективную значимость высказыванию придает и оценочное значение, хотя, по замечанию А. В. Бондарко [2], не всегда оценка в высказывании входит в модальное значение, и соответственно такое высказывание оценочным назвать нельзя. Например:

Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую (А. Чехов); Она снизу вверх медленно посмотрела ему в зрачки с непроницаемо-презрительным выражением опытной красивой женщины, уверенной в своей неотразимости (Ю. Бондарев).

В этих высказываниях оценочные слова не входят в предикативный минимум предложения, но во втором предложении оценочные слова относятся к рематической пропозиции (*непроницаемо-презрительным выражением; уверенной в своей неотразимости*). Оценка в данных примерах входит в семантику слов и является их архисемой: *презрительный* — от глагола презирать, то есть относиться к чему-либо без уважения, считать низким, мелким, ничтожным. Слово *неотразимость* в основном своем значении безоценочное (*неотразимая атака*), но в переносном оно употребляется как оценочное, в значении — оказывающий сильное воздействие, влекущий к себе, покоряющий чем-либо (<http://gramota.ru>). Поэтому предложение с данными словами на коммуникативном уровне высказывания является оценочным, о чем и говорит прагматическая значимость высказывания.

Первичность и вторичность оценочного значения в словах позволили разделить их на общеоценочные и частнооценочные, а также на дескриптивное и оценочное значение. Общеоценочное слово *хороший* (вполне положительный; такой, как должен быть) включает в себя и соответствие норме, и обладание желаемыми качествами, и положительные моральные качества, и другие частные оценки:

Иван Иванович неплохо зарабатывал и успел купить хороший дом в городе Лиски, неподалеку от Боброва (Э. Лимонов).

Слова *неплохо* и *хороший* не входят в предикативную структуру предложения, и слово *неплохо* имеет значение — соответствие норме (доволь-

но хорошо, удовлетворительно), хотя в функции сказуемого оно «выражает положительную оценку какой-либо ситуации» (<http://ru.wiktionary.org>). Однако с точки зрения коммуникативного членения высказывания они входят в группу сказуемого, и соответственно являются ремой высказывания, и могут выделяться интонационно в зависимости от прагматической речевой ситуации, то есть оценочные слова здесь характеризуют субъект действия, заявленный в теме с помощью количественного показателя утилитарной оценки. Общеоценочное слово *хороший*, как уже говорилось, включает в себя различные частные показатели, в данном же контексте оно в первую очередь поясняет утилитарную оценку — *неплохо зарабатывал*.

Частные оценки представлены в классификации Н. Д. Арутюновой [1: 75], где выделяются три группы частных оценок: сенсорная группа: оценки ощущения субъекта (*тонкий вкус, глубокий человек и др.*); сублимированные оценки, являющиеся нормативными: эстетические и этические, удовлетворяющие нравственное чувство (*высокие идеалы, низкие чувства*); рациональные оценки, в основе которых физическая или психическая польза, соответствие стандарту: *полезный — вредный* (утилитарная оценка), *правильный — неправильный* (нормативная), *эффективный — неурдачный* (теологическая).

Для многих частнооценочных слов оценочное значение является основным, входит в архисему слова, но есть и такие, где оценка вторична в значении слова и соответственно выводится из контекста, и такие слова находятся на периферии поля оценки. Например:

Завтракали мы с Ниной вдвоем, и завтрак был стандартный: по одной банке консервированной (очень вкусной) кукурузы на двоих, что стоило 1 р. 01 к. (И. Демьянов); *Другой, тоже стандартный, пример — приглашение новыми фирмами высококвалифицированных специалистов в менеджеры или в совет директоров* (Л. Малков).

В первом примере слово *стандартный*, относящееся, по классификации Н. Д. Арутюновой, к нормативным оценкам, употребляется в значении *лишенный оригинальности, своеобразия*

и тем не менее является оценочным. В этом случае предикативная позиция соотносит значение данного слова с квалификативной категорией модальности, которая делает его субъективно значимым, а следовательно, оценочным. Хотя следует отметить, что без дополнительных модально-оценочных средств, в том числе и интонации, высказывание сложно квалифицировать как оценочное.

В другом предложении слово *стандартный* не находится в предикативной позиции, но составляет отдельную пропозицию с самостоятельным положением дел, которое, выделяясь уточнением интонационно, тоже квалифицируется как оценочное, относящееся к норме. И поэтому высказывание с данным оценочным словом соотносится с нормативной оценкой, хотя репрезентируется она не так явно, а с учетом контекста.

Разделение оценочного и дескриптивного значений позволяет говорить о квалификативной категории оценочности, в которую входят данные значения и актуализируются коммуникативной задачей высказывания, с учетом прагматической ситуации общения.

При этом грамматический уровень предложения позволяет выделить семантическое поле оценочности, где в зависимости от преобладания оценочных сем в словах формируется ядро или периферия оценки. Например:

Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила, этого я так, признаюсь, не понимаю (И. Тургенев).

Слово *милый* употребляется с явным оценочным компонентом, имеет значение: *располагающий к себе, славный, хороший (о человеке)*. Предикативная позиция в предложении актуализирует оценочное значение, и слово *милый* свободно заменяется оценочным синонимом *хороший, приятный и др.* Для сравнения можно взять другой пример:

Облака плывут, облака, // В милый край плывут, в Колыму, // И не нужен им адвокат, // И амнистия ни к чему... — пела я в гробовой тишине, и постепенно дрожь в руках унималась, и мой небольшой голос звучал свободней... (Д. Рубина).

Здесь слово *милый* употребляется в значении: *близкий сердцу, родной*, и его нельзя уже заменить оценочным синонимом *хороший, прекрасный*, то есть дескриптивное значение преобладает над оценочным значением. Этому способствует и синтаксическая позиция слова, не входящего в предикативный минимум предложения.

Как можно видеть, оценочное значение в высказывании актуализируется по разным причинам: слово с оценочным значением входит в предикативный минимум предложения; оценочного значения нет в предикате, но оно входит в новую информацию при актуальном членении предложения; многозначные слова с дифференциальным оценочным или дескриптивным значением актуализируются коммуникативным уровнем высказывания; порядок слов может актуализировать субъективную, в том числе оценочную значимость всего высказывания. Последние два признака оценочного значения можно отнести к периферии языкового значения оценки, так как кроме оценочного значения подобные высказывания выражают и дескриптивное (описательное) значение, без квалификации субъектом сообщаемого по признаку *хорошо/плохо*.

Порядок слов в предложении может мотивировать и актуализировать оценочную сему. Прямой порядок слов свойственен объективному описанию происходящего, а обратный порядок слов называют еще *субъективным*, так как позиция субъекта речи актуализируется через предикат, который находится не в своей позиции и интонационно выделяется. Например:

Звонче звенел надсадный перепелиный крик, отчетливей слышалось милое пение жаворонков (М. Шолохов).

Оценочное слово *милое* относится к группе подлежащего, но, благодаря обратному порядку слов, участвует в квалификации субъектом ситуации как положительно оценочной. Оценочная сема актуализируется с помощью наречного интенсификатора *отчетливей*, а именно в речи происходит усиление предикативного признака, его выделение, грамматическое значение которого заключается в отнесении субъектом сообщаемого к действительности и к самому сообщаемому.

На актуализацию оценочного смысла в высказывании оказывают влияние интенсификаторы со значением *очень, совершенно*; слова, усиливающие истинность признака, — *настоящий, истинный*; восклицательные слова *какой, что за* и др. И предложения с подобными признаками, в зависимости от наличия слов с оценочным значением, участвуют в формировании оценочного поля:

Столь раннее поступление позволило «выиграть» два года у войны и заложить основы систематического математического образования, значение которого в своей дальнейшей научной карьере Лавров оценивал очень высоко (Н. Дубова); *Необходимо отметить, что несмотря на некоторые опасения со стороны правоохранительных органов, массовое мероприятие прошло очень спокойно, никаких серьезных инцидентов зафиксировано не было* (А. Смотров).

Сразу следует отметить, что в приведенных примерах интенциональное слово *очень* участвует в формировании различной степени оценки. *Очень высоко* (оценивать) можно рассматривать как высокую степень положительной оценки, а в другом примере слова *очень спокойно* скорее указывают на соответствие норме, стандарту, нежели высокой оценке. Да и само слово *спокойно* не имеет первичного оценочного значения (оценочной архисемы), а, как и прилагательное *спокойный*, означает *не испытывающий или не проявляющий волнения и тревоги*, то есть не имеющих качеств, которые могут быть расценены как отрицательные; единственно, что слово *очень* в безоценочной ситуации, безусловно, придает оценочный смысл.

Возьмем другой пример:

Рома не звонил, я, естественно, не звонила ему, но, по слухам, он был не очень счастлив с женой, которая мало того, что была редкой занудой, еще и гуляла налево и направо, как говорили друзья (О. Зуева).

В этом предложении оценку выражают несколько слов: оценка *не очень счастлив* противопоставляется оценочным словам *редкой занудой и гуляла налево и направо*. *Не очень счастлив* можно расценивать как что-то среднее между *не счастлив* и *счастлив*, хотя данное смягчение категоричности отрицательной оценки может расцениваться и отрицательно, так как два от-

рицательных аргумента не в пользу основания оценки (жены). Следовательно, слово *счастлив* имеет положительное оценочное значение, а интенсификатор *очень* с частицей *не* делают оценку проблематичной, имея в виду основание оценки (семейные отношения), хотя, например, в работе или в друзьях он (грамматический субъект) мог быть вполне счастлив. Поэтому *не очень счастлив с женой* понимается как счастлив, но не с женой, так как слово *счастлив* не перестает быть положительно оценочным и ему сложно подобрать нейтральную оценку. Следует обратить внимание на социальный статус оценки, который эксплицируется вводной конструкцией — *по слухам*, делая тем самым оценку субъективно значимой.

Немаловажная роль в определении оценочного значения отводится субъекту, который относится к формальному аспекту предложения. С точки зрения субъекта, в определении Е. М. Вольф [3], оценка может быть индивидуальной, выражать общее мнение или быть бессубъектной:

*Например, дикое просо часто встречается в кукурузе и имеет **красивый** розовато-фиолетовый оттенок (Соломенные картины // Народное творчество, 2004).*

Оценочное слово *красивый* входит в предикативный минимум предложения, но оценка производится не грамматическим субъектом, а говорящим, субъектом синтаксическим, и это придает оценке истинность, неоспоримость. Такая оценка является объективно обусловленной, связанной с дескриптивным описанием предмета. В другом примере:

*Оказалось, что Елена Геннадьевна Вопилова, преподаватель музыкальной школы, решила со своими учениками вернуть в наш город **красивый** и веселый праздник (Тропинка к истокам русской культуры // Народное творчество, 2004).*

В этом предложении слово *красивый* не входит в предикативный минимум, однако на коммуникативном уровне высказывания входит в новую информацию при актуальном членении. Кроме того, оценка производится не только синтаксическим лицом, но и грамматическим субъектом. Наличие грамматического субъекта оценки дела-

ет ее субъективно значимой (квалификативной), ее можно заменить общей оценкой (*хороший и веселый праздник*), а также с субъективной оценкой грамматического субъекта может не согласиться или поспорить рассказчик. Иногда сам грамматический субъект (или деятель) подвергает свою оценку, как субъективную, сомнению:

*Поразительно **красивый** проект, — и добавил: — Правда, реализация его обоилась тысяч в десять человеческих жизней (В. Гроссман).*

Так, субъект оценки, выражен ли он только синтаксически или и грамматически, влияет на субъективность и объективность оценки. Как квалификативная модусная категория субъективная оценка находится в центре семантического поля оценочности, а с появлением дескриптивных смыслов и тем более с их преобладанием в высказывании оценочное слово смещается к периферии оценочного значения.

Таким образом, категория оценочности в высказывании представляется как квалификативная модусная категория, тесно взаимодействующая с модальностью и выражающая отношение субъекта со значением *хорошо/плохо*. Такая оценочная квалификация представляет ядро семантического поля оценки в предложении. Лексическая оценка не всегда входит в предикативный минимум предложения, который является основным способом оценочной квалификации, но при этом оценка может входить в состав новой информации при актуальном членении предложения, и на коммуникативном уровне все предложение может иметь оценочную квалификацию. Разделение оценочной лексики на общеоценочную и частнооценочную позволяет говорить о словах чисто оценочных и словах, в которых оценка соединяется с дескрипцией. Дескриптивные слова избегают предикативной позиции и соответственно смещаются на периферию оценочного значения. Кроме общей и частной оценки ее разделяют на субъективную оценку и объективную. В высказывании объективная оценка, как правило, не подвергается сомнению, так как выражает авторскую позицию, а субъективная оценка со стороны грамматиче-

ского субъекта не всегда совпадает с авторской оценкой, поэтому объективная оценка часто тяготеет к стандарту, дескрипции, одним словом, входит только в диктумное содержание предложения. Немаловажное значение для оценочности имеет обратный порядок слов, который называют субъективным, и дескриптивные слова при нем приобретают в высказывании оценочный смысл. Особая роль в оценочной квалификации отводится субъекту оценки: если субъект оценки грамматический, то субъективность оценки этим подчеркивается, а если оценка относится лишь к синтаксическому лицу, то ее значение может нивелироваться, хотя сложно представить себе оценку в высказывании без деятеля. Поэтому перспективным представляется исследование

категории оценочности с точки зрения субъекта речи, так как именно от субъекта зависит наличие оценочного значения в высказывании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

REFERENCES

1. Arutiunova N. D. (1988) *Tipy iazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Values. Evaluation. Event. Fact]. Moscow. (in Russian)
2. Bondarko A. V. (1990) *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad. (in Russian)
3. Vol'f E. M. (1985) *Funktsional'naiia semantika otsenki* [Functional semantics of assessment]. Moscow. (in Russian)

[хроника]

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ, ПРОСТОРЕЧИЯ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ: РОПРЯЛ ПОДВОДИТ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА СМИ

(Продолжение на с. 28)

Опубликованы результаты исследования «Vox populi: мониторинг речевого поведения русскоязычных журналистов в России, странах ближнего и дальнего зарубежья», которое было выполнено Российским обществом преподавателей русского языка и литературы по заказу Министерства просвещения России в рамках Федеральной целевой программы «Развитие образования». В ходе проекта были выявлены наиболее типичные ошибки и тенденции речевого употребления, действующие в сфере массмедиа, а также сформулированы предложения по совершенствованию имеющихся программ профессиональной подготовки.

Мониторинг 248 печатных и звучащих текстов СМИ в различных регионах России и зарубежья выявил проблемные зоны, связанные с нарушением норм литературного русского языка. Наличие этих проблемных зон необходимо учитывать при обновлении содержания обучения в курсах практической стилистики, русского языка и культуры речи, медиалингвистики и других дисциплин, преподаваемых на факультетах журналистики российских университетов.

В современной речи журналистов трудности вызывают многие сложные случаи орфографии и пунктуации, которые описаны в словарях и справочниках. Наряду с системными ошибками были выделены и некоторые характерные

тенденции речевой практики журналистов. Эти тенденции, по мнению экспертов РОПРЯЛ, могут оказать непосредственное влияние на динамику норм русского литературного языка: к ним относится тенденция к вытеснению двоеточия и других знаков препинания тире, небрежное оформление прямой речи, хаотичное использование правил написания слов со строчной или прописной буквы. На графическом уровне в ходе мониторинга выявилась тенденция в языке медиа к синхронному использованию латиницы и кириллицы для слов, которые находятся в стадии освоения (*Инстаграм* — *Instagram* и др.).

Для звучащих медиатекстов по-прежнему наиболее важным остается орфоэпический и ак-

РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ

SVETLANA S. VAULINA, LARISA V. KOKOVINA
RUSSIAN PARTICLES AS EXPLICATORS OF SUBJECTIVE MODALITY MEANINGS
IN "THE OVERCOAT" BY N. V. GOGOL, AND THEIR CORRELATIONS
IN THE ENGLISH TRANSLATION OF THIS TALE

В статье на материале повести Н. В. Гоголя «Шинель» рассматриваются русские частицы с точки зрения их роли в реализации субъективно-модальных значений и средства передачи данных значений в англоязычном переводе повести. На основе функционально-семантического анализа выявляются конкретный характер реализации различного модального потенциала русских частиц и степень адекватности их соответствий в англоязычном переводе, связанной со структурно-семантическими особенностями английского языка.

Ключевые слова: субъективная модальность; частицы; межъязыковые соответствия; эквивалент; художественный текст.

The article, based on the material of Nikolai Gogol's "The Overcoat", explores Russian particles from the perspective of their role in the realization of subjective modality meanings. The article focuses on some ways of conveying these meanings in the English translation of the tale. High model potential of Russian particles is revealed by the means of functional-semantic analysis. The article also examines different variants used by translators to transfer the meanings of Russian particles. In most cases these meanings in the English text are expressed by other parts of speech, which is connected with the peculiarities of the structural-semantic system of the English language.

Keywords: subjective modality; particles; correspondence; equivalent.

Светлана Сергеевна Ваулина

Доктор филологических наук,
профессор Института гуманитарных наук

► svaulina@mail.ru

Лариса Викторовна Коковина

Кандидат филологических наук,
доцент Института гуманитарных наук

► larisa.kokovina@gmail.com

Балтийский федеральный
университет им. И. Канта
ул. А. Невского, 14,
Калининград, 236016, Россия

Svetlana S. Vaulina, Larisa V. Kokovina

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 ul. A. Nevskogo,
Kaliningrad, 236016, Russia

Субъективная модальность, являясь важной структурно-содержательной частью универсальной семантической категории модальности, включающей в себя широкий комплекс модально-оценочных значений, вполне закономерно вызывает исследовательский интерес к специфике её выражения в разных языках. Особое значение приобретает проблема передачи этих значений на другой язык в художественном произведении, ведь, несмотря на то, что «всякий художественный текст, созданный на каком-либо языке, потенциально полилингвален» [10: 28], вполне очевидно, что художественному переводу присущи свои особые правила эквивалентности оригиналу.

Субъективно-модальные значения имеют широкий спектр разноразноуровневых языковых средств выражения, в том числе частицы, большинство из которых в русском языке «обнаруживает в своем значении

модальные оттенки и тяготеет к категории модальных слов» [3: 545].

Т. М. Николаева, говоря о функциях частиц в высказывании, указывает, что это целый «смысловой мир»: а) «мир высказывания», когда частицы включаются в какое-либо высказывание на правах его компонента и оказываются связанными с его структурой; б) «мир текста», высказывание с частицами никогда не существует вне рамок какого-либо текста; в) «мир реальности», частица, будучи компонентом высказывания, принимает участие в передаче какого-либо события или ситуации; г) «мир дополнительной скрытой семантики», частицы обладают уникальным свойством «передавать <...> скрытую, но общедоступную для всех носителей языка <...> объективную семантику» [8: 28–31].

Е. В. Падучева, рассматривая частицы с точки зрения прагматики, отмечает, что «употребление их в предложении нередко точно задает тип речевого акта, который может быть осуществлен с помощью данного предложения» [9: 302–303]. Вышесказанное свидетельствует о том, что частицы в русском языке связаны, скорее, не с лексическим, а с синтаксическим уровнем, выполняя важную прагматическую функцию, порождаемую определенной синтаксической организацией высказывания, и активно участвуя в создании модальной тональности высказывания (см. об этом подробнее: [4; 7]).

Большинство выражаемых русскими частицами модальных значений имеет имплицитный характер, что создаёт трудности при их переводе на другие языки, в частности на английский, который «относится к классу „слабопартитивных“ языков, в то время как русский относится к „языкам частиц“» [6: 26]. «Таким образом, как отмечает А. Г. Минченков, задача переводчика сводится к тому, чтобы, идентифицировав функцию частицы в определённом прагматическом контексте, попытаться найти в языке перевода такие средства, которые выполняли бы эквивалентную функцию и производили бы эквивалентный перлокутивный эффект» [5: 350].

Цель данной статьи — рассмотреть реализацию субъективно-модальных значений

посредством модальных частиц и идентифицировать их базовые переводческие соответствия на материале повести Н. В. Гоголя «Шинель» и ее перевода на английский язык, который выполнен Р. Пивером и Л. Волхонской, опубликован максимальным тиражом и пользуется признанием как у специалистов, так и у широкого круга читателей.

В ограниченных рамках статьи остановимся на анализе наиболее репрезентативных частиц, функционирующих в повести: усилительных частиц *даже*, *же/ж*, *уже/уж*, *ведь*, *вот*, частиц с субъективно-модальными значениями сомнения, предположения, неуверенности *ли*, *вряд ли* и побудительной частицы *пусть*.

Частице *даже*, употребляющейся для усиления субъективно-модального значения уверенности говорящего в своем высказывании и имеющей яркий субъективно-оценочный характер с повышенной экспрессивностью, в переводном тексте повести соответствует английское наречие *even*, которое «используется для того, чтобы подчеркнуть что-нибудь неожиданное, удивительное, или для того, чтобы усилить сравнение»¹ [11: 429]. Таким образом, в семантике обеих лексем присутствует значение усиления характеристики описываемого объекта, и данное соответствие можно рассматривать как эквивалентное. Ср.:

«Сторожа не только не вставали с мест <...>, но *даже* не глядели на него» (118)²; — «The caretakers not only did not rise from their places <...> but did not *even* look at him» (396); «...*даже* в том человеке, которого свет признает благородным и честным» (119) — «...*even* in a man the world regards as noble and honorable» (397).

Высказывания с частицей *же/ж*, «употребляющейся для выделения, подчеркивания значения слова, после которого ставится» [1, т. 5: 586], имеют либо форму прямого или косвенного вопроса, либо утвердительного предложения. Реализация значения частицы *же/ж* при ее переводе на английский язык представляет большую трудность, поскольку, как уже отмечалось выше, в английском языке нет эквивалентных соответствий этой и ряду другим частицам. Ср.:

«...на что, как известно, всегда посмотрит его *же* брат, молодой чиновник» (120) — «...his young fellow clerk always look at it» (398);

«Приходя домой, он садился в тот же час за стол» (120) — «Coming home, he would sit down *straight away* at the table» (398).

Как видно из приведенных контекстов, в первом примере в тексте английского перевода отсутствуют какие-либо варианты соответствия русской частицы *же*, то есть в высказывании содержится исключительно фактуальная информация, а эмоционально-экспрессивный компонент снижен. Во втором примере для передачи модального значения, эксплицируемого частицей *же*, переводчики используют наречие *straight away* (сразу, немедленно), что можно рассматривать как достаточно адекватное вариантное соответствие.

В вопросительных и восклицательных предложениях частица *же/ж* используется для выражения субъективно-модального значения удивления и недоумения. Например:

«Как же новую?» (124) — «How's *that* ... new?» (403);
«Что ж делать!» (117) — «No help for it!» (394).

В тексте английского перевода для передачи соответствующего модального значения в обоих примерах используется прием грамматической трансформации. В первом примере употреблено указательное местоимение *that* (это), что не является эквивалентным соответствием, но модальный смысл высказывания тем не менее сохраняется. Во втором примере используется идиома *there is no help for it* (ничего не поделаешь). В данном варианте модальный смысл меняется. В тексте оригинала выражено недоумение и отчаяние — «что ж делать!», однако вопрос не решен, ситуация еще ждет своего разрешения, в то время как «ничего не поделаешь» — уже вывод, все решено и говорящий смирился с ситуацией.

Интересными в плане сравнительного функционально-семантического анализа представляются примеры с употреблением в тексте повести «Шинель» частицы *уже/уж*. Приведем некоторые из них.

- (1) «Фамилия чиновника была Башмачкин. *Уже* по самому имени видно, что она произошла от башмака» (117) — «The clerk's last name was Bashmachkin. From the name itself one can *already* see that it once came from *bashmak*» (395);
- (2) «Теперь *уже* всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество»

(117) — «Nowadays every private individual considers the whole of society insulted in his person» (394);

- (3) «...но так как *уже* заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то, нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда» (122) — «...+but since there exists a rule that the character of every person in a story be well delineated, there is no help for it, let us have Petrovich here as well» (400);
- (4) «*Уж* вы лучше, как придет зимнее холодное время, наделайте из нее себе олучек» (124) — «You'd better make yourself footcloth out of it when the winter cold comes» (403);
- (5) «Новую шинель *уж* я вам сошью на славу, *уж* на этом постоим...» (126) — «I'll make you a new overcoat, I'll do it up famously, that I will» (405).

Как видно из вышеприведенных контекстов, субъективно-модальное значение усиления и уточнения, эксплицируемое частицей *уже* в примерах 2–5, не актуализировано в тексте перевода ни эксплицитно, ни имплицитно, модальные смыслы текста оригинала утрачены. В первом же примере усилительный акцент в тексте оригинала сделан на существительном *имя* «уже по самому имени», а в тексте перевода, где значение частицы *уже* передается с помощью наречия *already* (уже), оно относится к глаголу *see* (видеть), «уже можно видеть», то есть наблюдается некоторое смещение субъективно-модальных акцентов. В тексте оригинала в сильной смысловой позиции стоит существительное *имя*, поскольку автору важно обратить внимание читателя именно на имя главного героя, в то время как в тексте перевода усиление делается на глагол *видеть*, что затушевывает авторскую целевую установку.

Частица *ведь*, согласно толковым словарям русского языка, употребляется «для усиления выразительности и выделения какого-либо слова или основного содержания всего высказывания» [1, т. 2: 378]. По мнению К. Бонно и С. Кодзасова, «ведь указывает на то, что вводимая информация, будучи адекватной, является одновременно релевантной для правильной интерпретации ситуации адресатом речи. Гарантом адекватности является действительность, гарантом релевантности — говорящий. Этимология частицы отражает презумпцию объективного существования вводимой с помощью *ведь* информации» [2: 428].

Эти функциональные особенности рассматриваемой частицы последовательно реализуются в тексте повести «Шинель». Например:

«Ведь у меня и денег на это нет» (124) — «I have no money for that» (403);

«...ведь нельзя же залезть в душу человека и узнать все, что он не думает» (130) — «...it's really impossible to get inside a man's soul and learn all he thinks» (411);

«...ведь только всего, что на плечах поистерлась, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки» (124) — «It's only a bit worn on the shoulders, surely you have some little scraps» (403).

Сравнительный анализ вышеприведенных примеров позволяет констатировать, что в первом из них субъективно-модальное значение уверенности говорящего в своем высказывании, эксплицируемого частицей *ведь*, в тексте перевода оно не актуализировано. В последующих примерах в качестве соответствий частицы *ведь* в переводе используются наречия *really* (действительно, в самом деле) и *surely* (несомненно), что можно рассматривать как адекватное по смыслу соответствие.

Частица *вот*, которая не только указывает на какой-то объект, но и «употребляется для подчеркивания, выделения, усиления значения разных слов [1, т. 3: 191], в тексте рассматриваемой повести усиливает эмоциональность высказывания, делает его более экспрессивным, демонстрирует личное субъективное отношение говорящего к своему высказыванию. Например:

«...дело совсем гнилое, тронешь иголкой — а *вот* уж оно и ползет» (124) — «...the stuff's quite rotten — touch it with a needle and it falls apart» (403);

«...а что *вот* как он на них пожалуется, так *вот* тогда они увидят» (133) — «...that he would make a complaint about them and they would see» (414);

«А я *вот* того, Петрович... Шинель-то, сукно... *вот* видишь» (123) — «And I've come, Petrovich, sort of...this overcoat...this broadcloth... you see» (402).

Сравнительный анализ вышеприведенных примеров показывает, что в тексте перевода частица *вот* не представлена никакими языковыми средствами, и этот факт значительно снижает эмоциональность и экспрессию соответствующих переводных контекстов.

Частица *ли* преимущественно употребляется в вопросительных конструкциях, которые

весьма часто имеют риторическую тональность, создающую значительную степень сомнения говорящего в способности адресата без затруднения ответить на поставленный им вопрос, что весьма отчетливо прослеживается в примерах из оригинального текста повести. В соответствующих примерах переводного текста повести отсутствуют корреляты русской частицы *ли*, вследствие чего происходит утрата вышеуказанных субъективно-модальных значений. Ср.:

«...не будет *ли* это уж очень много с его стороны, не будет *ли* фамильярно, и не уронит *ли* он чрез то своего значения?» (135) — «Would it not be excessive on his part, would it not be familiar, would it not be descending beneath his importance?» (416);

«Знаете *ли* вы, с кем говорите? Понимаете *ли*, кто стоит перед вами?» (134) — «Do you know with whom you speaking? Do you realise who is standing before you?» (416).

Частица *вряд ли*, так же, как и частица *ли*, выражающая субъективно-модальное значение сомнения в достоверности высказывания, напротив, имеет в тексте английского перевода рассматриваемой повести корреляты, в качестве которого выступает наречие *hardly*, (едва ли, вряд ли), благодаря чему в нем сохраняется модальный рисунок оригинала. Ср.:

«Вряд *ли* где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности» (119) — «It would hardly be possible to find a man who lived so much in his work» (397).

То же можно сказать и об английском эквиваленте побудительной частицы *пусть*, использующейся в оригинальном тексте повести «Шинель». Авторы английского перевода для передачи модального значения побуждения посредством частицы *пусть* используют глагол *let*, который в одном из своих значений «употребляется для выражения сильного желания, чтобы что-то произошло» [11: 737]. Ср.:

«...пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть сын будет Акакий» (118) — «...better let him be named after his father. His father was Akaky, so let the son also be Akaky» (395).

Таким образом, проведенный функционально-семантический анализ показал, что передача субъективно-модальных значений, эксплицируемых русскими частицами в оригинальном

художественном тексте, в англоязычном переводе осуществляется единицами разных языковых уровней, преимущественно с помощью наречий, местоимений и фразеологических сочетаний. В большинстве исследуемых примеров для их передачи используются языковые средства, которые можно рассматривать как достаточно равнозначные соответствия, но по своему значению и прагматическим функциям они являются менее экспрессивными и не содержат скрытых модальных смыслов, свойственных русским частицам, что приводит к неадекватной передаче содержательно-подтекстовой информации и исчезновению национального колорита. Это еще раз свидетельствует о сложности передачи субъективно-модальных значений на другой язык, требующей высокого профессионального мастерства авторов перевода художественного текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод словарных статей с английского на наш.

² В круглых скобках указаны страницы, на которых находятся примеры, по следующим изданиям: русский текст — Гоголь Н. В. Повести. Пьесы. Мертвые души. М.: Художественная литература, 1975; перевод на английский язык — The Collected Tales of Nikolai Gogol / Transl. by R. Pevear and L. Volkhonsky. London: Granta Books, 2003.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка / Под ред. К. С. Горбачевича. СПб., 2004.
2. Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеализацию и интонирование (на примере частиц же и ведь) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания: сб. тр. М., 1998. С. 421–432.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
4. Купоросов П. А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
5. Минченков А. Г. Прагматические функции частицы «вот» и их отражение в переводе. // Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода. *Studia Linguistica*. Т. 7. СПб., 1998. С. 349–354.
6. Минченков А. Г. Russian Particles in English Translation. СПб., 2001.
7. Нагорный И. А. Выражение предикативности в предложениях с модально-персуазивными частицами: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

8. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на матер. славянских языков). М., 2005.

9. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. М., 1996.

10. Чайковский Р. Р. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: (основы теории). М., 2014.

11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 2000.

REFERENCES

1. Gorbachevich K. S., ed. (2004) *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Big Academy Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg (in Russian)
2. Bonno K., Kodzasov S. V. (1998) *Semanticheskoe var'irovanie diskursivnykh slov i ego vlianie na linealizatsiiu i intonirovanie (na primere chastits zhe i ved')* [The Semantic Variation of Discourse Words and its influence on Linealization and Intoning (on the example of particles "zhe" and "ved'")]. In: *Diskursivnye slova russkogo iazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia* [The Discourse Words of the Russian Language: the Practice of Context-Semantic Description]. Moscow, pp. 421–432. (in Russian)
3. Vinogradov V. V. (1986) *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language. Grammar Studies about the Word]. Moscow. (in Russian)
4. Kuporosov P. A. (2008) *Semantika emotsional'no-ekspressivnykh chastits sovremennogo russkogo iazyka* [The Semantics of Emotional-Expressive Russian Particles] (Candidate's thesis, Philology, Moscow State University, Moscow, 2008. (in Russian)
5. Minchenkov A. G. (1998) *Pragmaticheskie funktsii chastitsy «vot» i ikh otrazhenie v perevode* [The Pragmatic Functions of the particle "vot" and their Role in Translation]. In: *Iazykovaia kartina v zerkale semantiki, pragmatiki i perevoda. Studia Linguistica* [The Linguistic Image in the Mirror of Semantics, Pragmatics and Translation. *Linguistics Studio*], vol. 7, pp. 349–354. (in Russian)
6. Minchenkov A. G. (2001) *Russian Particles in English Translation*. St. Petersburg. (in English)
7. Nagornyi I. A. (1999) *Vyrazhenie predikativnosti v predlozheniakh s modal'no-persuazivnymi chastitsami* [The Expression of Predicativity in the Sentences with modal-persuasive Particles] (Doctor's thesis, Philology) Moscow State University, Moscow, 1999. (in Russian)
8. Nikolaeva T. M. (2005) *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavianskikh iazykov)* [The Functions of Particles in the Statements]. Moscow (in Russian)
9. Paducheva E. V. (1996) *Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; semantika narrativna*. [The Semantic Research: Semantics of Tense and Aspect in the Russian Language; the semantics of Narration]. Moscow. (in Russian)
10. Chaikovskii R. R. (2014) *Khudozhestvennyi perevod kak vid mezhu'kul'turnoi kommunikatsii: (osnovy teorii)* [Literary Translation as a Way of Intercultural Communication (theory basics)] Moscow. (in Russian)
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (2000). Oxford. (in English)

ПОЛИРЕГИСТРОВЫЙ ТЕКСТ ПУТЕВОДИТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ ПО КИТАЮ ДЛЯ РУССКИХ ТУРИСТОВ)

CHEN LEI

POLYREGISTERITY OF THE GUIDEBOOK:
ON THE EXAMPLE OF TRAVEL GUIDEBOOKS ON CHINA FOR RUSSIAN TOURISTS

Чэнь Лэй

Аспирант кафедры русского языка

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

► chenleim@mail.ru

Chen Lei

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. М. Ю. Сидорова

В статье рассматривается синтаксическая (регистровая) композиция текста путеводителя, демонстрируются закономерности использования и сочетания в этом жанре коммуникативных регистров — трех монологических (репродуктивный, информативный, генеритивный) и одного диалогического (волюнтивного, при отсутствии реактивного). В качестве примеров использованы путеводители по Китаю для русских туристов, однако полирегистровый текст и основные принципы синтаксической композиции, выявленные нами, являются общими для жанра путеводителя в целом. Они определяются коммуникативными особенностями текста, прежде всего особенностями коммуникативной рамки (отношения адресанта и адресата); интенцией автора и спецификой денотата (описываемого объекта).

Ключевые слова: коммуникативно-функциональная грамматика; анализ текста; путеводитель; коммуникативный регистр; синтаксическая композиция.

The article examines the syntactic (register-based) composition of a guidebook text, and demonstrates the usage patterns and combinations in this genre of communicative registers: three monological (reproductive, informative, generative) and one dialogic (volitive, in the absence of the reactive). The guidebooks to China for Russian tourists are used as examples, but the polyregisterity of the text and the basic principles of syntactic composition revealed, are common for the genre of a guidebook as a whole. They are determined by the communicative features of the text, especially the ones of the communicative framework, i.e. the relationships of the sender and the addressee; by the intention of the author and by the specifics of the denotatum (described object).

Keywords: communicative and functional grammar; text analysis; guidebook; communicative register; syntactic composition.

Метод анализа текстов, предложенный в коммуникативно-функциональной грамматике Г. А. Золотовой, позволяет анализировать текст на всех уровнях и «показать, что язык в тексте дает больше возможностей для получения содержательной аналитической информации, чем принято видеть» [2]. Кроме того, коммуникативно-грамматический подход дает нам возможность изучать текст с учетом интенции его автора и интерпретации его адресатом, т. е. в реальной структуре

коммуникации, для функционирования в которой он предназначен: «Коммуникативная грамматика слова мыслится как необходимый компонент грамматики порождения и декодирования речевых произведений» (взгляд Е. В. Клобукова приводим по: [5: 33]. Слова В. В. Виноградова о том, что «задача [лингвиста] — в подборе слов и их организации в синтаксические ряды найти связывающую их внутренней, психологической объединенностью систему и сквозь нее прозреть пути эстетического оформления языкового материала» [1: 196], хотя и были сказаны об изучении языка художественной литературы, но релевантны и для других типов текста, особенно предназначенных не только для информирования читателя, но и для оказания на него воздействия. К таким типам текста относится и путеводитель.

Надежной опорой для ответа на вопрос, поставленный В. В. Виноградовым, служит теория коммуникативных регистров, предложенная Г. А. Золотовой. Г. А. Золотова убедительно доказала (сначала на примере художественных текстов, а затем эта мысль была распространена на другие типы текста), что «читательские ожидания и способы обработки текста будут варьироваться в зависимости не только от размера произведения, формы речи (прозаическая или поэтическая), содержания (сюжетность или лирика), но и от регистровой структуры: для каждого типа текстов ожидается определенная регистровая композиция, а для блоков каждого регистра имеются свои структурно-семантические ожидания, связанные с рассмотренной выше регистровой техникой, и композиционные функции, выполнять которые эти блоки предназначены в том или ином жанре текста» [6: 15–16]. Типология коммуникативных регистров, созданная Г. А. Золотовой, представляет собой одновременно «систематизацию способов текстового моделирования действительности и функциональную группировку средств языковой системы и принципов построения текстов»: «Больший или меньший уровень обобщения, пространственно-временная позиция носителя слова, ментальный или сенсорный способ познания мира, динамический или статический характер изображаемой действительности моделирует-

ся в конкретных текстах с помощью предоставляемой системой языка регистровой техники» [Там же: 2].

По коммуникативному назначению регистры были разделены Г. А. Золотовой на две группы. К первой можно отнести те регистры, которые обеспечивают построение монологического текста и служат для сообщения (в широком смысле), а именно: **репродуктивный** (изобразительный), **информативный** и **генеритивный** регистры [3]. В свою очередь, репродуктивный и информативный регистры делятся на подрегистры, в зависимости от их отношения к статике или динамике:

- репродуктивно-описательный;
- репродуктивно-повествовательный;
- информативно-описательный;
- информативно-повествовательный.

Соответственно описание отражает статичность, отсутствие действия и, как следствие, сюжета. Повествование, напротив, отражает динамику, последовательность действий, из которых в тексте складывается определенный сюжет.

Ко второй группе относятся два регистра, которые реализуются в диалогической речи, — это **волеупотребительный** и **реактивный** регистры [Там же].

Все эти регистры, за исключением реактивного, востребованы в тексте путеводителя, реализуя его коммуникативную специфику. Эта специфика заключается, во-первых, в том, что современный путеводитель все больше начинает восприниматься:

- а) не только как информирующий адресата, но и как управляющий адресатом источник;
- б) как текст, воздействие которого связано со всеми тремя этапами формирования образа туристической дестинации — до посещения, во время посещения, после посещения [7].

Во-вторых, с точки зрения коммуникативной рамки путеводителя, то есть отношений между автором и адресатом, путеводитель можно охарактеризовать как «культурный посредник» и как источник информации, который, для того чтобы работать эффективно, должен выглядеть, согласно предложенной классификации, как «естественный», т. е. как **друг и советчик**, который делится информацией по просьбе читателя,

а не навязывает ее. Задача автора состоит в том, чтобы найти способы донести до читателя (потенциального туриста) «чужое» так, чтобы оно, не переставая быть притягательным в силу своей новизны, экзотичности, не отталкивало непонятностью, странностью (см.: [8: 2]).

Соответственно преобладающей схемой регистровой композиции путеводителя является чередование репродуктивного и информативного регистров, что позволяет автору воздействовать и на перцептивный, и на умозрительный компонент мировосприятия потенциального туриста, направляя его к выбору дестинации и формируя ее первичный образ.

1. Репродуктивно-описательный регистр — один из основных, используемых в текстах путеводителей для описания достопримечательностей:

«Между Полуденными Воротами и Воротами Высшей Гармонии течет река, воды которой, изгибаясь как лук, идут с запада на восток. Вода берет начало из дворцового рва на северо-западе и медленно стекает в ров на юго-востоке. Эта река называется Внутренняя Золотая Вода (内金水 — Нэйцзиньшуй — Neijinshui — Inner Golden Water) [Включение информативного регистра. — Авт.] Через нее перекинута пять мостов, а берега украшены парапетом из белого мрамора. Центральный мост, самый длинный и широкий, украшен узорами в виде драконов и облаков» (<http://beijing.roadplanner.ru/forb/forbtour.html>).

2. Репродуктивно-повествовательный регистр встречается в тексте путеводителя значительно реже, чем репродуктивно-описательный. Это, как правило, фрагменты, в которых автор как бы ведет за собой читателей по виртуальному пространству (динамика в них — это динамика перемещения наблюдателей и/или их взгляда):

«Виртуальная экскурсия начнется от Восточных Дворцовых Ворот. Маршрут пройдет через район Двора и прилегающие объекты, а затем по Длинному Коридору к подножью южного склона Холма Долголетия. После мы поднимемся на холм и спустимся по его северному склону к Торговой Улице Сучжоу. Далее перейдем на запад холма к Мраморной Ладье, а затем на пароме переедем на Остров Южного Озера. С острова путь пройдет по Семнадцатирочному Мосту на восточный берег озера Куньмин, а далее по Западной Дамбе к Картинам Земледелия и Ткачества».

3. В информативно-описательном регистре в путеводителях бывают представлены фраг-

менты, указывающие на особый статус дестинации и то, чем она привлекательна, в начале статьи о ней:

«Запретный город Китай (Forbidden City). Одна из самых знаковых достопримечательностей Пекина. Подавляющее большинство туристов, в первую очередь, едет именно сюда; Площадь Тяньаньмэнь в Китае (Tiananmen Square). Расположенная в непосредственной близости от запретного города, площадь Тяньаньмэнь, является одной из самых известных достопримечательностей Пекина. Крупная, всегда многолюдная, она привлекает к себе внимания тысяч туристов ежегодно; Люличан (Liulichang Street). Не совсем обычная достопримечательность Пекина. Если вы любите антикварные вещи и прогулки под открытым небом, улица Люличан в Пекине вас должна заинтересовать. Здесь можно приобрести не стандартные скучные сувениры, а что-то действительно интересное на память» (<https://blogger-trip.ru/aziya/kitaj/200-dostoprimechatelnosti-pekina.html#10>).

В эти блоки информативно-описательного регистра могут включаться как информативные и оценочные характеристики самой дестинации (ее уникальность, необычность, популярность), так и, как мы видим, указание на способ «использования» дестинации, предлагаемое поведение в данном месте (например, купить сувениры).

4. В информативно-повествовательном регистре путеводитель рассказывает об истории достопримечательностей:

«Пагода Лэйфэн 雷峰塔 — визитная карточка Ханчжоу. Она стоит на берегу озера Сиху. В эпоху Мин ее сожгли и разграбили японские пираты, в 1924 году пагода обрушилась, а в 2002 году была восстановлена» (<https://anashina.com/dostoprimechatelnosti-hangzhou/#1-5>);

«Мемориальный храм Yang Jiaoshan был построен в честь господина Yang Jisheng — министерского советника времён династии Мин, известного своей честностью и непредвзятостью. Имя Yang Jiaoshan является его вымышленным именем. В 1552 году советник Yang Jisheng был несправедливо обвинён и посажен в тюрьму. Вскоре он был казнён. Уже при династии Цин в 1784 году старый дом, в котором когда-то жил господин Yang Jisheng был превращён в мемориальный храм Yang Jiaoshan. На главных воротах этого храма вырезана надпись «Дом господина Yang Jiaoshan». Ещё до середины прошлого века во дворе храма рос вяз, посаженный лично господином Yang Jiaoshan, но в 1953 году его сломал сильный ветер» (<http://www.openarium.ru/Китай/Пекин/Храмы/>).

Соотношение информативного и репродуктивного регистра в тексте о дестинации опре-

деляется прежде всего ее пространственным размером. Ср.:

а) текст о городе (информативный регистр):

«Пекин расположен на севере Великой китайской равнины. Город с трех сторон граничит с провинцией Хэбэй, а на юго-востоке с Тяньцзинем. В 160 километрах на юго-восток от города находится Бохайское море. Пекин состоит из 16 городских и 2 сельских районов. В Пекине живут представители 56 этнических групп, но большинство населения представляют народность Хань (96 процентов). Дерево города — восточная туя и кипарис, а цветок города — роза и хризантема» (<http://beijing.roadplanner.ru/index.html>);

б) текст о храме (чередование репродуктивного регистра с информативным):

«Конфуцианский храм в городке Цзядин построен в очень красивом месте — его окружает спокойная тихая природа, а недалеко есть мирное озеро с пагодой, цветущими кувшинками и величественным мостом. **Здесь можно ознакомиться с постулатами конфуцианства, которые лежат в основе всей китайской культуры. Оригинальный храм был построен около семисот лет назад, с тех пор неоднократно восстанавливался и реставрировался.** Здание храма достаточно внушительных размеров, на входе установлены 72 скульптуры золотых львов, каждый из которых имеет свою уникальную позу. Внутри храма находятся статуи Конфуция и каменные плиты с написанными на них притчами» (<http://www.openarium.ru/Китай/Шанхай/Храмы/>).

Если дестинация имеет локальный характер, т. е. в принципе охватывается взглядом (одной «порцией наблюдения»), то соотношение информативного и репродуктивного регистра определяется тактикой автора. Сравним два описания храмов. Первое (оно представляется нам не слишком удачным и мало мотивирующим к посещению) целиком выполнено в информативном регистре, во втором после вводных предложений в информативном регистре чередуются репродуктивные визуальные образы и их информативная интерпретация:

а) «Храм Древних монархов не очень известен не только иностранным туристам, посещающим Пекин, но и многим коренным жителям столицы. А зря. Храм является настоящей жемчужиной средневековой китайской архитектуры. Он был построен во времена династии Мин. В храме императоры поклонялись своим предкам. Эта церемония просуществовала до падения династии Цин. В дальнейшем помещение буддийского храма использовалось в ос-

новном не по назначению. И лишь в 2004 году после дорогостоящей реставрации храм был снова открыт для свободного посещения, но уже в качестве музея» (<http://www.openarium.ru/Китай/Пекин/Храмы/>);

б) «Храм Сююнь в Фаншане — один из довольно хорошо сохранившихся древних буддийских храмов. По оценкам, данный храм был построен приблизительно в шестом веке нашей эры. **Вход в храм — это массивные металлические ворота красного цвета, что символизирует богатство и процветание. Над воротами возведена невысокая пагода.** Храм Сююнь состоит из двух небольших помещений. Внутри можно увидеть монахов в оранжевых и желтых одеждах, **когда-то здесь был буддийский монастырь. Стены усыпаны иероглифами — это сутры, священные надписи, в которых рассказаны притчи и диалоги с Буддой.** Фотографироваться внутри храма согласно религиозным соображениям запрещено» (<http://www.openarium.ru/Китай/Пекин/Храмы/>)

Ошибочная тактика автора первого описания состоит, на наш взгляд, в том, что утверждение «*храм является настоящей жемчужиной средневековой китайской архитектуры*» не подкреплено автором никакими яркими деталями, которые могли бы визуальным образом подтвердить. Автору второго описания удалось создать яркие визуальные образы в репродуктивном регистре, при этом дать к ним комментарий в информативном.

Реже автору удается понизить уровень общения и включить в информативный регистр языковые средства, свойственные репродуктивному, при описании дестинации, имеющей большие пространственные размеры. Такой нестандартный образец начала статьи о дестинации обнаруживаем в электронном путеводителе на сайте «Рамблер/путешествия»:

«Сердце Поднебесной

Пекин, или Beijing на местный лад, означает Северная столица. Оказавшись в сердце Китая, легко потеряться. **Переулки запружены многочисленными автомобилями и такси, на тротуар то и дело выезжают китайские велорикши, а переходить улицу в Пекине — все равно, что играть со смертью. Правила дорожного движения здесь прочно забыты. Повсюду шатры, в которых чадит огонь и прямо тут же готовятся экзотические шашлычки из змей и скорпионов. Запахи сшибают с ног. И то и дело кто-то дергает за рукав, предлагая на ломаном английском, поторговаться за нехитрый сувенир. А параллельно широким проспектам с блистающими стеклом и сталью небоскребами стучатся, словно змеи, узкие улочки кварталов бедняков — хутуны. Здесь дух**

и колорит настоящего Китая» (<https://travel.rambler.ru/guide/asia/china/beijing/>).

Выделенные предложения, хотя и включены в информативный контекст и описывают не актуально наблюдаемые, а повторяющиеся ситуации и постоянные признаки, построены с использованием средств репродуктивного регистра: перцептивных предикатов (*чадит, запахи шишбают с ног, струятся*), конкретных пространственно-временных показателей (*прямо тут же, то и дело*), предметных и локативных существительных, прилагательных и причастий, обозначающих наблюдаемые признаки (*широкий, блистающий, узкий*). Таким образом автору удается мгновенно погрузить читателя в чувственно воспринимаемую обстановку города, создать ощущение наполненности пространства предметами, запахами, разнообразными перцептивными стимулами, сразу формирующее у потенциального туриста яркий образ Пекина (ср. с примером начала описания Пекина из другого путеводителя выше).

5. Генеритивный регистр. Для данного регистра так же, как и для двух предыдущих, характерна коммуникативная цель сообщения, однако его особенностью является высшая степень абстракции, обобщения: «говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом, охватывающим обозримую человеческим знанием протяженность линии T_1 » [2]. Генеритивный регистр, как правило, встречается в тексте путеводителя в виде цитат, крылатых выражений, афоризмов и других прецедентных текстов культуры страны, которой он посвящен. Вот, например, возможный способ композиционного решения начала статьи о туристической дестинации:

«Китайцы говорят, что „на Небе — рай, на Земле — Сучжоу и Ханчжоу“. Ханчжоу 杭州, по возможности, стоит посетить обязательно. Здесь сохранилось немало памятников архитектуры, окруженное городом и горами красивейшее озеро Сиху. В этих местах истари выращивают знаменитый чай лунцзин» (<https://anashina.com/china>).

Статья начинается с апелляции к прецедентному тексту китайской культуры — генеритивный регистр. Затем идет волюнтивный

регистр (см. ниже) — побуждение к действию. Затем его краткое обоснование в информативно-описательном регистре.

6. Волюнтивный регистр побуждает адресата к действию. В волюнтивном регистре в путеводителях даются советы и рекомендации, делаются предостережения:

«Если хотите узнать больше об истории Китая, зайти сюда будет не лишним; Гуляя по площади, будьте внимательны и не попадайтесь на уловки мошенников» (<https://blogger-trip.ru/aziya/kitaj>).

Степень иллюкативной силы советов и рекомендаций может варьироваться — от крайне настоятельной (*обязательно посетите*) до весьма деликатной, ср.:

«**Обязательно посетите** расположенную здесь же скалу Фэйлайфэн (飞来峰, Прилетевшая скала), в которой вырезаны фигуры будд, бодхисаттв и архатов» (<https://anashina.com/dostoprimechatelnosti-hangzhou>) и

«Ухань 武汉 — крупный город на реке Янцзы. **Специально туда ехать, наверное, не стоит, но если попадете, не пожалее**» (<https://anashina.com/china>).

На границе между информативным и волюнтивным регистром находятся конструкции с модальными предикатами и обобщенно-личные конструкции, в которых автор сообщает о том, что можно сделать, принято делать или обычно делают при посещении данной дестинации:

«Главной достопримечательностью храма является 5,4-метровая статуя Судхана — дитя богатства, украшенного эмалью. Статую окружают восемь медных рыб с открытыми ртами, куда посетители бросают монетки» (<http://www.openarium.ru/Китай/Шанхай/Храмы/>).

Как видно из примеров, волюнтивный регистр в текстах путеводителей представляет собой вкрапления в репродуктивный или информативный. Исключением является отдельный поджанр кратких электронных путеводителей или аналогичные ему разделы бумажных путеводителей, построенные по популярному сейчас принципу «X вещей, которые можно сделать в дестинации Y за время Z», например «9 вещей, которые можно успеть сделать в Чэнду за 72 часа» (<http://www.restbee.ru/guides/author/viachieslavgoroviets>). Основу этих текстов составляет именно волюнтивный регистр.

7. Реактивный регистр выражает непосредственную эмоционально-оценочную реакцию. Для путеводителей нехарактерен.

Как мы уже видели в приведенных примерах, регистровое переключение (полирегистровость) является типичной характеристикой текста путеводителя: автору нужно использовать все доступные ему средства создания позитивной мотивации для потенциальных посетителей дестинации. Рассмотрим, как в следующем тексте позитивная мотивация создается сложным взаимодействием регистровых техник:

«Храм Ченьхуаньмао — традиционный китайский буддийский храм, окружённый небольшим уютным садом, в котором растут деревья гинкго. Здание храма очень старое, построено в виде пагоды в три яруса и представляет историческую ценность. Цвет его — традиционный красный, с жёлтыми табличками на стенах, на которых написаны буддийские притчи и сказания. Внутри пахнет ладаном, и монахи в жёлтых и красных одеждах совершают богослужения. Интерьер оформлен в тёмно-красных тонах. Здесь можно приобрести тибетские лечебные травы, амулеты и обереги» (<http://www.openarium.ru/Китай/Шанхай/Храмы/>).

Сначала позитивная мотивация создается здесь взаимодействием репродуктивного регистра (в нем автор «насыщает» перцептивное пространство читателя зрительными образами, добавляя затем обонятельный — запах ладана) и информативного, в котором задействованы важные для создания образа китайских туристических дестинаций лейтмотивы «старинны» и «традиции». Даже цвет стен здания охарактеризован как «традиционный красный». В конце текста добавляется косвенное побуждение к совершению действия, выраженное в предложении с модальным словом «можно».

Выводы. Стратегия автора, связанная с коммуникативной спецификой жанра путеводителя и обуславливающая синтаксическую (регистровую) композицию текста, складывается из следующих компонентов: а) нацеленность на формирование у читателя «стратегии позитива» по отношению к представляемым достопримечательностям; б) не только информирование потенциального туриста, но и воздействие на него на трех стадиях деятельности (выбор дестинации

для посещения, ее восприятие при посещении, последующая оценка успешности посещения); в) создание текста, функционирующего как эффективный «культурный посредник», а не только источник информации; г) установление с читателем (потенциальным туристом) отношений друга и советчика, минимизация впечатления «навязанности» информации, отбора достопримечательностей и отношения к ним.

В свете указанных черт авторской стратегии основными регистрами, используемыми в исследуемых текстах, являются репродуктивный и информативный. Генеритивный и волюнтивный регистры используются ограниченно: первый — в цитатах, афоризмах, крылатых фразах; второй — для эксплицитного управления вниманием читателя и регулирования способа посещения дестинации (выбора наиболее благоприятного времени и маршрута, указания на рекомендуемые к совершению в дестинации действия и под.). Реактивный регистр не используется.

Преобладание репродуктивного регистра, апеллирующего к перцептивному компоненту мировосприятия, или информативного, апеллирующего к умозрительному компоненту мировосприятия, и композиция этих регистров при описании конкретной дестинации обусловлены следующими факторами: а) характеристиками самой дестинации (ее объем, т. е. возможность охватить ее одним взглядом; наличие у нее богатой истории и/или символического смысла и т. п.); б) текстовыми тактиками автора — его нацеленностью на более объективное или более субъективное, пропитанное эмоционально-оценочными смыслами и интерпретациями, описание и его позицией по отношению к адресату.

ПРИМЕЧАНИЕ

* О значении и развитии понятия «туристическая дестинация» см.: [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития пророка Аввакума // Русская речь: Сб. ст. / Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923. Ч. 1. С. 195–293.
2. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.

3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

4. Зорин И. В. Туристская дестинация // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов: Сб. науч. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. 8–10 июня. 2010 г., Петрозаводск — Кондопога / Под общ. ред. А. И. Шишкина, Т. А. Кодоловой. Петрозаводск, 2010. С. 71–75.

5. Клобукова Л. П. Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997. Вып. 1. С. 32–39.

6. Сидорова М. Ю. Регистровая техника и ее возможности // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посв. юбилею Г. А. Золотовой. М., 2002. С. 487–497.

7. Gartner W. C. Image Formation Process // Recent Advances in Tourism Marketing Research / Ed. by D. R. Fesenmaier, J. T. O’Leary, M. Uysal. New York, 1993. P. 191–215.

8. Smyth F. Constructing place, directing practice? Using travel guidebooks // *Edinburgh Working Papers in Sociology*. 2008. P. 1–22.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. (1923) O zadachakh stilistiki. Nabludeniia nad stilem Zhitiia protopopa Avvakuma [On the tasks of stylistics. Observations on the Life style of the Archpriest Habakkuk]. In: Shcherba L. V., ed. *Russkaia rech’ [Russian speech]*. Petrograd, part 1, pp. 195–293. (in Russian)

2. Zolotova G. A. (2001) Grammatika kak nauka o cheloveke [Grammar as a science of man]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language in a scientific light]*, no. 1, pp. 107–113. (in Russian)

3. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. (1998) *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [Communicative grammar of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

4. Zorin I. V. (2010) Turistskaia destinatsiia [Tourist destination]. In: Shishkin A. I., Kodolova T. A., eds. *Rol’ turizma v modernizatsii ekonomiki rossiiskikh regionov [The role of tourism in the modernization of the economy of Russian regions]* (Proceedings of the conference). Petrozavodsk, pp. 71–75. (in Russian)

5. Klobukova L. P. (1997) Problemy izucheniia kommunikativnoi grammatiki russkogo slova [Problems of the Russian word communicative grammar studying]. In: Krasnykh V.V., Izotov A.I., eds. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]*, iss. 1. Moscow, pp. 32–39. (in Russian)

6. Sidorova M. Iu. (2002) Registrovaia tehnika i ee vozmozhnosti [Register-based technology and its capabilities]. In: *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta [Communicative-semantic parameters of grammar and text]*. Moscow, pp. 487–497. (in Russian)

7. Gartner W. C. (1993) Image Formation Process. In: Fesenmaier D. R., O’Leary J. T., Uysal M., eds. *Recent Advances in Tourism Marketing Research*. New York, pp. 191–215. (in English)

8. Smyth F. (2008) Constructing place, directing practice? Using travel guidebooks. *Edinburgh Working Papers in Sociology*, pp. 1–22. (in English)

[хроника]

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ, ПРОСТОРЕЧИЯ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ...

(Начало на с. 16. Окончание на с. 44)

центологический уровень, поскольку ошибки в постановке ударения или произношения слов говорят о низкой речевой культуре диктора и сразу обращают на себя внимание. Подобные ошибки недопустимы еще и потому, что из-за экстралингвистических особенностей массовой коммуникации (распространение информации на массовую аудиторию) данные ошибки могут укореняться в речевом узусе общества и расшатывать норму, поскольку в обществе до сих пор не изжито отношение к дикторской речи как к речи образцовой.

Для исправления сложившейся ситуации эксперты РОПРЯЛ предлагают обновить словники имеющихся словарей для работников теле- и радиовещания (М. А. Штудинер и др.) либо создать актуальные списки слов, произношение которых вызывает трудности на современных теле- и радиоканалах. «Мы бы рекомендовали не отдельные словарные статьи, имеющие про-

светительское значение (как, например, на сайте gramota.ru), а именно списки трудных слов, поскольку в современных редакциях из-за экономии денег редакторские службы для подготовки текста к произнесению в эфире практически сведены к нулю, и в условиях постоянной нехватки времени журналистам удобнее и быстрее было бы найти правильный вариант ударения именно по спискам, а не по словарным статьям», — отметила эксперт проекта, профессор кафедры стилистики русского языка Московского государственного университета Наталья Ивановна Клушина.

По мнению авторов исследования, в текстах СМИ встречается большое количество случаев тавтологии и плеоназмов. И если в звучащей речи данные ошибки можно объяснить условиями спонтанности и неподготовленности эфирной речи, то в печатных текстах подобного рода ошибки рассматриваются как грубые и недопу-

НЕОЛОГИЗМЫ Н. Я. БИЧУРИНА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЯ «КИТАЙ, ЕГО ЖИТЕЛИ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПРОСВЕЩЕНИЕ»)

CHEN PEIJUN

NEOLOGISMS INVENTED BY NIKITA YA. BICHURIN:
ON THE MATERIAL OF HIS BOOK "CHINA, ITS PEOPLE, CUSTOMS, FOLKWAYS, EDUCATION"

Чэнь Пэйцзюнь

Аспирант кафедры русского языка
филологического факультета

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► liliachen@yandex.ru

Chen Peijun

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель:

д-р филол. наук, проф. Т. С. Садова

Статья посвящена изучению неологизмов, созданных Н. Я. Бичуриным при составлении известной монографии «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение» (1840). Значительное внимание уделено рассмотрению слов, образованных по словообразовательным моделям церковнославянского языка. Перечисляются наиболее частотные способы словообразования: приставочный, суффиксальный, словосложение.

Ключевые слова: неологизмы; Н. Я. Бичурин; речетворчество.

The article explores neologisms invented by N. Ya. Bichurin during the preparation of his monograph "China: Its People, Customs, Folkways, and Education" (1840), with special attention to the words derived from Church Slavonic models. The common ways of word formation are prefixal, suffixal, stem-composition.

Keywords: neologisms; Nikita Ya. Bichurin; creative language use.

Первый русский синолог, академик Императорской академии наук, признанный знаток китайского языка и переводчик с множества его диалектов, Н. Я. Бичурин был ученым по призванию и судьбе, поскольку, будучи православным священником, принявшим монашество, служил в Китае главой русской духовной миссии и, как кажется, был далек от занятий наукой. Однако искренний интерес о. Иакинфа к жизни Китая, его многовековой культуре, обращение к древним письменным источникам дали толчок его многолетнему подлинно научному исследованию Китая и народов, его населяющих.

В первой половине XIX века, когда художественный стиль русского литературного языка, по мнению многих исследователей, находился на весьма высоком уровне развития [4; 6], неудовлетворенность образованного общества состоянием научного стиля, в том числе в сфере этнографии, ощущалась весьма отчетливо, «развитие литературного языка не шло равномерно, не все его сферы развивались одинаково интенсивно» [7: 331].

Общеизвестно, что при отсутствии в языке слов для обозначения новых реалий или новых идей языковая система сама начинает производить новые слова за счет имеющихся словообразовательных моделей [3].

С одной стороны, неологизмы Н. Я. Бичурина, которые он создавал для передачи, толкования и систематизации фактов жизни современного ему Китая, могут служить свидетельством формирования русского этнографического китаеведения в смысле научной атрибутики. Бичурин, безусловно, стоит у истоков создания терминологии отечественной этнографии, устойчивых клише и научной фразеологии. С другой стороны, многочисленные по количеству и разнообразные по способам создания неологизмы Н. Я. Бичурина представляют собой непосредственные доказательства его речетворческого таланта.

Представляет определенный интерес рассмотрение неологизмов, созданных Н. Я. Бичуриным (о. Иакинфом), прежде всего, для обозначения реалий жизни китайцев, которые он описывал как исследователь-этнограф в своей большой работе «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение» (1840).

Из этих неологизмов в первую очередь стоит выделить слова, образованные по церковнославянским словообразовательным моделям: *военнопашиец, страноправитель, отцепочтение* (и *отцепочтительный*), *трупосвидѣтельствоваватель, престохищник, книгосозженіе, троецарствіе, четырекнижіе, шелкоделие, звѣздословіе, вседействіе, вольномысленный, близоумный, лицепокровный* и др.

Часть из них представляет собой кальки с оригинальных слов и выражений китайского языка, называющих реалии, описываемые Н. Я. Бичуриным, например: *престохищник, книгосозженіе, троецарствіе, четырекнижіе, лицепокровный*. Судьбы калек-неологизмов резко разошлись.

Одни остались в активном использовании и стали полноценными терминами китаеведения, например: *Троецарствіе* (период в истории Древнего Китая с 220 г. по 280 г. н. э., характеризовавшийся борьбой между тремя царствами: царством Вэй, царством Шу и царством У).

«Насколько значительны шансы тех или иных окказионализмов стать принадлежностью узуса и общенациональной литературой нормы, в значительной степени зависит от глубины, точности языкового чутья, интуиции их создателя и / или пропагандиста» [10: 11]. В этом отношении опыт речетворчества великого синолога был показателен.

Другие неологизмы также остались в литературном языке, но подверглись небольшому изменению своего облика, например, вместо слова *четырекнижіе* (обозначающего конфуцианский канон, состоящий из четырех книг) в современном китаеведении употребляется *четверокнижіе*. В частности, в одной из современных книг, рассказывающих о китайской цивилизации, находим такой пример:

«Чэн И и Чэн Хао ввели в обиход новый свод конфуцианских канонов, так называемое „**Четверокнижіе**“ (в него вошли „Беседы и суждения“, трактат „Мэн-цзы“ и главы „Великое Учение“, „Середина и Постоянство“ из древнего канона „Записки о ритуале“)» [8: 216].

Но большая часть неологизмов Бичурина, носящих яркую печать индивидуально-стилистического своеобразия, оказалась не востребована литературным языком и впоследствии исчезла из научного и иного употребления (некротизмы), например *престохищник*.

Образование новых слов по церковнославянским моделям в первой половине XIX века было общеупотребительным способом создания новых слов для обозначения новых реалий или понятий [4; 5; 6; 7]. Кроме неологизмов — калек с китайского языка, специально созданных для толкования и разъяснения экзотических для русского читателя китайских реалий, можно выделить еще одну группу слов, образованных по церковнославянским моделям, например: *вольномысленный, близоумный, шелкоделие, звѣздословіе*.

«Умерщвление младенцевъ въ Китаѣ, будто бы дозволенное законами, есть совершенная ложь, выдуманная миссіонерами и безъ всякаго основанія повторяемая **близоумными** путешественниками» [1: 211].

С большой вероятностью можно предполагать, что неологизм *близоумный* был создан по модели слова *близоукий* 'плохо видящий'.

В Толковом словаре Д. Н. Ушакова кроме основного значения указывается переносное значение: 'непроницательный, недальновидный' [11: 40], а *близоумный*, видимо, 'тот, кто с трудом думает'.

Среди неологизмов Н. Я. Бичурина обнаруживаются и авторские словообразовательные инновации. В первой пол. XIX века при попытке описания и толкования китайских реалий русский литературный язык столкнулся не только с проблемой недостатка эквивалентных слов, но и с «отсутствием авторитетной практики их создания в соответствии с моделями, диктуемыми грамматической системой» [10: 76]. В этом отношении бичуринский опыт создания неологизмов можно считать новаторским.

Приставочный способ словообразования часто используется Н. Я. Бичуриным при создании неологизмов: например, неологизм *подшаманка*:

«Сверхъ шаманокъ еще находится 36 *подшаманокъ*, которыя прислуживаютъ шаманкамъ при обрядахъ» [1: 319].

Слово *подшаманка* образуется от производящей основы слова *шаманка* путем добавления к ней приставки *под-* со значением звания, должности или статуса на уровень ниже, в нашем случае это слово значит 'помощница шаманок'. В русском языке немало слов, образованных по такой модели: *подпоручик*, *подполковник*, *подмастерье*, *подпасок*.

«Южные китайцы брезгуютъ этими вещами также, какъ въ Европѣ брезгуютъ падалью и всякою нечистою пищею, даже торгъ ими исключительно предоставленъ *окитаившимся* Туркистанцамъ., которые очень многочисленны въ сѣверной половинѣ Китая» [Там же: 264].

Слово *окитаиться* со значением 'стать похожим на китайцев по языку, виду, культуре и т. д.', созданное по модели слов *онемечиться* и *офранцузиться*, не зафиксировано в словарях русского языка. Появление нового слова такого типа обусловлено возникновением тесных связей и активного общения между двумя странами в экономической, культурной и других областях.

Суффиксальный способ словообразования также используется Бичуриным для создания новых слов с большой частотой:

«И это не есть народный праздникъ, а священный обрядъ *фоистовъ*, для котораго торгъ и работы въ сей день не прекращаются» [Там же: 235].

Слово *фоист*, представляющее собой образование от основы, заимствованной из китайского языка, представляет собой транспозицию китайского слова 佛 (читается как [фо]) со значением 'буддизм'. Путем прибавления суффикса *-ист*, типичного для русского языка для обозначения лица по принадлежности к учреждению, профессии, общественной группе и т. д., образуется малопонятное для русского человека слово. Его производные *фоист*, *фоизм* свидетельствуют о некоторой «попытке» вхождения китайского заимствования 佛 в русскую речевую практику. Однако еще до появления образования *фоист*, созданного Н. Я. Бичуриным, в русском языке существовало однозначное и весьма распространенное слово с тем же значением *буддист*, поэтому у слова *фоист* не было конкурентных шансов закрепиться в русском речевом обиходе. «На русской почве еще нет минимально необходимого лексико-словообразовательного окружения, гнезда или фоновой словообразовательной картины» [10: 44].

В одной из своих главных работ «Статистическое описание Китайской империи» сам Бичурин описывал китайские религиозные течения следующим образом:

«В Китае находятся три народные религии: 1) религия ученых — жу-цзяо, 2) религия даосов — дао-цзяо, 3) **религия фоистов — фо-цзяо**, иначе ши-цзяо» [2: 63].

Для того чтобы его описание стало более понятным, в скобках он дополнительно указал:

«Здесь предварительно должно еще заметить, что слова: **хошан, шамынь, фоист, буддист** имеют одно значение» [Там же: 62].

В итоге образование *фоист* не вошло в литературную норму и оказалось ограничено употреблением только в данной работе. В качестве слова, вошедшего в норму языка, утвердилось слово *буддист*.

Так же дело обстояло и с прилагательным *маньчжуский*, образованным от устного заимствования «*满洲*» (*мань чжу*) путем присоединения адъективного суффикса *-ский*.

«Въ дивизіяхъ маньчжускихъ и монгольскихъ находятся наслѣдственные чиновники: но здѣсь наслѣдство со всѣми преимуществами переходитъ только къ одному человѣку» [Там же: 349].

В борьбе за права гражданства в литературном языке с ранее устоявшимся в языковой практике словом *маньчжурский* вариант *маньчжуский*, более близкий к китайскому оригиналу, проиграл, так как на русской почве у слова *маньчжурский* уже существовали необходимые словообразовательные парадигмы. Ни в словарях, ни в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>) вариант *маньчжуский* не отражен, его можно видеть лишь в бичуринском сочинении.

Одним из самых частотных способов словообразования для создания неологизмов, который активно использует Бичурин, является словосложение. Этим способом создается значительная часть неологизмов, например: *многочадство*, *самоиздохший* и т. д.

«Въ древности почитали Цзао-шень божествомъ **многочадства**, и въ жертву ему приносили дикихъ козъ» [1: 238].

Слово *многочадство* образуется путем сложения слов *много* и *чадо* и присоединения суффикса *-ство* по модели слова *многолюдство*. В Словаре Академии Российской это слово, воспринимаемое в современном русском как устаревшее, толкуется как ‘детище; сын или дочь’ [9: 656], с пометой ‘сл.’ (славянизм) и обладает ярко выраженной торжественной стилистической окраской. При создании слова для обозначения «рода деятельности» китайского божества Цзао-шень Бичурин выбрал не нейтральное слово *дети*, а слово *чадо* с высокой стилистической окраской, это обусловлено характеристикой толкуемой реалии (бог). Можно сказать, что при создании новых слов Бичурин учитывал тот факт, что их стилистическая отнесенность задана будущей сферой их употребления.

В течение формирования этнографического подстиля русского литературного языка сер. XIX века, когда в языке не хватает слов для обозначения новых (в большинстве случаев экзотических) реалий, появились многочисленные неологизмы

благодаря талантливому речетворчеству ученых этого времени, среди которых не последнее место занимает Н. Я. Бичурин. Как один из лучших умов своего времени, Н. Я. Бичурин внес большой вклад в развитие терминологии русского китаеведения (как части этнографической науки): значительная часть выработанных им неологизмов для обозначения китайских реалий не только закрепилась в русском языке, но до сих пор используется в качестве общепринятых терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. Китай: его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
2. Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1842.
3. Виноградов В. В. Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
5. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975.
6. Левин В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1964.
7. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.: (Лексика). М., 1964.
8. Малиavin В. В. Китайская цивилизация. М., 2000.
9. Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794. Т. 6.
10. Тарланов З. К. Русский литературный язык первой трети XIX века: становление норм именных классов слов в критико-публицистическом стиле. Петрозаводск, 2016.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.

REFERENCES

1. Bichurin N. Ia. (1840) *Kitai: ego zhiteli, nrvy, obychai, proveshchenie* [China: its people, customs, folkways, education]. St. Petersburg. (in Russian)
2. Bichurin N. Ia. (1842) *Statisticheskoe opisanie Kitaiskoi imperii*. [Statistical description of the Chinese Empire], in 2 parts, part 1. St. Petersburg. (in Russian)
3. Vinogradov V. V. (1977) *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow. (in Russian)
4. Vinogradov V. V. (1982) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of Russian literary language in XVII–XIX centuries]. Moscow. (in Russian)
5. Zamkova V. V. (1975) *Slavicism kak stilisticheskaia kategoriia v russkom literaturnom iazyke XVIII v.* [Slavicism as a stylistic category in the Russian literary language of the XVIII century]. Leningrad. (in Russian)
6. Levin V. D. (1964) *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka* [A sketch of the history of the Russian literary language]. Moscow. (in Russian)
7. Levin V. D. (1964) *Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo iazyka kontsa XVIII — nachala XIX v.: (Leksika)*. [Essay on the stylistics of the Russian literary language from the end of the XVIII to the beginning of the XIX century: (Lexicon)]. Moscow. (in Russian)
8. Maliavin V. V. (2000) *Kitaiskaia tsivilizatsiia*. [Chinese civilization]. Moscow. (in Russian)
9. *Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy] (1789–1794). St. Petersburg. (in Russian)
10. Tarlanov Z. K. (2016) *Russkii literaturnyi iazyk pervoi treti XIX veka: stanovlenie norm imennykh klassov slov v kritiko-publitsicheskome stile* [Russian literary language of the first third of the XIX century: the formation of the norms of nominal classes of words in a critical-journalistic style]. Petrozavodsk. (in Russian)
11. Ushakov D. N. (2013) *Tolkovnyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Modern Russian Language]. Moscow. (in Russian)

РУНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО МОНИТОРИНГА И ДИСКУРС-АНАЛИЗА МОДНЫХ СЛОВ

NATALYA G. BABENKO, ZOYA L. NOVOZHENOVA
RUSSIAN INTERNET (RUNET) AS A SPACE OF MONITORING
AND DISCOURSE ANALYSIS OF FASHIONABLE WORDS

Наталья Григорьевна Бабенко

Доктор филологических наук,
профессор Института гуманитарных наук

Балтийский федеральный
университет им. И. Канта

ул. А. Невского, 14,
Калининград, 236016, Россия

► banagr@rambler.ru

Зоя Леонидовна Новоженова

Доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания
и переводоведения Института
русистики и востоковедения

Гданьский университет

ул. Вита Ствоша, 51
г. Гданьск, 80-308, Польша

► zln@o2.pl

Natalya G. Babenko

Immanuel Kant Baltic Federal University

14 ul. A. Nevskogo,
Kaliningrad, 236016, Russia

Zoya L. Novozhenova

University of Gdansk

Wita Stwosza str. 51
Gdansk, 80-308, Poland

Семантическая пластичность, широта аксиологического диапазона модных слов, многообразие их прагматических характеристик, насущная потребность современной науки в прогностическом и типологическом исследовании проявлений языковой моды обуславливают актуальность функционально-семантического анализа рефлексивов, объектом которых является модное слово. Исследование разножанровых сетевых материалов доказывает, что Рунет XXI века является своеобразной лабораторией мониторинга и дискурсивного анализа современной русской речи.

Ключевые слова: модное слово; семантика; прагматика; рефлексив; дискурс-анализ.

The authors argue that relevance of the study of so-called fashionable words (buzzwords) is due to their semantic plasticity, breadth of axiological range, variety of pragmatic characteristics, the need for prognostic and typological research of these words. The article reveals the discursive characteristics of fashionable words in the course of functional-semantic analysis of various types' reflexives. The study, conducted mainly on network materials, shows the possibilities of RuNet as a space for monitoring and discourse analysis of fashionable words.

Keywords: fashionable word; semantics; pragmatics; reflexive; discourse analysis.

Речевая практика современных россиян во многом определяется языковой модой, детерминируемой как общим контекстом культурно-социальной реальности, так и контекстом конкретной коммуникативной ситуации. В языковой моде проявляются ментальные и психологические установки говорящего субъекта, а также когнитивные процессы и прагматические интенции, характерные для различных дискурсивных практик. Теоретическому осмыслению феномена модных слов, дискурсивному анализу их семантики и прагматики посвящена обширная научная литература. Не имея цели предпринять сколько-нибудь полный обзор литературы вопроса, подчеркнем научную продуктивность пристального внимания исследователей к проблематике «языкового вкуса» (В. Г. Костомаров) и «метаязыкового привкуса» (И. Т. Вепрева) нашего времени, к творческой рефлексивной деятельности «наивных» и профессиональных лингвистов по отбору, осмыслению и оценке модных, актуальных слов современности (См: [2; 3; 4]).

Целью настоящей статьи является исследование того, каким образом в дискурсе Рунета маркируются модные слова, как семантика и праг-

матика актуальной лексики интерпретируются в рефлексивах сетевых аналитиков-любителей.

В корпусе модных слов преобладают лексические единицы: во-первых, относительно свежие заимствования (например, *хайп*, *баттл*, *хейтер*, *фейк* и под.); во-вторых, семантически модифицированные давние заимствования (выразительный пример — функционирование прилагательного *нафосный* в речи поклонников и противников гламура [1]); в-третьих, устаревшие исконно русские слова, переживающие «второе рождение» в современной речи (примером может служить так популярное сегодня существительное *нищеврод*). Модными становятся и словообразовательные форманты префиксоидного типа (*евро* — *евродизайн*, *евростандарт*, *евроремонт*; *эко* — *экодом*, *экокосметика*, *экокожа*; *боди* — *бодидарт*, *бодибилдинг*, *бодипозитив*); и «неофразеологизмы» (*ой, это все!*; *давайдосвидания*; *это фиаско*, *братан*); и прецедентные высказывания (*в чем сила, брат?*; *девушки с пониженной социальной ответственностью*; *так вот ты какой, северный олень!*).

Общепринятыми параметрами модного слова признаются новизна, массовость и частотность употребления языкового средства в коммуникативной среде определенной социальной или возрастной группы, в той или иной сфере общения. мода — явление приходящее и преходящее, поэтому перед каждым аналитиком (как профессионалом, так и любителем) среди прочих стоит задача фиксации начальной, кульминационной и конечной фаз бытования языкового средства в статусе модного. Модные слова в кульминационной, пиковой фазе своей жизни выявляются в процессе рейтингового анализа актуальной лексики определенного временного среза.

Причем в мировой практике рейтингового анализа реализуются разные подходы. Так, Техасская компания Global Language Monitor, признавая главным критерием определения слова-фаворита года частотность употребления, подвергла обработке 275 000 страниц печатных и электронных журналов и газет, а также блогов, форумов и чатов социальных сетей. В результате самым популярным в 2013 году были признаны

знак «404», которым в Интернете обозначается недоступность запрашиваемой страницы, и слово *fail* — ‘провал, облом’. Другой (более популярный) способ выявления главного слова года — ориентация на мнение авторитетного жюри. В Англии так называемый оксфордский список модных слов устанавливается членами редколлегии «Оксфордского словаря», на сайте которого уже появилась информация о Слове-2018: это прилагательное *toxic* — ‘токсичный’. Создатели словаря английского языка Collins English Dictionary словом 2018 года назвали прилагательное *single-use* — ‘одноразовый’. В скором времени будут обнародованы результаты российского конкурса «Слово года-2018», в экспертный совет которого входят известные писатели, филологи, лингвисты, журналисты, философы и культурологи. В 2017 году самым популярным в России (а значит, и самым модным) было признано слово *реновация* (*биткоин* и *хайп* заняли соответственно второе и третье места) (<https://sciencepop.ru/v-rossii-vybrali-samoe-populyarnoe-slovo-2017>).

Состав модных слов может быть установлен и с помощью сопровождающих их метатекстовых операторов или маркеров модности, самым частотным из которых является метатекстовый оператор «модное слово» [5]:

Это модное слово — менталитет; Коучинг. Модное слово. Что с ним делать?; Сегодня модное слово — презентация; Ах, это модное слово «стилист»; Модное слово «команда».

В нашем материале оператор «модное слово» отмечен при следующих словах:

ассертивность, аутсорсинг, блогер, брэнд, винтаж-ный, виртуализация, гаджет, депрессия, детокс, диета, имиджмейкер, иммунограмма, инновация, кайтеринг, кластер, команда, компетентность, компетенция, контроллинг, корпоратив, креативность, лояльность, мажоры, маркетинг, модернизация нанотехнологии, нарративный, олигарх, портфолио, самодостаточность, социопат, стадиальность, стилист, стресс, тимбилдинг, тренд, успех, франчайзинг, фэн-шуй, харизма, целлюлит, шоппинг, шофлинг, экономия, эзотерика.

Метатекстовый оператор «как теперь (сейчас) модно говорить» не только маркирует модное слово, но и подчеркивает коллективный характер осмысления слова как модного:

Я, как теперь модно говорить, толерантный человек; Из игрового тонуса, как сейчас модно говорить, мы немножко выпали; Все это напоминает, как сейчас модно говорить, фейк.

Необходимо отметить продуктивность дискурсивно-коммуникативной модели, предполагающей противопоставление двух частей одного высказывания по признаку «привычность, традиционность / новизна, модность словесного выражения» (например, *это вопрос комплексный или, как сейчас модно говорить, синергетичный*). Как видим, в контексте таких высказываний традиционные и модные номинации выступают в качестве синонимов. При этом субъект речи демонстрирует свою осведомленность в ранжированности лексических единиц по признаку традиционности / модности и некоторую дистанцированность от модных словоупотреблений:

Изо дня в день росла потребность в передаче данных: видео, звуко-, форматированного текста, как сейчас модно говорить «multimedia content»; В Петрозаводске решили провести, как сейчас модно говорить, «флэш-моб», или попросту субботник на дороге, идущий к фонтанам; Ни первое, ни второе, ни третье не должно быть массовым (или, как сейчас модно говорить, мейнстримом); предлагаем вам приобщиться к славной гвардии аквалангистов или, как сейчас модно говорить, команде дайверов.

Метаязыковые операторы модности маркируют не только появление и пик популярности актуального слова, но и его перерождение в привычное, а затем и «старомодное». К метаязыковым маркерам, эксплицирующим стадию утраты словом статуса модного, относятся: «как было модно говорить совсем недавно», «перестало быть модным», «популярность слова пошла на убыль» и под. Рефлексия над модными словами в стадии устаревания / устарелости отражается не только в маркирующих деактуализацию некогда модного слова репликах, но и в текстах-рефлексивах. Например, в следующих.

1. 5 слов из 2000-х, которые мы забыли.

Всего 10–15 лет назад эти неологизмы казались столь многообещающими... Но вот прошли годы, и их помнут только те, кому больше 25-и: интернет-кафе, аська (приложение ICQ), чика ('девушка'), сидюк (CD), кул (от английского cool — 'круто') (<https://www.kp.ru/daily/26761.3/3790678>).

2. Это новое женственное «Ой, всё!» пришло на смену устаревающему интернет-мему «давайдосвидания», более грубому и брутальному. В 2014 году мем набрал такую популярность, что шутки с его использованием уже изрядно успели надоесть пользователям интернета (<http://myslang.ru/slovo/oi-vse>).

Метаязыковые операторы маркируют модные слова в текстах и печатных, и электронных масс-медиа, в научном, иногда и в художественном дискурсе, но чаще всего — в общении и речевом самовыражении рядовых обитателей Рунета.

В сетевом пространстве также широко представлены словники, словари, развернутые комментарии, комментирующие реплики, объектом которых становятся модные слова. Причем авторами рефлексивов всех возможных типов в большинстве случаев являются не специалисты-лингвисты, а аналитики-любители, задавшиеся целью выявить, отобрать, истолковать модные слова, выразить свою оценку самого слова и номинируемой им реалии. На сегодняшний день именно и только в Рунете аналитиками-непрофессионалами интеллектуально и эмоционально отрефлексирован обширный лексический материал, большую часть которого составляют модные слова. Лингвисту-аналитику дана прекрасная возможность использовать сетевые рефлексивы в качестве источника для исследования семантики, прагматики, словообразовательного и аксиологического потенциала современной актуальной лексики.

Так, «Словарь популярных молодёжных слов современного русского языка с ударениями. Новые, модные и сленговые слова 2018 года» (<http://wordsonline.ru/samples/new.html>) представляет свежий фактический материал в виде словаря заимствованных модных слов:

Б: *барбершоп, баттл, бейдж;*

В: *влог, вишлист;*

Д: *даунифтер, дёмка, дисс, дислэйк, дисклэймер, донат;*

З: *заиквар, зум;*

И: *инвэйт, йзи;*

К: *кóуч, криптовалюта, кэибэ́к и т. д.*

Семантика и прагматика практически каждого из слов, зафиксированных в этом источнике, отражается в рефлексивных реакциях интернет-пользователей. Совокупность «документирован-

ной» в рефлексивах метаязыковой информации о слове дает новое знание, которое невозможно получить в другом источнике.

Нельзя не отметить наличие большого разброса в качественных характеристиках сетевых рефлексивов, имеющих целью толкование слова: одни материалы свидетельствуют о высокой лингвистической компетенции интернет-аналитика, поскольку эксплицируют адекватность и тонкость понимания реципиентом лексического значения анализируемого слова, знание его происхождения, навык толкования слова через ряд его синонимов, умение подобрать выразительные примеры употребления вокабулы. Следующий пример — хорошая иллюстрация сказанному:

Хейтер (от англ. *to hate* — ненавидеть) — ненавистник, злопыхатель, клеветник, завистник. («Я хейтер, я ненавижу ваш рэп, ваш трек, ваш текст, мягкий как пахнет» — *Oxxxymiron*, «Я хейтер») (<https://zen.yandex.ru/media/afisha.ru/o-chem-chitaiut-repery-kratkii-slovar-russkogo-hiphopa-5b9920961c6ec800aebb1635>).

Другие рефлексивные высказывания говорят о тяготении авторов не к серьезной аналитике, а к словесной игре с предложенным к рассмотрению словом, что также дает свои результаты. Приведем фрагмент обсуждения в блоге семантики модного слова *хайп*, в языке-доноре имеющего значение 'навязчивая реклама; шумиха, ажиотаж':

Натурал: *Хайп*, если перевести конкретно — *лохотрон*, а проще говоря — *кидалово*.

Irok525: А у меня это слово ассоциируется с русским «*хапать*».

Ника: *хайп* — это английское слово, от которого произошел наш русский *ХАЙ*.

Анатолій: Наиболее близкое значение этого слова — «*кипеш*». *Отвратный слэнг, отвратное звучание.* (<https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/xajp.html>)

В этом рефлексиве коллективного авторства существительное *хайп* включено в семантизирующий его синонимический ряд *лохотрон*, *кидалово*, *хай*, *кипеш*, что подчеркивает возникновение сленговой коннотации у слова *хайп* в русской коммуникативной среде. В реплике *Ники* существительное *хай* подвергается ложной этимологизации на основании его фонетической и смысловой близости к слову *хайп*. В высказы-

вании *Irok525* ассоциация существительного *хайп* с глаголом *хапать* также является и звуковой, и смысловой. В последней реплике фрагмента пейоративом *отвратный* эксплицируется неприятие этого слова, его звучания носителем русского языка.

Высокая информативность любительского анализа семантики и прагматики актуальной лексики особенно очевидна при объединении данных разножанровых рефлексивов, объектом которых послужило одно и то же слово или группа однокоренных слов. Например, вот как выглядит коллаж из рефлексивных комментариев однокоренных новообразований *няш мяш*, *няша*, *няшка*, *няшный*, *няшмяшный*, составленный из данных сетевого словаря сленга (1), сайта «Модные слова» (2) и вопросно-ответного форума (3).

1. *Няш мяш* — словосочетание, произнесенное прокурором Крыма Натальей Поклонской. Внешняя привлекательность и схожесть с героями аниме породили сначала среди японской молодежи, а вскоре и российской изображение прокурора в образе «*няшки*». На что прокурор отреагировала так: «Здесь я прокурор, и поэтому никаких *няш-мяш* и тому подобное я не допущу». Сейчас «*няшмяшный*» значит 'забавный', 'милый' (<http://myslang.ru/words/tag>).
2. *Няша* (*няшка*) — это что-то крайне приятное, милое и пушистое. Сегодня договорился о свидании с девушкой, она такая *няшная*, это что-то (<https://модные-слова.рф/399-что-значит-nyasha-nyashka.html>).
3. *Няшка*, или *няша*, *ня*, *кавай*, *тян*, они *тян*, это взято с японской культуры, в особенности с аниме, *Няшка* — *милашка т. е* на русском будет нечто милое, приятное, хорошее, *лялька* и *милота*. Слово, ворвавшееся в русский сленг из японского аниме, где «*ня*» — это *мяуканье* кошки. *Няшкой* может быть и *милая* девушка, и *вкусная печенька*, и *мимими скотинка*. *Няшный* — значит *милый* в значении 10 по пятибалльной шкале, абсолютный эталон *розовой милоты* (<https://otvet.mail.ru/question/189585743>).

На основании информационно богатого коллажа-рефлексива лингвист может 1) охарактеризовать *няш мяш* как продукт достаточно распространенной в разговорной речи правой м-редупликации с тем уточнением, что *няш* представляет собой основу новообразования *няша*, содержащую суффикс *-ш-* со значением 'лицо женского пола'. Эта основа мотивирована японским звукоподражанием *ня*, которому в русском

языке приписана (под визуальным впечатлением от героини аниме) семантика милovidности, приятности, «милоты»; 2) квалифицировать прилагательное *няммяшный* и существительное *няша* как лексические окказионализмы, а существительное *няшка* и прилагательное *няшный* как потенциальные слова; 3) признать корректность истолкования слова *няммяшный* через синонимы *забавный*, *милый* и слова *няшка* через синонимы *милашка*, *лялька*; 4) сделать заключение о предельной или запредельной (в ироническом употреблении) интенсивности признака 'милый' в семантике слова *няшный*; 5) констатировать сочетаемость прилагательного *няшный* с номинациями лиц женского пола, животных и неодушевленных предметов; 6) отнести все слова анализируемой группы к ингерентным мелиоративам.

Из всего вышесказанного следует, что квалификация слова как модного, анализ его семантики и прагматики происходят в процессе рейтингования, дискурсивного анализа, лексикографического описания в научных трудах и научно-популярных изданиях, но наиболее массово, оперативно и заинтересованно — в процессе рефлексии пользователей Рунета над актуальной лексикой современности. Демонстрация только малой части интернет-источников, эксплицирующих рефлексии над модными словами, свидетельствует о том, что Рунет XXI века является своеобразной лабораторией мониторинга и дискурс-анализа современной русской речи. К минусам непрофессиональной лингвистической аналитики следует отнести незнание метаязыка науки, методологическую невооруженность, «зашкаливающую» эмоциональность оценки, тяготение к «крепким выражениям», зачастую низкую грамотность комментаторов. К плюсам — быстроту реакции на новое речевое явление; «хоровую» природу анализа, объективирующую результат, так как из мнений многих складывается информационно богатая мозаика суждений; непосредственность и раскованность рефлексии, обеспечивающей появление документальных свидетельств интеллектуального и эмоционально-оценочного восприятия российским сетевым сообществом заимствований, составляющих

большинство в корпусе модных слов второго десятилетия XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Н. Г. Причины и следствия семантической деэвалюации слов *пафос* и *пафосный* в современной русской речи // Слово.ру: Балтийский акцент. 2014. Вып. 1. С. 7–15.
2. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2017.
5. Новоженова З. Л. Модное слово в современном публичном дискурсе России (метаязыковые и лексические аспекты) // Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание: доклады и сообщения. Велико-Тырново, 2014. С. 149–154.

REFERENCES

1. Babenko N. G. (2014) Prichiny i sledstviia semanticheskoi devalvatsii slov pafos i pafosnyi v sovremennoi russkoi rechi [The causes and consequences of the semantic devaluation of the words *пафос* and *пафосный* in modern Russian]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent* [Word. Ru: Baltic accent], no. 1, pp. 7–15. (in Russian)
2. Vepreva I. T. (2005) *Iazykovaia refleksia v postsovetskuiu epokhu* [Language Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow. (in Russian)
3. Kostomarov V. G. (1999) *Iazykovi vkus epokhi* [Language taste of the era]. St. Petersburg. (in Russian)
4. Krongauz M. A. (2017) *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow. (in Russian)
5. Novozhenova Z. L. (2014) Modnoe slovo v sovremenno publichnom diskurse Rossii (metaiazykovye i leksicheskie aspekty) [A buzzword in modern public discourse of Russia (metalinguistic and lexical aspects)]. *Teoretiko-prakticheskoe izuchenie russkogo iazyka i ego sopostavitelno-tipologicheskoe opisaniie: doklady i soobshcheniia* [Theoretical and practical study of the Russian language and its comparative typological description: reports and messages]. Veliko Tarnovo, pp. 149–154. (in Russian)

«ПЕРЕЗАГРУЗКА», «ПЕРЕГРУЗКА» И «РУССКИЕ ХАКЕРЫ»: ЛЕКСИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

IRINA E. GERASIMENKO, NATALYA N. GONCHAROVA
“REBOOT”, “OVERLOAD” AND “RUSSIAN HACKERS”:

VOCABULARY OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN POLITICAL DISCOURSE

**Ирина Евгеньевна
Герасименко**

Доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка как иностранного
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

пр-т Ленина, 125,
г. Тула, 300026, Россия

► irinagera2006@rambler.ru

**Наталья Николаевна
Гончарова**

Кандидат филологических наук, доцент
Тульский государственный университет

пр-т Ленина, 92,
г. Тула, 300012, Россия

► nn_goncharova@bk.ru

Irina E. Gerasimenko

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
125 Lenin Avenue,
Tula, 300026, Russia

Natalya N. Goncharova

Tula State University
92 Lenin Avenue,
Tula, 300012, Russia

В контексте глобальной и универсальной информатизации общества, воздействующей на язык и языковое сознание, рассматривается проникновение терминов сферы информационных технологий в политический дискурс. Выявляются закономерности и механизмы их функционирования, обусловленные особенностями изменения семантической структуры лексических единиц.

Ключевые слова: подъязык информационных технологий; термины; политический дискурс; русские хакеры.

The authors explore the process of penetration of information technology sphere terms to the political discourse in the context of global and universal informatization of society, affecting both language and language consciousness, and demonstrate the regularities and mechanisms of their functioning due to the peculiarities of changes in the semantic structure of lexical units.

Keywords: sublanguage of information technologies; terms; political discourse; Russian hackers.

Определяющие особенности современного мира — ускорение всех процессов, быстрая сменяемость событий, сокращение расстояний и времени — технически обусловлены наличием высокоразвитых информационных технологий. Являясь материальной базой информационной революции, отечественные компьютерные технологии прошли несколько фаз своего развития. Так, в 50–80-е годы XX века рассматриваемая отрасль формировалась в Советском Союзе автономно. В конце 80-х — начале 2000-х годов произошло активное заимствование западной компьютерной техники и технологий и широкое профессиональное их использование. В настоящее время информационные продукты имеют повсеместное индивидуальное и массовое применение.

Каждый из указанных этапов отмечен формированием и распространением соответствующих лексических массивов: от ускоренного употребления терминов и номенов в первой фазе через про-

фессионально-жаргонное применение широким кругом специалистов во второй к массовому употреблению на современном этапе [4]. Лексика рассматриваемой сферы становится инструментом познания нового, информационного, мира и соотнесения его реалий с существующими прежде.

В этой связи возрастает актуальность исследования лексики подъязыка информационных технологий, распространившейся во все сферы жизни современного человека, поскольку в ней репрезентируется новый, информационный, тип мышления. В настоящей статье рассматриваются факты функционирования лексем подъязыка информационных технологий в политическом дискурсе и определяются причины и механизмы их применения.

Говоря о политическом дискурсе, следует заметить, что его развитие поддерживается средствами массовой информации, освещающими политические события и стремящимися к яркости и привлекательности высказываний. Приведём примеры функционирования подобных лексем в общественно-политических контекстах средств массовой информации:

«Политическую моду на *мобильные гаджеты* ввёл президент Медведев» (Канал РБК, 20.10.2011); «Революцию в Египте назвали сначала финиковой, а потом *твитерной*, потому что выступления были организованы в социальных сетях» (Россия-1, «Вести-Утро», 25.01.12); «Реальные угрозы *виртуальной сети*» — название репортажа в программе «Время» (04.06.13); «Военное командование Великобритании готово к тому, чтобы осуществить *кибератаку* против Москвы»; «чиновники британского правительства поклялись активизировать наступательный *киберпотенциал*» (Рамблер/новости, 07.10.18).

Эти примеры демонстрируют, как в стихии языка массмедиа при употреблении в новых контекстах расширяется и переосмысливается семантика терминов информационных технологий, они обретают новую лексическую сочетаемость и реализуют потенциальные семы, обнаруживая способность к метафоричности и антитезе.

Рассмотрим функционирование лексем подъязыка информационных технологий в собственно политическом дискурсе, то есть в речи политических деятелей, которые ввели в обиход

понятия, номинируемые лексемами сферы информационных технологий: *перезагрузка*, *перезгрузка*, *русские хакеры*. Интересно заметить, что эти номинации связаны с динамикой российско-американских отношений.

Лексема *перезагрузка* появилась в период начала президентства Барака Обамы. Впервые её употребил вице-президент США Д. Байден на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2009 года. Он сказал, что пришло время нажать на кнопку Reset и вновь обратиться к различным областям сотрудничества. В марте того же года на двусторонней встрече Х. Клинтон в подтверждение желания американской администрации осуществить «перезагрузку» отношений между США и Россией подарила С. Лаврову красную кнопку, на которой по-английски было написано *reset*, а по-русски латинскими буквами — *peregruzka* («перезгрузка»). Сергей Лавров заметил ошибку и указал на неё. В ответ Х. Клинтон пообещала, что постарается не допустить «перезгрузки» в российско-американских отношениях (рис. 1). Главы МИД России и госдепартамента США нажали вместе на кнопку, символически обозначив начало процесса позитивных изменений в российско-американских отношениях (<http://www.russian.ru/world/20090306/164087336.html>). Однако, как показало последующее развитие событий, «перезгрузка» возобладала.

Рис. 1. Peregruzka («перезгрузка»)

Возникает вопрос, почему для выражения интенции ‘начать всё сначала, без опоры на предшествующий негативный опыт’ отдается предпочтение термину *reset*, переводимому как *перезагрузка*, при этом не выбирается традиционный, устоявшийся фразеологизм *with a clean slate* (*clean* — ‘чистый’, *slate* — ‘грифельная доска’) — с *чистого листа*?

На наш взгляд, это объясняется проявлением глобальных и универсальных изменений в человеческом сознании, каузированных сменой эпох, — сменой каналов коммуникации (по концепции М. Мак-Люэна), когда наступившая информационная эра заменила печатную «Галактику Гутенберга», которой предшествовали эпохи фонетического письма и дописменного варварства [8]. Образ чистого листа, латинского *tabula rasa* потерял свою актуальность: его визуальная и акциональная наглядность вытеснены процессуальностью высокотехнологичных электронных устройств, формирующих события, заменены образом кнопки, нажатием на которую ограничено действие человека. Это значение репрезентировано в шутовском профессионально-жаргонном выражении: «Семь бед — один *reset*».

В терминологии информационных технологий *reset* означает не ‘перезагрузку’, а «сброс — 1. Возврат в первоначальное состояние. 2. Изменение установленных ранее разрядов» [11: 265]. Терминологическое значение мотивировано общезыковым: «*reset* — ‘снова вставлять, вставить’; ‘снова набирать’» [2: 266]. Внутренняя форма слова прозрачна для англоязычного носителя: интернациональный префикс *re-* в значении ‘повторить ещё раз’ и полисемичный корень *set* в технических значениях: глагольных — ‘устанавливать, регулировать, налаживать’ и субстантивных — ‘установка, регулировка, налаживание’. Следовательно, *reset* — ‘вновь устанавливать’, ‘повторная установка’. Именно *reset* написано на компьютерных клавишах, нажатие на которые запускает процесс перезагрузки. При переводе высказывания Джо Байдена выбор делается в пользу термина *перезагрузка*, а не в пользу поморфемного семантического калькирования — *переустановка*. В данном случае над детально-

стью перевода преобладает информационная метафора, выраженная термином.

Термины *перезагрузить*, *перезагрузка* исконно русского происхождения. Прозрачная структура слов определяет ясность их внутренней формы. Существительное *перезагрузка* является отглагольным образованием, производным глагола *перезагрузить*, который, в свою очередь, восходит к видовой паре *загрузить/грузить*. Совершенный вид образован префиксальным способом от исконно русской основы глагола *грузить*. Префикс *за-* образует глагол совершенного вида со значением ‘довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом’ [5: 153]. В русском общелитературном языке слова *грузить* — *загрузить* имеют следующие значения:

«*Грузить* — 1. Наполнить грузом. *Грузить баржу дровами*. 2. Складывать груз куда-нибудь. *Грузить дрова на баржу*» [10: 186].

Русскоязычному термину *загрузить* (*загрузить, загрузка*) соответствуют два англоязычных терминоэлемента, согласно Толковому словарю по вычислительной технике 1995 года:

«*Boot* — 1. *Загрузить* — запускать компьютер. 2. *Загрузка* — процесс запуска или повторного пуска компьютера» [12: 53];

«*Load* — *загрузка* — 1. Перенос информации из накопителя в память для обработки или выполнения. 2. Общее количество вычислений, выполняемых системой в данный момент» [Там же: 257].

Терминологическое значение мотивировано общезыковым: «*load* — ‘грузить, загружать, нагружать’; ‘грузиться, нагружаться’; ‘груз, ноша’, *тех.* ‘нагрузка’» [14: 366].

Глаголы *перезагрузить/перезагрузить* образованы от глагола совершенного вида *загрузить* посредством префикса *пере-*, «регулярной и продуктивной словообразовательной единицы, образующей глаголы совершенного вида со значением: ‘повторно, заново совершить действие, названное мотивирующим словом’» [5: 365]. При этом толковые словари русского языка не фиксируют видовую пару рассматриваемых глаголов в общелитературных значениях. Имплицировано осознаваемая общезыковая семантика посред-

ством метафорического расширения эксплицирована в специальном терминологическом значении: «Перезагрузка (*reboot*) — ‘повторная загрузка, осуществляемая без выключения питания’. При этом данные, содержащиеся в ОЗУ, теряются, а выполняемая программа прекращает работу» [11: 202].

Таким образом, терминование именно лексем *перезагружать/перезагрузить*, *перезагрузка* вполне корректно и в значительной степени соответствует требованиям, предъявляемым к терминам: их фонеморфологический облик отличен от общеупотребительных слов *перегрузить/перегружать*, *перегрузка*, имеющих дефиниции в толковых словарях.

Функционирование производных глаголов *перезагрузить/перезагружать*, *перезагрузка* выражает новые семантические потенции, связанные со способностью обозначать явления взаимоотношений, взаимодействий, в том числе политических. Благодаря актуализации таких потенциальных сем начального термина, как ‘данные, содержащиеся в ОЗУ, теряются’ и ‘возврат в первоначальное состояние’, стал возможен метафорический перенос значения. В основе функционирования рассматриваемых лексем в политических контекстах лежит возможность единообразного метафорического их переосмысления носителями различных языков, поскольку «во многих языках, независимо друг от друга, развиваются сходные метафорические обозначения» [3: 20].

Обратимся к актуализировавшейся в политических контекстах семантической оппозиции *перезагрузка* — *перегрузка*, возникшей в политическом обиходе в результате знакового международного конфуза под влиянием собственно терминологических значений лексем.

Толковый словарь русского языка фиксирует следующие значения глагола *перегрузить*:

«1. Грузя, переместить. *Перегрузить* ящики с поезда на пароход. 2. Нагрузить чрезмерно. *Перегрузить* вагон. *Перегрузить* работой (перен.) || *сущ. перегрузка*» [10: 645].

Напомним, что в общеязыковых толковых словарях отсутствуют глаголы *перезагружать/перезагрузить* и отглагольное существительное *перезагрузка*.

Глагол *перегрузить* образован от глагола несовершенного вида *грузить* при помощи приставки *пере-*, «достаточно регулярной, но малопродуктивной словообразовательной единицы, образующей глаголы совершенного вида с общим значением интенсивной подверженности действию, названному мотивирующим словом» [5: 365]. В данном случае реализовано частное значение ‘с нежелательно большой интенсивностью или длительностью совершить действие, названное мотивирующим словом’.

Перегрузить, *перегрузка* употребляется также и в качестве термина информационных технологий:

«*Перегрузка* — чрезмерная работа дискового, вызванная большим количеством коротких отрезков данных, которые требуется вызвать из разных частей диска» [11: 201].

Англоязычный терминологический эквивалент — *overload* — образован на основе существительного *load* посредством префикса *over* — ‘сверх-, над-, чрезмерно (-ый), пере-’ [9: 584].

Отметим, что иногда в устной речи специалистов и пользователей смешиваются паронимичные глаголы *перезагрузить* — *перегрузить*. Наличие двух суффиксов в первом глаголе «утяжелают» форму, делая его труднопроизносимым в потоке спонтанной устной речи. Так происходит «сокращение», универбация лексемы за счёт усечения срединного компонента — второго префикса. Возможна, например, такая фраза: «Перегрузи компьютер (смартфон, ноут, телефон и т. д.)!» — в значении ‘перезагрузи’.

Антонимия политических понятий репрезентирована паронимичными терминами информационных технологий *перезагрузка* — *перегрузка*. Первое обозначает ‘позитивное обновление отношений в сторону взаимовыгодного сотрудничества’, а второе — ‘напряженность в отношениях вплоть до полного их разрыва и открытого противостояния’.

Термины сферы информационных технологий стали достоянием общенациональных языков, обозначив глобальные внешнеполитические процессы, вошли в политический дискурс для номинирования принципа международных отношений и активно в нём функционируют, например:

«Египетские повстанцы называют происходящее *перезагрузкой* революции 2011 года» («Вести», 04.07.13).

После вторичного избрания Барака Обамы появилась шутка, мотивированная знанием специфики работы вычислительных устройств: «Повторная перезагрузка — это уже сбой в системе». «Трамп и Путин начали работу над американо-российской перезагрузкой» — название статьи в журнале «Геополитика», в которой уверенно и привычно используется ставший политическим термин *перезагрузка*:

«Подлинная российско-американская перезагрузка зависит от баланса взаимных интересов на ряде фронтов» (<http://topnewsrussia.ru/tramp-i-putin-nachali-rabotu-nad-amerikano-rossijskoj-perezagruzkoj/>).

После избрания Д. Трампа президентом США и связанного с этим скандала вокруг мнимого вмешательства России в президентские выборы в политической риторике окончательно закрепилось понятие *русские хакеры*.

Англоязычная лексема *хакер* стала интернациональной, пополнив через терминологию информационных технологий лексический состав многих языков. В английском языке слово *hacker* образовано от глагола *to hack* посредством интернационального суффикса *-er*. Основное значение глагола *to hack* — ‘рубить, рубить, надрубать’ [9: 385]. Одно из значений глагола, безусловно, переносное, ‘понимать’:

I want to hack into these things I know are important and lay the code out for everyone to see (Я хочу внедриться во всё это, что, я знаю, важно, и разгадать шифр, чтобы все могли увидеть).

В подобных контекстах это значение соотносимо с русскими сленговыми глаголами *врубаться* и *сечь*, то есть ‘понимать’, ‘разбираться’:

Ты что, до сих пор не врубаешься?, Он здорово сечёт в биологии.

Видимо, именно эта дополнительная сема актуализировалась при наименовании высококвалифицированного компьютерного специалиста. Первоначально лексема *hacker* являлась профессиональным жаргонизмом в английском языке, откуда она была заимствована отечественным подязыком информационных технологий в кон-

це 80-х годов прошлого века и функционировала уже как профессионализм.

Данная лексема прошла непростой путь фонетико-графического освоения, на котором имела различные варианты написания. Так, В. Г. Костомаров в книге «Языковой вкус эпохи» приводит ряд примеров терминов «новых технологий <...> компьютерных и информационных устройств». Среди них — *хайкер* [6: 126]. Это слово имело и другие фонетико-графические варианты: *хэкер* [13: 214, 565] и *хекер* [1: 120].

В словаре А. Б. Борковского содержится одно из первых толкований лексемы:

«*Hacker (хекер)*. 1. Программист, способный писать программы без предварительной разработки детальных спецификаций и оперативно вносить исправления в работающие программы, не имеющие документации. 2. Пользователь вычислительной системы (обычно сети ЭВМ), занимающийся поиском незаконных способов получить доступ к защищённым данным» [Там же].

Заметим, что первым является значение, связанное с высоким профессионализмом хакера, а получение незаконного доступа — вторым.

В более позднем толковании понятия *хакер* на первом месте стоит стремление преодолеть систему защиты, отчётливо выражена отрицательная коннотация:

«*Хакер* — 1. Компьютерный хулиган, который изменяет данные в чужих файлах. Хакер стремится преодолеть систему защиты данных подбором пароля. Деятельность хакеров приводит к необходимости разрабатывать дорогостоящие системы защиты для передачи информации или её хранения в базах данных. 2. Программист, который создаёт программы очень быстро, но невысокого качества. 3. Очень искусный программист, обычно работающий в машинном коде и хорошо знающий машину и её операционную систему, что позволяет ему вносить исправления в программы, не имеющие документации» [11: 332].

С развитием информационных технологий опережающими темпами развивалось и хакерство, внутри которого появились специализации, например: *крекеры* — специалисты по взлому с целью заработка систем защиты, *фрикеры* — телефонных сетей, *кардеры* — банковских платёжных систем и карт. В среде специалистов бытует мнение, что хакер — это подлинный исследователь, учёный и разработчик в сфере высоких тех-

нологий, одержимый ими, который не применяет свои знания и способности для нанесения ущерба системам или в корыстных целях.

В общенациональный языковой пласт лексема *хакер* проникла в значении, зафиксированном «Толковым словарём иноязычных слов» с пометой «инф.»:

«Хакер — компьютерный взломщик — тот, кто с помощью своего компьютера проникает в информационные сети банков, финансовых, промышленных и иных учреждений с целью добыть нужные сведения, заразить эти сети вирусом и т. п.» [7: 853].

В настоящее время слово *хакеры* в сочетании с адъективом *русские* получило огромную псевдообъяснительную силу, о чем пишут и говорят многие политологи, журналисты и блогеры, например:

«Поговорим про *русских хакеров*, которые ломают всё и всех. Стоит преклонить голову перед пропагандистской машиной США, которые убедили весь мир, что во всем виноваты *русские хакеры*. Проигрыш демократов Трампу? *Русские хакеры*. <...> Из ЦРУ и АНБ утекли секретные архивы кибероружия? *Русские хакеры*. <...> Конечно, внутри меня переполняет гордость за нашу страну, которая поставила всех на колени своими невидимыми кибервойсками» (Лукацкий А. Кто такие русские хакеры и есть ли у России кибервойска? // Сайт BISA, 10.11.2017. URL: <http://bis-expert.ru/blog/660/56673> (дата обращения: 21.08.2018));

«Всесильных *русских хакеров* вспомнили сегодня в США в связи с делом о вмешательстве России в президентские выборы, разваливающимся на глазах» (5 канал, 22.08.2018).

В этой связи наметилось метонимическое расширение семантики термина *хакеры*. Из-за неясности для большинства людей деятельности хакеров этим словом обозначаются уже не только специалисты по компьютерным взломам, а и собирательно все спецслужбы. Приведем примеры.

«Американские чиновники заподозрили российских *хакеров* в нападении на электросетевые распределительные сети в штате Вермонт» (РБК, новостная лента 01.01.17);

«Избранный президент Дональд Трамп выразил сомнения по поводу *кибератак русских хакеров*. По его словам, это мог быть кто-то другой» (Вести. Россия-24, 01.01.17).

Теперь уже речь идёт не просто о перегрузке отношений, но о *кибератаках, кибервойсках,*

кибервойне, об информационной войне, о которой, к счастью, пока ещё шутят:

«Центр кибершпионажа в Берлине подтвердил информацию, полученную из центров кибершпионажа ЦРУ в Лидсе и Глазго о невмешательстве России в британские выборы» (Масловский Ф. Твиттер, 08.06.17; URL: <https://twitter.com/soulstray/status/873061686625751040>).

Сегодня словосочетание *русские хакеры* приобретает фразеологическую устойчивость, проявляя себя как национально маркированная лингвокультурема наряду с такими, как матрешка, самовар, русский медведь, водка, «Калинка-малинка» и др. (рис. 2).

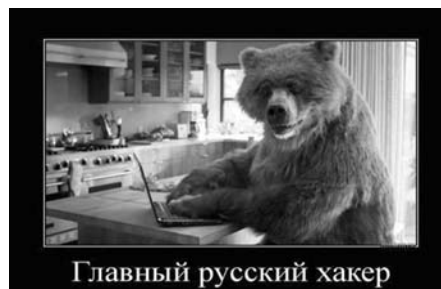

Рис. 2. Русский хакер

Таким образом, семантика изначальных терминов информационных технологий *перезагрузить/перезагружать, перезагрузка, перегрузка, хакер* проявила способность к расширению при употреблении в политическом дискурсе, подверженность особым метафоризации и метонимизации, присущим информационному обществу — отождествлению политических процессов с принципами работы компьютерной техники.

Сфера информационных технологий со своим подъязыком оказывает глобальное воздействие на современный язык и языковое сознание. Она не просто трансформирует жизнь общества, но способствует перестройке самого контекста отношений между людьми, определяет специфику современного мира, накладывая отпечаток также и на характер образного восприятия действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский А. Б. Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями). М., 1990.

2. Брайн М. А. О. Новый русско-английский и англо-русский словарь (новая орфография). М., 1994.
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 11–26.
4. Гончарова Н. Н. Динамика лексического состава подъязыка информационных технологий на фоне эволюции компьютерной техники // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 88–104. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Goncharova-N.N..pdf>.
5. Ефремова Т. В. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
8. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение чело века печатной культуры. М., 2003.
9. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М.; СПб., 2007.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2007.
11. Синклер А. Большой толковый словарь компьютерных терминов. Русско-английский, англо-русский. М., 1999.
12. Толковый словарь по вычислительной технике. М., 1995.
13. Толковый словарь по вычислительным системам / Под ред. В. Иллингворта и др. М., 1989.
14. Уилсон Е. А. М. Англо-русский учебный словарь. М., 1982.

REFERENCES

1. Borkovskii A. B. (1990) *Anglo-russkii slovar' po programirovaniu i informatike (s tolkovaniami)* [English-Russian dictionary of programming and Informatics (with interpretations)]. Moscow. (in Russian)
2. Brien M. A. O. (1994) *Novyi russko-angliiskii i anglo-russkii slovar' (novaia orfografiia)* [New Russian-English and English-Russian dictionary (new spelling)]. Moscow. (in Russian)
3. Gak V. G. (1988) *Metafora: universal'noe i spetsificheskoe* [Metaphor: universal and specific] In: *Metafora v iazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, pp. 11–26. (in Russian)
4. Goncharova N. N. (2017) *Dinamika leksicheskogo sostava podiazyka informatsionnykh tekhnologii na fone evoliutsii kompiuternoi tekhniki* [Dynamics of lexical composition of the sublanguage of information technologies against the background of the evolution of computer technology]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of language and communicative practice], no. 1, pp. 88–104. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Goncharova-N.N..pdf> (accessed 05.10.2018). (in Russian)
5. Efremova T. V. (1996) *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of word-formative units of the Russian language]. Moscow. (in Russian)
6. Kostomarov V. G. (1999) *Iazykovoi vkus epokhi. Iz nabludeni nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of epoch. From observations on the speech practice of mass media]. St. Petersburg. (in Russian)
7. Krysin L. P. (2008) *Tolkovyi slovar' inoiazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow. (in Russian)
8. McLuhan M. (2003) *Galaktika Gutenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Moscow. (in Russian)
9. Mueller V. K. (2007) *Anglo-russkii slovar'* [English to Russian dictionary]. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)
10. Ozhegov S. I. (2007) *Slovar' russkogo iazyka* [Russian dictionary], iss. 24. Moscow. (in Russian)
11. Sinclair A. (1999) *Bol'shoi tolkovyi slovar' komp'iuternykh terminov. Russko-angliiskii, anglo-russkii* [Large explanatory dictionary of computer terms. Russian-English, English-Russian]. Moscow. (in Russian)
12. Kozlov A. I., ed. (1995) *Tolkovyi slovar' po vychislitel'noi tekhnike* [Explanatory dictionary of computer engineering]. Moscow. (in Russian)
13. Illingworth V., ed. (1989) *Tolkovyi slovar' po vychislitel'nyim sistemam* [Explanatory dictionary of computer systems]. Moscow. (in Russian)
14. Wilson E. A. M. (1982) *Anglo-russkii uchebnyi slovar'* [English-Russian educational dictionary]. Moscow. (in Russian)

[хроника]

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ, ПРОСТОРЕЧИЯ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ...

(Начало на с. 16, 28)

стимые. Тавтология и плеоназм свидетельствуют о скромном словарном запасе журналиста, незнании синонимических ресурсов русского литературного языка, позволяющих избежать неоправданных повторов, что, в свою очередь, свидетельствует о низком уровне речевой культуры и низком уровне владения профессиональными компетенциями.

Отдельно отмечается сосуществование в современном языке СМИ антонимических установок: установки на разговорность и установки на официальность изложения информации. Эти противоположные установки реализуются в разных жанрах (новостные, аналитические и публицистические), а также в разных форматах (информационно-аналитический или развлекательный). Несмотря

на существование данных установок, канцеляризм, жаргонизмы, просторечия в медиаречи, связанные с категорией разговорности в СМИ, являются ошибками, на которые надо по-прежнему обращать особое внимание в программах профессиональной подготовки журналистов. То же следует сказать и о бюрократизации и клишированности информационных текстов СМИ, ориентирующихся на официально-деловой стиль: канцеляризм и штампы по-прежнему являются стилистическими ошибками, связанными с функционально-стилевой принадлежностью слова.

Подробнее ознакомиться с текстом исследования можно на сайте РОПРЯЛ:

http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/12/Vox_populi.pdf

УЛОВКИ В СПОРЕ КАК КОРРЕКТНЫЕ / НЕКОРРЕКТНЫЕ ПРИЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ

NGUYEN THI THU

TYPICAL TRICKS AS CORRECT / INCORRECT ARGUMENTS USED IN DISPUTES

Данная статья посвящена комплексному исследованию приемов, стратегий и уловок, которых следует придерживаться в любом споре или полемическом диалоге. Основное внимание в работе автор акцентирует на особенности позволительных и непозволительных уловок. Проанализированы характерные применения этих логических и психологических приёмов в процессе спора и манипуляции собеседником на материале телевизионных ток-шоу. На основе проведенного исследования автор предлагает выделить корректные приемы для ведения спора с целью не только дискредитации противника, но и убеждения любой аудитории профессиональными методами ведения спора.

Ключевые слова: спор; уловка; аргумент; довод; ток-шоу; противник.

The article is devoted to the comprehensive study of techniques, strategies, and tricks, which should be followed by the participants of any dispute or polemic dialogue. The author focuses on the features of permissive and impermissible tricks, and analyzes typical applications of these logical and psychological techniques in the process of dispute resolution and intentional manipulation of the interlocutor on the material of TV talk shows. On the basis of this research the author proposes to allocate correct methods of conducting argument in order to win, not only by discrediting the opponent, but also by convincing the audience by using all professional rules of dispute management.

Keywords: dispute; trick; argument; reason; talk show; opponent.

Один из ключевых критериев успешного современного человека — умение убеждать, приобретать друзей и оказывать влияние на других людей. Искусство убеждать изучают разные науки, среди которых необходимо выделить классические европейские учения, сохранившиеся до наших дней: риторику как искусство убеждать и эристику как искусство спорить. Суть любого спора заключается в достижении убедительной победы и решении анализируемых проблем путем мирного и корректного обсуждения спорных вопросов.

Человек, применяющий более эффективные уловки, способен быстрее достичь поставленных целей в споре. А. Шопенгауэр был первым философом, который открыто предлагал «установку на нечестную аргументацию». В своей работе «Эристика, или Искусство побеждать в споре» [8] он дает советы относительно того, как «обманывать» своего оппонента или как привести его в заблуждение или замешательство.

Нгуен Тхи Тху

Аспирант

Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина

ул. Академика Волгина, д. 6,
Москва, 117485, Россия

► thunguyenkk@gmail.com

Nguyen Thi Thu

Pushkin State Russian Language Institute

6, ul. Akademika Volgina,
Moscow, 117485, Russia

Научный руководитель:

д-р филол. наук, проф. В. И. Аннушкин

Однако стоит уточнить, что такого рода советы А. Шопенгауэр рекомендует использовать только в определенных ситуациях. Например, он считает верность истине неосуществимой или бесполезной в тех случаях, когда тезис аргументации явно противоречит уже сложившемуся мнению оппонента. Тактические приемы, которые помогают одержать победу в споре, можно разделить на корректные и некорректные. Первые носят преимущественно технический характер, в них есть элемент хитрости, но отсутствует прямой обман. Приемы второго рода — это разнообразные обманные действия [3: 163].

Сформулируем вопросы, ответы на которые необходимо иметь в виду. Что такое дискуссионный спор? Какие параметры осложняют его течение? Какие варианты уловок в споре используются наиболее часто? Как можно эффективно противостоять им и достигать успеха в трудных переговорах?

Уловки в споре — это приемы аргументации и манипуляции противником, первый шаг к овладению искусством спора. В дискуссии можно прибегнуть к разнообразным уловкам и хитростям, применяемым с целью облегчить свое положение и затруднить положение противника. Таких приемов существует большое количество, самых разнообразных по своей сути [6: 52]. Иные из них, которыми пользуются для победы в споре, позволительны. Другие являются непозволительными и часто прямо бесчестны по отношению к оппоненту. Перечислить все уловки или хотя бы точно классифицировать их в данный момент невозможно, а их использование считается этически спорным. Такие уловки как оттягивание возражения и усиленное нападение на самый слабый или нелогичный аргумент оппонента, считаются допустимыми. Но следует сказать объективно, что большинство уловок все-таки относят к грубым манерам ведения спора. Несмотря на то, что уловки могут помочь спорящему одержать победу или занять выгодную позицию, многие исследователи не воспринимают их как честные, «красивые» подходы к решению проблемы противостояния в споре. Другими словами, они не являются аргументами.

В рамках одной статьи мы, конечно, не сможем изложить все уловки в дискуссионных спорных ситуациях. В данной работе мы пытаемся охарактеризовать некоторые самые яркие и распространенные уловки, которые были изучены по работам С. И. Поварнина [5], А. А. Ивина [3], В. И. Аннушкина [1], В. А. Винокура [2], К. Г. Павловой [4], А. В. Стешова [6], Е. Н. Ширяева [7] и нек. др.

Уловки, согласно терминологии С. И. Поварнина, могут быть допустимыми и недопустимыми. Допустимыми они являются в том случае, если видно, что противник использует нечестные, непозволительные приемы ведения спора. В данной ситуации возможно и даже необходимо создать своеобразную ловушку, в которую должен угодить недобросовестный оппонент. Например, человек, утверждающий, что «все люди нечестны, стремятся отхватить себе кусок побольше», и не слушающий никаких доводов, которые опровергают данный тезис, может быть остановлен в своем упорстве только отнесением этого утверждения к его собственной персоне, утверждением такого рода: «Если предположить, что то, на чем вы настаиваете, справедливо, то вы также являетесь человеком нечестным, стремящимся отхватить себе кусок побольше». Морализирующий человек обычно такие оценки по отношению к себе не принимает.

Разрешенными считаются также следующие приемы.

1. Оттягивание возражения. Эта уловка применяется в тех случаях, когда противник привел довод, на который трудно быстро найти достойное опровержение. В таком случае спорящий может начать собственный ответ (монолог) издаleка, с чего-нибудь, что совсем не имеет значения и прямого отношения к обсуждаемой теме, или прибегнуть к уточняющим вопросам.

Пример:

А. Богданов: Буквально перед приездом сюда мне был звонок из Ивановской области. Учитель истории меня спросил... Я хотел передать этот вопрос: Как можно учителю истории прожить на пять тысяч рублей, которые он получает в школе при полной загрузке?

А. Хинштейн: Вы задаете совершенно справедливый вопрос. И, наверное, вам мог позвонить не только учи-

тель, если бы дозволился. Вам мог позвонить и врач, вам мог позвонить военный, а мог, в конце концов, позвонить и пенсионер. Ну, дозволился учитель, чему я, честно говоря, рад. И вот почему. Со следующего года, 2012-го, в России будет реализован совершенно иной подход к заработной плате учителей. Мы выполняем то обязательство, которое было взято государством на себя еще лет 20 назад, потому что первый Президент России, Борис Ельцин, указом № 1 установил, что заработная плата учителей должна составлять не ниже среднего уровня по регионам. С января следующего года будет ровно так. Соответствующие документы уже подписаны и приняты.

(Выборы-2011, Дебаты А. Хинштейна и А. Богданова. ТК «Россия 1», 2011. 17 ноября).

В этом примере А. Богданов задал вопрос, на который А. Хинштейн не смог найти сразу возражения. А. Хинштейн старается по возможности незаметнее «оттянуть возражение», похвалив за правильный, справедливый вопрос и добавив, что он также понимает ситуацию и сочувствует ей (*Ну дозволился учитель, чему я, честно говоря, рад*). В сущности, он не отвечает на вопрос *Как можно учителю истории прожить на пять тысяч рублей?*, а предвосхищает будущее развитие событий, указав на то, что уже приняты указы о достижении уровня заработной платы учителей до средней по региону. Кстати, в данном случае А. Хинштейн как искусный ритор вполне соответствует в своих действиях совету Аристотеля говорить в совещательных речах о будущем — тогда речь принимает оптимистический характер.

Другой пример.

В рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2017) американская телеведущая NBC Мегин Келли (Megyn Kelly) пытается уличить в неправде или войти в спор с президентом России Владимиром Путиным:

М. Келли: 17 агентств по разведке сделали выводы о том, что Россия вмешивалась в американские выборы. Они что, все врут?

В. Путин: Вы читали эти отчеты?

М. Келли: Только публичную версию, незасекреченную версию.

В. Путин: Публичную, общественную версию, то есть никакую. А кто шил костюм? Карманы хорошо пришиты? Хорошо. Пуговицы — хорошо? Хорошо. Есть претензии к пуговицам? Нет, пришито намертво. Но костюм носить невозможно. Такое бывает? Было у одного из наших сатириков, Аркадия Исааковича Райкина. И сейчас то же — публичную версию. Я читал эти отчеты. В этих

отчётах нет ничего конкретного. Там только предположения и выводы на основе предположений. Если что-то конкретно появится, тогда будет предмет обсуждения. Знаете, как говорят в одной организации, где я раньше работал: адрес, явки, фамилии? Давайте, где это всё?

(Интервью Владимира Путина ТК NBC News 5 июня 2017, https://www.youtube.com/watch?time_continue=13&v=vdq0sSchB0k)

Здесь Владимир Путин при оттягивании возражения начал опровергать второстепенные доводы (*публичную версию*), аргументы, а затем, собрав силы, разбивает пространной аллегорической метафорой главные тезисы противника. Этот прием применяется в том случае, когда говорящий очень хорошо разбирается в слабости позиции своего противника, здесь — в отсутствии конкретных доказательств и фактов.

2. Довод «к городовому» появляется, когда спорящий, чтобы укрепить свою позицию, обращается к авторитету власти или указывает на опасность тезиса для государства или общества и т. д.

Примеры:

— В ситуации с вашей пенсией по инвалидности мы сами можем разобраться.

— Но может, для того, чтобы вы быстрее начали разбираться, мне в прокуратуру обратиться?

(«Свобода и справедливость». ТК «Первый канал». 2012. 21 дек.).

С. И. Поварнин полагал, что конкретное содержание такого «контраргумента» может меняться, но суть остается неизменной: «Ваше утверждение неверно уже потому, что направлено против... Для того, чтобы использовать подобную уловку, требуется очень невежественная голова или очень темная совесть» [6: 58].

3. Перебивание собеседника используется для того, чтобы не дать оппоненту высказать, привести свои доводы, аргументы, а также для привлечения к себе внимания аудитории. Этот прием часто используется авторитетными риториками не только в политической, но и в научной дискуссии. Спорщики постоянно перебивают друг друга, не дают говорить, на телевизионных ток-шоу стараются перекричать друг друга... Это явление характерно для политических дебатов, многих ток-шоу, например: «*Пусть говорят*»,

«60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Поединок», «Прямой Эфир»...

Пример:

О. Скобева: Ну дайте говорить человеку, не надо друг друга так перебивать! Анатолий, договорите!

А. Шарий: Я договорю! Дайте, пожалуйста, закончить речь! Не далее, чем полтора часа назад, был арестован Олег Харич. Этот человек хотел провести круглый стол в Закарпатье по поводу национальных меньшинств.

Анатолий пытается что-то договорить, но его все перебивают. На этом примере можно продемонстрировать, как некоторые участники программы попросту не желают слушать своего оппонента, даже зажимают уши, показывая, что их не интересует речь говорящего. Отметим, что подобное некорректное поведение как принципиальная позиция в споре характерна для многих сегодняшних политических оппонентов.

4. Переход на личности: Эта уловка сводится к тому, что говорящий стремится подорвать у зрителей доверие к своему противнику и его доводам, используя для этой цели необоснованные намеки. Например, намек на то, что оппонент сам не полностью разделяет позицию, которую защищает.

В. Соловьев: Я всегда обожаю новый взгляд на историю.

А. Савельев: Это не новый взгляд, это взгляд научный.

В. Соловьев: Конечно. Научный, да? Это тоже очень забавно.

А. Савельев: Я ученый в отличие от некоторых присутствующих здесь.

В. Соловьев: Простите, когда человек называет себя ученым, то возникает вопрос: Жена согласна?

А. Проханов: Жена согласна. А кроме неё, кто-нибудь ещё?

А. Савельев: Да-да.

В. Соловьев: Да? Прошу (передает слово другому участнику)

(«Поединок» (фрагмент): Проханов против Савельева, 05 октября, 2012, <https://www.youtube.com/watch?v=PguRbx9cGjE&t=10s>)

В этом примере очевидна применяемая уловка перехода на личность как указание на некомпетентность собеседника в конкретном вопросе, так и тактика указания на несоответствие статуса собеседника и содержания его речи.

К реализации данных тактик журналист прибегает в ситуации неприязненного отношения к приглашенному гостю, принижая таким образом личное достоинство коммуникативного партнера. На практике при отсутствии прямых критериев оценки тезисов или доводов приходится учитывать и личность говорящего: репутация правдолюбца или лжеца — весьма многозначный фактор, к которому прибавляется ещё и ответственность человека за свои слова. Объективность ведения спора требует не использовать подобную тактику для повышения или понижения авторитета и престижности участников дискуссии.

5. Лесть, «подмазывание» аргумента: к «подмазыванию аргумента» склоняются, если довод сам по себе не доказателен, а противник может опротестовать его. Тогда выражают утверждение в туманной, запутанной форме, сопровождая таким, например, комплиментом противнику: «Конечно, это утверждение, которое человек недостаточно образованный не поймет и не оценит, но вы...» или «Вы, как человек умный, не станете отрицать, что...» и т. д. Нередко это сочетается с «подмазыванием» утверждения: «Вы, как опытный специалист, не станете отрицать, что...», что близко к приёму использования аксиоматизированных высказываний как аргументов в споре [2: 37].

В. Кашин: Я думаю, что вы, очень умные, толковые ребята, талантливые журналисты, понимаете разницу между 1917 годом и сегодняшней цивилизацией (НТВшники. ТК «НТВ». 2011. 4 сент.).

Здесь, видно, что говорящий, положительно характеризуя оппонента, манипулирует им (*как умный человек, вы не будете отрицать; такой специалист, как вы, не может не видеть очевидного и не согласиться с тем, что я прав*). Трудно оспаривать то, что ты умный, талантливый и т. п. В результате собеседник приходит в замешательство и теряет инициативу в споре. Это достаточно популярная психологическая уловка, которую часто используют в спорах.

6. Использование отрицательно-оценочных ярлыков для создания у наблюдающих за спором негативного образа оппонента как

человека, чье мнение и доводы не заслуживают доверия.

С. Митрохин: Вот перед нами человек, мультимиллиардер. За счет чего он стал мультимиллиардером? За счет того, что ограбил страну во время залоговых аукционов! А вы предлагаете нам вместе с ним объединиться? Мы на это никогда не пойдем! (НТВшники. ТК «НТВ». 2011. 4 сент.).

7. Подмена или сдвиг темы основаны на том, что основная тема меняется на другую, в которой говорящий лучше ориентируется.

В. Жириновский: Бюджет должен способствовать тому, чтобы функционировала нормально своя экономика. То есть министр финансов должен прийти и сказать: смотрите, в стране уменьшилось количество самоубийств. А оно разве уменьшилось? В одной только Москве количество самоубийств возросло почти в два раза за последний год. (Жириновский В. Выступление в Государственной думе РФ. ТК «Россия 24». 2010. 12 марта).

Здесь в речи Владимира Жириновского происходит внезапная смена темы, и связь между двумя частями обосновывается только тем, что и там и здесь речь идет о «росте»: в одном случае — о росте экономики, в другом — о росте самоубийств. Такие внезапные переходы-перемены весьма характерны для такого изобретательного ратора, как В. В. Жириновский. Так внезапно меняется тема спора, зато обостряется внимание слушателей.

8. «Дамский» аргумент заключается в том, что говорящий, защищая свое мнение, делает нелогичный (или даже нелепый) вывод из аргументов собеседника, формулируя абсурдную, крайнюю точку зрения своего оппонента и противопоставляя её своей точке зрения:

Ведущая: А как вы обычно проводите свой досуг?

«Жених»: Мы собираемся с друзьями у меня или у них, или в ресторане, разговариваем. Иногда ходим на футбол. Телевизор смотрю.

Группа поддержки «невесты»: Понятно, почему у него девушки нет: ему друзья и телевизор дороже девушки («Давай поженимся» ТК «Первый Канал». 2012. 1 марта).

9. Лживый аргумент появляется, когда говорящий выдает за истину ложный факт, ложную цитату, ложное обобщение, либо же приводит

голословное утверждение (утверждение без доказательств, аргументов). При этом он пользуется доверчивостью собеседника, заставляя принять довод своим авторитетом, внушением или другими уловками.

В. Жириновский: Урал, Урал, Урал! Там вообще тупое население. Почему? Там огромное количество залежей под землей. Это кладовая страны. Там огромное магнитное поле. От Перми до Екатеринбурга — это население тупое. Оно, может быть, здоровое, но если взять его по интеллекту — он глупый до упора. Пермьяк стоит и так на тебя иступленно смотрит! Это не Ленинград, не Саратов. Я же объехал всю страну. Я сорок лет езжу по стране (ТК «Совершенно секретно», 2011. <https://www.youtube.com/watch?v=QR4Fnw718nE>).

Уловка «лживый аргумент» может привлекаться и для того, чтобы сосредоточить внимание оппонента и аудитории не на тезисе или аргументах, а на деталях, напрямую к теме не относящихся, но способных повлиять на эмоциональное отношение слушателей к теме. То есть у аудитории создается ложное впечатление, что говорящий приводит аргументы к тезису, а на самом деле это не так. Причем говорящим выбираются детали, выгодные для него, а остальные замалчиваются.

— Вы обвиняете человека во врачебной ошибке. Но посмотрите на его биографию. Он — отличный семьянин, у него трое детей и пятеро внуков, о которых он постоянно заботится. Иван Борисович за почти 30 лет работы врачом не имел никаких нареканий («Прямой эфир». ТК «Россия 1». 2011. 24 авг.).

Итак, ещё раз подчеркнем, что уловки — это этически спорный риторический прием. Их необходимо знать и вычленять в речи оппонента для того, чтобы уметь противостоять им в споре, не поддаваться попыткам соперника манипулировать вами и слушателями.

Практика полемических выступлений показывает, что в споре возникают самые разные ситуации. Участнику спора нередко приходится переубеждать своего оппонента разными способами, подходами, уловками (позволительными и непозволительными), так как у того обычно имеется достаточно твердое мнение по обсуждаемому вопросу. Однако сделать это удается далеко не всегда. Спорящий может логически

правильно доказывать выдвинутый тезис, но это не убеждает оппонентов, так как доказательство сложно для них и ими практически не воспринимается. Напротив, часто убеждают рассуждения, основанные не на доказательстве, а на предвзятых суждениях, на неосведомленности людей в различных вопросах, вере в авторитеты и т. д. Большое влияние оказывают красноречие спорящего, пафос его речи, умение применения разных уловок в подходящих обстоятельствах, уверенность в голосе, внушительная внешность и т. п. Другими словами, можно доказать какое-то положение, но не убедить в его истинности окружающих и, наоборот, убедить, но не доказать.

Наше исследование показывает, что овладение полемическим искусством спора является ценным опытом человека. Умение побеждать в спорах и убеждать других помогает ему улучшить стиль общения, совершенствовать коммуникативную компетентность, ориентировать аудиторию на успех, достижение согласия, благоприятное решение обсуждаемой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннушкин В. И. Риторика. Экспресс-курс: учеб. пособие. М., 2007.
2. Винокур В. А. Уловки в споре. СПб., 2005.
3. Ивин А. А. Логика: Учеб. М., 2002.
4. Павлова К. Г. Искусство спора: логико-психологические аспекты. М., 1988.
5. Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. М., 2015.
6. Стешов А. В. Как победить в споре: О культуре полемики. Л., 1991.
7. Ширяев Е. Н. Культура русской речи: Учеб. для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяевой. М., 1999.
8. Шопенгауэр А. Эристика, или искусство побеждать в спорах. М., 2015.

REFERENCES

1. Annushkin V. I. (2007) *Ritorika [Rhetoric]*. Moscow. (in Russian)
2. Vinokur V. A. (2005) *Ulovki v spore [Tricks in argument]*. St. Petersburg. (in Russian)
3. Ivin A. A. (2002) *Logika [Logic]*. Moscow. (in Russian)
4. Pavlova K. G. (1988) *Iskusstvo spora: logiko-psikhologicheskie aspekty [The art of argument: logical-psychological aspects]*. Moscow. (in Russian)
5. Povarnin S. I. (2015) *Spor. O teorii i pratike spora [Argument. About theory and practice of argument]*. Moscow. (in Russian)
6. Steshov A. V. (1991) *Kak pobedit' v spore: O kul'ture polemiki [How to win an argument: About the culture of polemic]*. Leningrad. (in Russian)
7. Shiriaev E. N. (1999) *Kul'tura russkoi rechi [The culture of Russian speech]*. Moscow. (in Russian)
8. Schopenhauer A. (2015) *Eristika, ili iskusstvo pobezhdat' v sporakh [Eristic, or the art of winning in arguments]*. Moscow. (in Russian)

[хроника]

ЮБИЛЕЙ ПРОЕКТА «ДЕТИ-ПЕРЕВОДЧИКИ» В ИСПАНИИ

(Окончание на с. 63)

24–25 ноября 2018 года в Центре русского языка и культуры в г. Лериде, где располагается Кабинет Русского мира, при поддержке представительства Россотрудничества в Королевстве Испания отметили юбилей международного литературно-творческого проекта «Дети-переводчики». На протяжении пяти лет над разработкой конкурсов работали учителя школы «Антошка» при ассоциации имени Регины Карпицкой и преподавательский состав факультета Высшая школа перевода МГУ имени М. В. Ломоносова. В конкурсе приняли участие 397 школьников и студентов.

На торжественной церемонии открытия юбилейного мероприятия присутствовали специалист по культуре Университета г. Лериды Жузеп Арменгол, представитель департамента гражданского права и международного сотрудничества Городского совета г. Лериды Флоренсина Будау, вице-президенты культурных ассоци-

ций «Магребейда» (Марокко), «Евроамерика» (Эквадор), «Миорита» (Румыния), участница XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов и Европейского фестиваля «Друзья! Прекрасен наш союз!» Кристина Жданова, преподаватели Официальной школы языков в Лериде, учителя русских школ Испании, студенты и родители.

В конкурсе, посвященном празднованию 200-летия со дня рождения И. С. Тургенева, приняли участие 27 детей в возрасте от 5 до 17 лет. Конкурсанты показали высокий результат в разных формах, способах, видах и жанрах перевода: традиционном письменном, устном; синхронном, последовательном; двустороннем; художественном и специальном. «Бежин луг», «Воробей» — произведения, которые прочтут местные жители, благодаря работам юных переводчиков. А самые юные переводчики под руководством филолога Анны Серовой доказали, что последовательный перевод для них дело «житейское». Они не только прочли,

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТАКТА АДРЕСАНТА С АДРЕСАТОМ В РУССКОМ ГАЗЕТНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО)

OLGA V. KHOROKHORDINA, GONG TIANYI

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE AUTHOR'S CONTACT
WITH THE ADDRESSEE IN THE RUSSIAN NEWSPAPER ADVERTISING DISCOURSE:
AGAINST THE BACKGROUND OF THE CHINESE LANGUAGE

**Ольга Витальевна
Хорохордина**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка как иностранного
и методики его преподавания

► o.khorokhordina@spbu.ru

Гун Тяньи

Аспирант кафедры
русского языка как иностранного
и методики его преподавания

► grace900301@163.com

Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Olga V. Khorokhordina, Gong Tianyi

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Авторы проводят контрастивный анализ русского газетного рекламного дискурса на фоне его китайского аналога, выявляют в каждом из них наборы тактик, обеспечивающих реализацию авторской стратегии контакта с адресатом, рассматривают особенности их вербализации, выявляют и комментируют языковые и культурные особенности их речевого воплощения.

Ключевые слова: русский и китайский рекламный дискурс; речевые стратегии и тактики; вербализация контакта автора и адресата; контрастивный анализ.

The authors conduct a contrastive analysis of the Russian newspaper advertising discourse against the background of its Chinese counterpart, and identify in each of them a set of tactics that ensure the implementation of the author's strategy of contact with the addressee, consider the peculiarities of their verbalization, identify and comment on the linguistic and cultural features of their speech embodiment.

Keywords: Russian and Chinese advertising discourse; speech strategies and tactics; verbalization of contact between the author and the addressee; contrastive analysis.

Вводные замечания

В лингвокогнитивных и лингвокультурологических системных исследованиях язык трактуется как хранилище культурных норм его носителей и как транслятор этих норм в процессе коммуникации, в первую очередь через культурную коннотацию языковых единиц, понимаемую как «связующее звено между значением единиц естественного языка и пространством культуры — сформированными в ней стереотипными представлениями, символами, мифологемами, эталонами и т. п.» [4: 11].

Опора в речи на вербализованные культурно значимые знания и представления, на культурные коннотации определённых языковых единиц и речевых приёмов становится лингвокультурно маркированным речевым ходом, воплощающим определённую речевую тактику в рамках конкретной стратегии: «совокупности РПТактик (речеповеден-

ческих тактик. — О. Х., Г. Т.) с национально-культурным компонентом в семантике и мотивации ответственны за неуловимые, но реальные явления, которые метафорически описываются как „русский дух“, „национальная психология“, „душа народа“ и т. п.» [1: 530].

Для обнаружения такого рода специфики «наиболее эффективным является контрастивный анализ в функциональном плане, на уровне текста» [2: 10], в связи с чем нами путём нацеленной выборки* из массовых популярных русских газет «Аргументы и факты» (далее — АиФ) и «Комсомольская правда» (далее — КП) и из наиболее популярных китайских газет Global times (далее — GT) и Reference news (далее — RN) в период с января по июнь 2014 г. и 2016 г. были созданы две дискурсивные формации рекламных текстов (русская — 638 текстов, китайская — 763), на которых мы и провели контрастивное изучение русского рекламного газетного дискурса на фоне его китайского аналога. В данной статье остановимся на особенностях реализации апеллятивной стратегии (т. е. стратегии проявления контакта между адресантом и адресатом).

Вариативность реализации апеллятивной стратегии в рекламе

В современной русской рекламной коммуникации, как показывает проанализированный материал, апеллятивная стратегия реализуется преимущественно в двух частных стратегиях: **стратегии нейтрализации личного контакта** и **стратегии интимизации личного контакта**. Несмотря на противоположность этих двух стратегий, они могут использоваться в пределах одного рекламного текста, чаще — специальной тематики, например медицинской.

Здесь, с одной стороны, может быть фрагмент, ориентированный на нормы научного стиля с терминами и терминологическими сочетаниями (напр.: *организм, рацион, суточная потребность в пищевых волокнах, мякоть плодов сливы домашней, благоприятная среда для роста собственной полезной микрофлоры* и т. п.), с книжными оборотами речи (напр.: *что является чем, в составе чего присутствует что, что не вызывает чего,*

что разрешено к употреблению и т. п.) при отсутствии личных местоимений, чем создаётся «нейтральная (нулевая) тональность, характеризующаяся объективизированностью изложения» [5: 549], т. е. текст построен так, что адресант как бы отсутствует. Такой речевой ход воплощает **стратегию нейтрализации личного контакта** адресанта с адресатом, при этом научное изложение информации порождает доверие адресата, которое является необходимым условием для стимулирования его к приобретению рекламируемого объекта.

С другой стороны, в том же тексте может быть фрагмент с проявленностью автора, где могут встретиться императив 2-го лица (*Растворите пакетик средства*) в прямом обращении к адресату, а также отмеченные субъективностью средства выразительности, например, эпитет («*ленивый*» *кишечник*), олицетворение (*уйдут и лишние килограммы*), перифраз (*вкусная помощь кишечнику*), сравнение (*кишечник заработает, как часы*) (приведенные примеры взяты из рекламы слабительного средства «Что делать, если никак?» в АиФ, № 19, 2014). Так реализуется **стратегия интимизации личного контакта**, которая нацелена на создание у адресата иллюзии, что текст адресован непосредственно ему, для чего автор текста в целях гармонизации общения с адресатом демонстрирует не только своё присутствие, но и сопереживание состоянию адресата.

Стратегия интимизации контакта получает вариативную реализацию в рекламном дискурсе: в тактике **прямого обращения к адресату**, в тактике **диалогизации**, в тактике **акцентирования адресантом принадлежности к одной с адресатом лингвокультуре**. Это наблюдается как в русском, так и в китайском рекламных дискурсах, но в каждом из них имеет свои особенности.

Тактика прямого обращения к адресату осуществляется в русском рекламном дискурсе с помощью речевого хода, предполагающего использование личных и притяжательных местоимений и форм глаголов 2-го лица, при этом употребление форм единственного числа фамильяризирует тональность высказывания, проявляя ориентацию авторов рекламы на демонстрацию

непринуждённости отношений с адресатом. Например, ср.:

Не исключено, что вы в группе риска... (Реклама средства защиты сердечно-сосудистой системы: АиФ, № 4, 2016);

*Смотри прямые эфиры в любом месте вовремя. Мобильное ТВ. Подключить: *999# (АиФ, № 6, 2014).*

Данная тактика в китайском рекламном дискурсе осуществляется тоже с помощью личных — 你 (ты), 你们 (вы), 您 (Вы) — и притяжательных местоимений — 你的 (твой), 你们的 (ваш), 您的 (Ваш). Например:

Национальная авиакомпания Китая рядом с Вами весь путь. 国航一路都陪伴您 (GT, 26 янв. 2014),

а также с помощью побудительных предложений (побуждение в китайском языке выражается не формоизменением глагола: глагол в китайском языке не изменяется, а значит, сам по себе не влияет на тональность китайского высказывания). Например:

После Праздника Весны не забудь(те) защитить своё сердце. 春节过后, 别忘养护心脏 (Реклама Коэнзима Q10, GT, 22 февр. 2016).

В целом в китайском газетном рекламном дискурсе тактика прямого обращения к адресату реализуется значительно реже (в 162 текстах из 763), чем в русском (в 323 текстах из 638). Если же учесть, что в 64 русских и в 24 китайских текстах проявляется ещё и авторское я или мы через употребление личных и притяжательных местоимений и форм глаголов 1-го лица, то можно сделать вывод, что в русской газетной рекламной дискурсивной формации значительно чаще реализуется стремление автора рекламы создать у адресата иллюзию полноценной коммуникативной ситуации.

Этот эффект усиливается при сочетании с **тактикой диалогизации**: автор рекламы, осуществляя презентацию рекламируемого объекта как средства для улучшения жизни адресата, как бы вступает в прямой диалог с помощью вопросов со значением:

У вас есть такие проблемы?, Вы хотите это делать?, Что может вам помочь, если...?, Вы уже купили..?

Однако чаще всего это риторические вопросы, и рекламодатель их задаёт для привлечения внимания к своему товару или услуге, например:

А какой ГЛИЦИН принимаете Вы? (Реклама «Глицин Форте Эвалар»: АиФ, № 19 2016);

Нося очки для страдающих старческой дальнозоркостью, ты можешь водить машину? Ты можешь ходить по магазинам? Ты можешь гулять? Ты можешь далеко видеть? 戴老花镜你能开车吗? 你能逛街吗? 你能走路吗? 你能看远吗? (Очки «красивый остров»: RN, 28 янв. 2016).

В рекламных текстах используется и **вопросно-ответная форма изложения**, строящаяся по семантической модели 'У вас есть какая-то проблема? Наш товар (наша услуга) вам поможет!' Например:

Плохая разборчивость речи? Мы вам поможем! (АиФ, № 8, 2016);

Бессонница, забывчивость, головокружение?

У традиционной китайской медицины имеется чудесный рецепт! 失眠健忘、头晕目眩? 中医有妙方! (Реклама пилюли «И Шень Лин»: RN, 25 февр. 2014).

Текстов с вопросительными высказываниями 99 в русской дискурсивной формации, т. е. 15,52%, и только 58, т. е. 7,47%, в китайской. Иными словами, имитация прямого неофициального диалога служит более эффективным средством воздействия именно на русского читателя рекламы, китайский же читатель предпочитает в соответствии с нормами своей лингвокультуры отсутствие чрезмерного напора со стороны автора в установлении контакта.

Тактика акцентирования адресантом принадлежности к одной с адресатом лингвокультуре реализуется через речевые ходы с использованием фразеологизмов, пословиц, поговорок, прецедентных феноменов, которые применяются при презентации рекламируемого объекта и сразу выделяются и интерпретируются в тексте представителями данной лингвокультуры, они служат сближению адресата и автора как «своих», принадлежащих к тем, кто без дополнительных комментариев понимает, о чём идёт речь (ср.: [3: 177]). При этом каждая лингвокультура в определённый период существования отражает в выборе прецедентных источников актуальные идеологические доминанты, характерные и для общества в целом, и для отдельных его групп.

Так, значительная часть жизни старшего поколения россиян прошла в советское время, по-

этому адресованная им реклама может опираться на прецедентные тексты того периода. Например:

*Узнайте, как можно получить услуги Пенсионного фонда России. К услугам **везде у нас дорога!** И Интернет (Пенсионный фонд России: АиФ, № 22, 2016).*

Выделенный фрагмент — цитата из известной советской «Песни о Родине» на слова В. Лебедева-Кумача: *Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт*. В приведённом рекламном высказывании в данной цитате не заполнена синтаксическая позиция адресата (*кому?*) при предикате, но в контексте назван предмет рекламы — *услуги Пенсионного Фонда России*, что позволяет выявить имплицитированный образ адресата, иной, чем в оригинале прецедентного высказывания, — это пожилые люди, пенсионеры, причём трансформированное прецедентное высказывание сигнализирует, что пенсионный фонд своими услугами открывает им дорогу, как молодым.

Сегодня в идеологии русских заметное место занимает интерес к православию, что мотивирует использование в рекламе прецедентных феноменов этой тематики, например:

Весна, Великий пост — время очищения (Реклама средства для очищения печени «ОВЕСОЛ»: АиФ, № 21, 2016).

Прецедентное имя *Великий пост* называет период духовного очищения, включающий 6 недель перед Пасхой, когда православные прежде всего проводят время в молитвах, а также воздерживаются от употребления в пищу продуктов животного происхождения, но в данном примере в прецедентной ситуации *Великий пост* актуализирована лишь часть **православного канона**, а именно требование ограничения в пище, что позволяет, вопреки христианскому канону, интерпретировать Великий пост просто как лучшее время для физиологического очищения организма. С помощью наименования прецедентной для русской лингвокультуры ситуации автор демонстрирует национально-культурную общность с читателем, а при помощи манипулятивной интерпретации канона *Великого поста* рекламода-тель сразу привлекает внимание читателей к ре-

кламируемому товару «ОВЕСОЛ», который эффективно поможет очистить и защитить печень.

При обращении к православным прецедентным феноменам в русской рекламе распространена манипуляция, основанная на искажении информации, например:

*В отличие от многих экстрасенсов, Светлана Юрьевна не занимается **чёрной магией, т. е. приворотами**, так как это **большой грех** <...> (КП, 6–13 янв. 2016).*

Здесь положительная характеристика экстрасенса основана на противопоставлении сценария её действий **стереотипному сценарию** действий экстрасенса, связываемому с *чёрной магией, т. е. приворотами*, определяя это как **большой грех**, т. е. в своей оценке автор рекламного текста опирается на **культурный христианский скрипт**. В результате такой манипуляции деятельность Светланы Юрьевны, изображается якобы соответствующей христианским нормам, хотя в действительности церковью порицается деятельность любых экстрасенсов.

Другим источником прецедентных феноменов для русской рекламы становятся высказывания классиков русской литературы. Например:

*Список проблем, мешающих нам стать богаче, не ограничивается **классическим сочетанием «дорог с дураками»** <...> (Консалтинг: АиФ, № 3, 2016).*

Здесь использовано трансформированное прецедентное высказывание *«В России две беды: дороги и дураки»*, авторство которого доподлинно неизвестно, но чаще всего приписывается Н. В. Гоголю или М. Е. Салтыкову-Щедрину: этим афоризмом русские иронически указывают на причины проблем в своём обществе, чем и пользуется реклама консалтинговой фирмы, привлекая потребителя к своим услугам.

Необъятная территория России с разнообразием климатических зон и огромной вариативностью жизненных укладов населяющих её народов приводит к тому, что в коллективном сознании закрепляются **стереотипы** и **мифы**, например, о сибиряках, что находит отражение в рекламе:

*Людмила Фёдоровна. **Сибирячка**. Опыт работы более 45 лет <...> Исправлю ошибки других магов* (КП, 27 янв. 2016).

В данном примере актуализируются стереотипные национально-культурные ассоциации, выражающие представление о жителях одной из российских территорий. Нужно иметь в виду, что среди сибиряков немало народов, практикующих шаманство, поэтому для многих жителей европейской части России характеристика *сибирячка* может выступать **эталон** человека с исключительными магическими способностями.

В китайской рекламе, в отличие от русской, нередко актуализируются прецедентные феномены из таких сфер, как коммунистическая идеология, которая является официальной идеологией современного Китая, и традиционная китайская культура.

Обратимся к анализу примера:

Практика — единственный критерий любви. 实践, 是检验真爱的唯一标准 (Реклама автомобиля GSRegal: GT, 7 марта 2014).

В этом рекламном высказывании используется трансформированная цитата «*Практика — единственный критерий истины*» (цитата из доктрины Дэн Сяопина). Рекламодатель таким высказыванием эффективно привлекает внимание адресата к рекламируемому автомобилю, подчёркивая, что, для того чтобы полюбить этот автомобиль, нужно опробовать его на практике.

В китайской социальной рекламе могут использоваться имена людей, прославляемых государственной пропагандой как эталон набора положительных качеств и образцовых сценариев поведения достойного гражданина Китая:

Учиться у Лэй Фэна, он достойный пример. 学习雷锋好榜样 (RN, 4 февр. 2016).

Лэй Фэн — для современной китайской лингвокультуры прецедентное имя, он — воспитанный Народно-освободительной армией Китая китайский сирота, бескорыстно помогавший пожилым и бедным, посмертно прославлен китайской пропагандой как образец альтруизма и безупречной верности коммунистическим идеалам, пример для воспитания молодёжи, в частности, учиться у товарища Лэй Фэна призывал Мао Цзэдун.

В китайских рекламных текстах часто используются цитаты из древнекитайских стихотворений, актуализирующие идеи древности китайской цивилизации и непрерывности её традиций. Например:

Зелённая вода, голубое небо, солнечная погода, гусь, выгнув шею, песню громкую запел. защита окружающей среды — забота о жизни 碧水蓝天日, 曲项向天歌。保护环境, 关爱生命 (GT, 14 апр. 2014).

Этот пример социальной рекламы, пропагандирующей защиту окружающей среды, содержит аллюзии *зелёная вода, небо* и цитату *гусь, выгнув шею, песню громкую запел* 曲项向天歌 из стихотворной миниатюры времён Ранней эпохи династии Тан «*Воспеваю гуся*», которую написал один из величайших китайских поэтов Ло Биньван (640–684):

鹅鹅鹅, 曲项向天歌。《Га-га-га», — гусь, выгнув шею, песню громкую запел, к небу крик его протяжный над затокой полетел.

白毛浮绿水, 红掌拨清波. Перья белые всплывают над зелёной водой, лапы красные взбивают гладь прозрачную волной.

Прецедентное высказывание и аллюзии не только позволяют выразительными средствами нарисовать красочный и умиротворяющий пейзаж, но и напомнить современным китайцам, что предки веками сберегали для них в неизменном виде родную природу, теперь же очередь сегодняшнего поколения приложить усилия для сохранения окружающей среды ради продолжения благоденствия Китая.

Китайские рекламные высказывания могут базироваться на комбинации традиционных национально-культурных когнитивных схем, на соединении нормативных для данной культуры ассоциаций с номинацией какой-либо реалии. Так, китайские бизнесмены считают, что их социальный статус высок, а люди высокого статуса в Китае обычно любят чай и разбираются в нём. Поэтому угощать коммерческих партнёров обязательно следует самым хорошим чаем. Кроме того, в Китае есть поговорка *浓缩就是精华*, которая значит, что *Маленькая вещь чаще всего качественна, а человек невысокого роста нередко талантлив* (примерным эквивалентом этой китайской посло-

вицы является русская *Мал золотник, да дорог*, но в русском высказывании подразумевается возможность такого положения дел, а в китайском — высокая вероятность, почти обязательность). Эти представления легли в основу рекламы:

Угощайте дорогих гостей только чаем из маленькой чайницы. 招待贵宾, 就用小罐茶 (Реклама чая: RN, 8 марта 2016).

Поясним, что в Китае для чая из маленькой чайницы выбирается сырьё только из аутентичного места производства, только ручной сборки, отчего такой чай считают самым качественным и дорогостоящим, поэтому чай из маленькой чайницы предназначен специально для того, чтобы угощать партнёров по бизнесу.

Китайцы также считают, что во время распития спиртного можно по-настоящему узнать человека, поэтому алкоголь выступает символом дружбы. Как гласит китайская пословица 酒逢知己千杯少 (*При встрече настоящих друзей и тысячи бокалов мало*); это традиционное представление китайцев находит отражение и в современных популярных песнях, что позволило использовать цитату из песни «Дружба» в рекламе китайской водки:

Рюмка водки — и дружба на всю жизнь. 一生情, 一杯酒 (GT, 13 июня 2014).

Реализация **тактики акцентирования адресантом принадлежности к одной с адресатом культуре** через речевые ходы с использованием фразеологических и паремиологических единиц, а также прецедентных феноменов делает текст притягательным для адресата, но используется достаточно редко: она выявлена в 1,57% текстов русской рекламной дискурсивной формации и 2,88% текстов китайской дискурсивной формации, что может быть объяснено тем, что реклама должна передавать необходимую информацию лаконично, ясно и доступно, а число лингвокультурных феноменов, известных всем представителям определённого народа, ограничено.

Заключение

Проведённый анализ показал, что в современном русском газетном рекламном дискурсе

в существенно большей степени, чем в китайском аналоге, эксплицитно проявляется стратегия интенсификации контакта автора и адресата, при этом распространёнными приёмами являются прямое обращение к адресату и имитация диалога с ним.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Подчеркнём, что в нашу выборку были включены только вербальные рекламные тексты. Такие рекламные тексты, как, например, афиши фильмов и телепрограмм, которые воплощаются в основном невербальными средствами, при отборе материалов не включались в выборку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
2. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.
3. *Демьянков В. З.* Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 177–179.
4. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
5. *Матвеева Т. В.* Тональность // Стилистический энциклопедический словарь. 2-е изд., стереотип. / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2011. С. 549–552.

REFERENCES

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. (2005) *lazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cross-cultural concepts: lexical background, tactics of verbal behavior and sapientem]. Moscow (in Russian)
2. Gak V. G. (1989) O kontrastivnoi lingvistike [On contrastive linguistics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 25. *Kontrastivnaia lingvistika* [Contrastive linguistics]. Moscow, pp. 5–17. (in Russian)
3. Dem'iankov V. Z. (1996). Stereotip [Stereotype]. In: Kubriakova E. S., ed. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow, pp. 177–179. (in Russian)
4. Kovshova M. L. (2009) *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokulturologicheskii aspekt)* [Semantics and pragmatics of phraseological units (linguistic and cultural aspect)]. (Extended abstract of Doctor's thesis, Philology). Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2009. (in Russian)
5. Matveeva T. V. (2011) Tonal'nost' [The tone]. In: Kozhina M. N., ed. *Stilicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Moscow, pp. 549–552. (in Russian)

СОЧЕТАЕМОСТЬ ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

IRINA V. ZYKOVA

COMPATIBILITY OF THE ADJECTIVES DERIVED FROM TOPONYMS
AS A WAY OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS STUDIES

Статья посвящена исследованию языкового сознания носителей русского языка на материале сочетаемости оттопонимических прилагательных. Полученные данные позволяют выявить наиболее значимые для языкового сознания русских единицы, а также рассмотреть способы хранения и функционирования данных единиц в сознании.

Ключевые слова: оттопонимические прилагательные; сочетаемость; языковое сознание; шкала композиционной семантики.

The article is devoted to the research of the linguistic consciousness of the Russian native speakers on the material of compatibility of the adjectives derived from toponyms. The data received by the author allows her to reveal the most significant units of Russian linguistic consciousness, and to consider the ways of storage and functioning of these units in the consciousness.

Keywords: adjectives derived from toponyms; compatibility; linguistic consciousness; scale of compositional semantics.

Ирина Викторовна Зыкова

Ассистент Центра русского языка
кафедры «Русский язык»

Петербургский государственный
университет путей сообщения
им. императора Александра I

Московский пр., д. 9,
Санкт-Петербург, 190031, Россия
► kirishenka@mail.ru

Irina V. Zyкова

Emperor Alexander I St. Petersburg
State Transport University
9 Moskovsky pr.,
St. Petersburg, 190031, Russia

Сложнейшие вопросы сознательной деятельности человека, наличия у него способностей к категориальному абстрактному мышлению, над которыми размышляли психологи XX века, получили новое развитие, когда Л. С. Выготский предложил искать источник этих способностей во внешних условиях общественной жизни. Так, проблема мышления и речи стала не только содержанием и названием фундаментального труда Л. С. Выготского [1], но и актуализировала изыскания целого ряда наук, которые занимаются проблемами языка, сознания и мышления.

Изучением языкового сознания как одного из видов сознания занимаются сегодня такие науки, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика, неопсихолингвистика. Поскольку единственным способом исследования языкового сознания является наблюдение за языковыми средствами в процессе производства речи, то языковое сознание исследуется через овнешняющие его содержательные языковые средства. По мнению Е. Ф. Тарасова, к ним относятся как отдельные лексемы, так и сочетания слов, фразеологизмы, паремии, тексты, ассоциативные поля и ассоциативные тезаурусы [6: 3].

Неотъемлемой частью языкового сознания является и сочетаемость слов. Сегодня количество работ, посвященных изучению со-

четаемости с позиций когнитивного и психолингвистического подхода, неуклонно растет (Е. С. Кубрякова, А. Е. Плеханов, М. В. Влавацкая, Е. В. Рахилина, Н. В. Юдина). Авторами исследуются такие вопросы, как теоретические аспекты изучения сочетаемости, сочетаемость как инструмент семантических описаний, основания совместимости/несовместимости слов и др. М. В. Влавацкая справедливо замечает, что освоение принципов сочетаемости особенно актуально для иностранных учащихся [2: 28], поскольку языковая комбинаторика связана с выражением национального в языке и обусловлена как интралингвистическими основаниями, так и экстралингвистическими факторами.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют сочетания оттопонимических прилагательных или адъективов с существительными, поскольку в языке они обладают своими семантическими, функциональными, словообразовательными особенностями, несут в себе элементы национально-культурной специфики и находятся под влиянием экстралингвистических факторов.

Внешние факторы предопределяют создание новых (*Сибирский цирюльник, крымский кризис, кавказский стиль езды*) или затухание старых цепочек связей (*крымское белое государство*) в языковом сознании носителей языка, способствуют идентификации значений многозначных слов, входящих в состав сочетаний с оттопонимическими прилагательными (*крымский лагерь* или *колымский лагерь*). Однако в большей части лингвистических работ изучение оттопонимических прилагательных связано с изучением их словообразования или реже семантики. Исследования сочетаемости оттопонимических прилагательных пока не получили должного внимания исследователей. Если такого рода сочетания встречаются в научных работах, то, как правило, они рассматриваются в совокупности с апеллятивными сочетаниями, что представляется не совсем корректным. А. В. Суперанская, говоря об именах собственных, утверждает, что апеллятивное значение лексем, входящих в состав имени, тем тусклее, чем лучше известен денотат имени. То есть значение имени — фактор его из-

вестности, фактор общественно-исторический [5: 266]. Фактор общеизвестности оказывается основополагающим и по отношению к сочетаниям с оттопонимическими прилагательными: степень распространенности мотивирующего имени собственного среди носителей языка непосредственно влияет на сочетаемостные характеристики прилагательных.

Для анализа были взяты 22 оттопонимических прилагательных, образованных от названий республик РФ (*башкирский, тувинский, якутский, крымский* и др.), и 12 прилагательных, образованных от названий особых историко-культурных областей, которые официально не входят в состав субъектов, но являются неотъемлемой частью топонимики и культуры России (*сибирский, кавказский, алтайский, поволжский* и др.). Выбор объясняется тем, что данные оттопонимические прилагательные широко известны носителям русского языка и образуют наибольшее количество сочетаний. На втором этапе исследования из контекстов национального корпуса русского языка были отобраны сочетания с оттопонимическими прилагательными, которые обладают национально-культурной спецификой. В процессе выборки из 22 прилагательных, образованных от названий республик РФ, осталось 14 (*алтайский, адыгейский, башкирский, бурятский, дагестанский, ингушский, карельский, мордовский, татарстанский, тувинский, хакаский, чеченский, крымский, якутский*), и из 12 прилагательных, образованных от названий особых историко-культурных областей, осталось 10 (*кавказский, уральский, сибирский, поволжский, кубанский, камчатский, поморский, кузбасский, колымский, чукотский*).

В результате было получено 250 сочетаний с адъективами. Проведенный статистический анализ показал, что наибольшее количество сочетаний с национально-культурной спецификой формируют прилагательные *кавказский, сибирский, чеченский, крымский*, что обусловлено фактором большей известности и значимости производящего топонима данных прилагательных у носителей языка. Наглядно количественное распределение полученных единиц в языковом сознании показано на рисунке.

При всей очевидности данные о количественном распределении не дают полноценного представления о существовании и функционировании исследуемых сочетаний в сознании носителей русского языка.

Е. Г. Ростовый была предложена тематическая группировка или классификация, в которой автор делит сочетания с адъектонимами на две группы единиц [4: 47–58]:

- 1) артефакты, которые действительно возникли или производятся в данной стране или в данном месте (*башкирский мёд, дагестанский коньяк*);
- 2) те наименования артефактов, которые предписываются русскими, но которые могут производиться в любом месте (*кавказская овчарка, сибирская язва*).

Однако данная классификация не соответствует в полной мере целям настоящей работы и исследуемому материалу.

Удачной представляется классификация сочетаний по модели «прилагательное + существительное», которую предлагает Н. В. Юдина. В своем диссертационном исследовании автор создает шкалу композиционной семантики на основании степени выводимости/невыводимости композиционной семантики из суммы значений составляющих частей [7: 25]. Автор утверждает, что большую часть составляют сочетания промежуточного типа (*атрибутивно-субстантивные комплексы*), которые, с одной стороны, не являются

полностью идиоматичными, а с другой стороны, не являются абсолютно свободными. Они существуют в языковом сознании носителей языка как целостные когнитивные структуры. Н. В. Юдина разделяет такие сочетания на декомпозиционные или связанные с концептом отрицания и композиционные, которые, в свою очередь, делятся на две группы:

- 1) композиционно свободные, лингвистически несвободные;
- 2) композиционно-несвободные, лингвистически свободные.

Для нас особый интерес представляет именно вторая группа сочетаний, поскольку их степень несвободы предопределена знаниями о мире, хранящимися в сознании носителей языка.

Принимая классификацию сочетаний Н. В. Юдиной в качестве основополагающей, необходимо отметить специфику сочетаний с оттопонимическими прилагательными. Нельзя не согласиться с Е. В. Генераловой, считающей спецификой адъектонимов тот факт, что лексическое значение оттопонимических прилагательных не может быть сведено к чисто относительному, но «представляет собой ряд типовых и индивидуальных значений, соотношение которых может изменяться во времени» [3:167]. Представляется закономерной точка зрения, согласно которой степень «относительности» имени прилагатель-

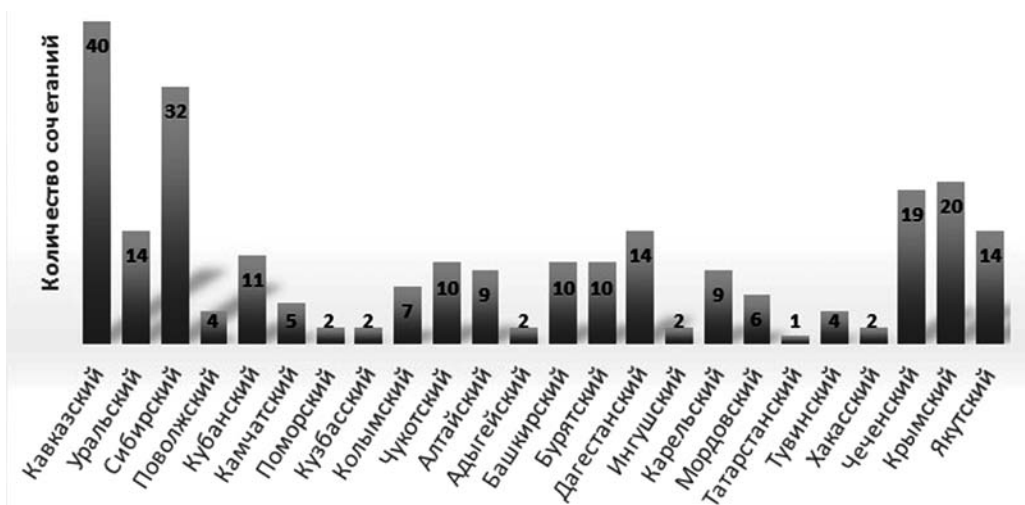

Рис. Количество сочетаний с национально-культурной спецификой

ного прямо пропорциональна уровню свободы и связанности сочетаний. В сочетаниях, приближенных к свободным, оттопонимические прилагательные в большей мере связаны с семантикой производящего топонима (*Алтайский заповедник, уральские малахиты, карельский мрамор*). Чем более сочетания приближены к несвободным, тем более проявляются качественные характеристики прилагательного (*кавказский темперамент, сибирское здоровье, дагестанский коньяк*).

Итак, по классификации Н. В. Юдиной наибольший интерес представляют композиционно-несвободные, лингвистически свободные сочетания в центре шкалы композиционной семантики, значения которых носят имплицитный характер и связаны с фоновыми знаниями носителей языка. Автор предлагает 12 типов подобных сочетаний, из которых в настоящем исследовании с некоторыми дополнениями было отобрано 5 групп. Шестая группа была выделена нами в качестве специфической для оттопонимических прилагательных. Представим их в порядке убывания степени выводимости композиционной семантики из суммы значений составляющих частей.

Группа сочетаний, обладающая ярко выраженным страноведческим содержанием, обладает, на наш взгляд, большей свободой по сравнению с остальными группами. Однако знание социокультурных, географических и политических условий ограничивает комбинаторные возможности таких сочетаний: эти знания дают основание носителям русского языка образовывать такие сочетания, как, например, *камчатские вулканы, уральские малахиты* или *сибирская каторга, крымская здравница*, и в то же время ставить под сомнение сочетания вроде *камчатские малахиты* или *крымская каторга*. Такую группу сочетаний, характерную именно для сочетаний с адъектонимами и обусловленную социокультурными, этнографическими и общественно-политическими факторами, можно обозначить как **этногеографические и социокультурные реалии**.

1. Особенности природных и климатических условий: *уральские предгорья, уральская тайга, уральские степи, сибирская тайга, сибирские болота, камчатская*

тундра, камчатские вулканы, чукотская тундра, алтайские хребты, алтайские пещеры, алтайская степь, башкирские пещеры, башкирская степь, башкирский урман, бурятские степи, дагестанские горы, карельские леса, карельские синие озера, карельские болота, карельские валуны, хакасская тайга, хакасская степь, чеченские горы, ингушские горы, поволжская степь, крымские степи, якутская тайга, якутская тундра, кубанский чернозем, крымские горные дороги, крымские пещеры, уральские морозы.

2. Полезные ископаемые: *кавказская нефть, уральские самоцветы, уральские малахиты, уральские камни, сибирская нефть, чеченская нефть, якутские алмазы, крымский мрамор, карельский мрамор, якутская сталь, кузбасский уголь, алтайские камни, татарстанская нефть, тувинские угли, башкирская нефть.*
3. Промышленное производство: *уральские заводы, уральская промышленность, кузбасская шахта, дагестанская сталь, дагестанское оружие.*
4. Этнические общности: *кавказские горцы, кубанские казаки, уральские казаки, поволжские немцы, поволжские татары, крымские татары, дагестанские горцы.*
5. Объекты культурного досуга: *кавказские курорты, сибирские бани, крымские здравницы.*
6. Система карательных мер: *сибирская каторга, сибирская тюрьма, сибирская ссылка, колымские лагеря, колымская каторга, мордовская зона, мордовский лагерь, мордовская колония, якутская ссылка, якутская каторга, якутская тюрьма.*
7. Вооруженные группировки: *кавказские террористы, дагестанские сепаратисты, дагестанские группировки, дагестанские ваххабиты, чеченские группировки, чеченские сепаратисты, чеченские бандформирования, чеченские экстремисты, чеченский отряд, чеченские абреки.*

Следующая многочисленная группа сочетаний — это **сочетания номинирующего типа**. В нее входят как географические названия, названия растений, животных и болезней, так и исторические события, государственные образования.

1. Географические названия: *Карельский перешеек, Крымский полуостров, Чукотский полуостров, Кавказский хребет, Кавказские горы, Уральский хребет, Уральские горы, Поморский берег, Алтайский край, Колымский край, Алтайские горы, Алтайский заповедник, Башкирская республика, Кубанский край, Сибирский край, Камчатский край, Кавказское побережье, Крымское побережье.*
2. Названия видов животных: *сибирская лайка, сибирская кошка, сибирский соболь, кавказская овчарка, камчатские крабы, камчатский лосось, чукотские олени, чукотская лайка, дагестанский тур, якутский соболь, бурятские лошади.*

3. Названия видов растений: *карельская береза, сибирский кедр, крымская сосна, крымские яблоки.*
4. Названия болезней: *сибирская язва, карельская лихорадка.*
5. Исторические события: *поволжский голод, башкирские восстания, крымский кризис, чеченский конфликт, чеченский кризис, кавказская проблема.*
6. Государственные образования: *сибирское ханство, крымское ханство, крымское белое государство.*
7. Военные конфликты: *Кавказская война, Чеченская война, Крымская война, крымские походы.*

В идущей следом группе **стандартизированных** (или **ассоциативно-обусловленных**) **сочетаний** значения компонентов, входящие в состав сочетаний, легко выводимы, но в сознании носителей они обнаруживают дополнительные смыслы, базирующиеся на перцептивном восприятии:

сибирский мороз, сибирская зима, сибирская метель, сибирские просторы, кубанские степи, колымская зима, колымский мороз, крымское солнце, крымский воздух, якутские морозы, кавказский стиль езды.

В вышеуказанных примерах можно говорить о развитии у входящих в состав сочетаний оттопонимических прилагательных семантики, приближающейся к качественной. Е. В. Генералова пишет, что оттопонимические прилагательные могут становиться способом выражения этностереотипов в языке [3: 167]. Например, сочетание с прилагательным *кавказский* описывает стереотипное представление о кавказце в сознании русских:

«Однажды Ляля уселась в неё, как шмель в колокольчик. И попросила отвезти в аэропорт. Игра называлась „быстрое такси“. У Маши стиль езды немножко кавказский. Алика не удержалась, вышла в повороте прямо в шкаф» (Сэ Слава. Другие опусы... (2010)).

В такой же мере можно говорить и о географических стереотипах:

«Центр — субтропики, а на севере все зимние месяцы лежит снег и свистят совершенно сибирские метели» (Стешин Д. Иранский цейтнот. Окончание // Комсомольская правда, 2012.02.21).

Данная группа, по мнению Н. В. Юдиной, характеризуется тем, что совмещает в себе, с одной стороны, черты стереотипных сочетаний, а с другой стороны, экзистенциально-перцептивных сочетаний [7: 27].

Следующую группу — **стереотипные сочетания** — предлагается разделить на две большие подгруппы: регионально маркированные артефакты культуры и регионально маркированные национальные свойства.

1. Регионально маркированные артефакты культуры:

- 1) одежда: *кавказская бурка, дагестанские бурки, кавказские чувяки, чукотские унты, башкирская тубетейка, мордовский сарафан, мордовские лапти, чукотские торбасы, якутские унты, якутская шуба;*
- 2) еда и напитки: *кавказский харчо, кавказское вино, кавказский шашлык, сибирские пельмени, сибирские шаньги, уральские пельмени, кубанские вина, башкирский мед, адыгейский сыр, кубанский мед, бурятские позы, дагестанский коньяк, крымское шампанское, крымский херес, крымский портвейн и мадеры;*
- 3) традиционный вид поселения, жилища: *кавказский аул, чукотские чумы, чукотская яранга, адыгейский аул, башкирский улус, бурятская юрта, бурятский улус, дагестанский аул, ингушская станица, кубанская станица, якутский улус, якутская юрта, тувинская юрта;*
- 4) обычаи и традиции: *кавказское застолье, кавказская лезгинка, кавказская кухня, кавказский тост;*
- 5) традиционные виды искусства: *тувинское горловое пение, бурятская борьба;*
- 6) традиционные промыслы и изделия: *уральские шкатулки, дагестанские ковры, мордовская резьба, бурятский орнамент, башкирский орнамент, удмуртская вышивка, сибирская пушнина;*
- 7) традиционный род занятий: *чукотские оленеводы, дагестанские пастухи, кубанские виноделы, поморский рыбак, кавказские джигиты, чеченские джигиты;*
- 8) служители и предметы религиозного культа: *алтайский шаман, бурятские шаманы, чукотский шаман, бурятский лама, сибирские шаманы, бурятский дацан, тувинский шаман, чеченские имамы, чеченская мечеть, якутский шаман;*
- 9) родовые союзы: *чеченские кланы, чеченские тейпы.*

2. Регионально маркированные национальные свойства:

- 1) личностные свойства: *кавказская кровь, кавказский темперамент, кавказское сердце, кавказское гостеприимство, кавказская удаль, кавказское красноречие, сибирский характер, сибирский размах, сибирская широта, дагестанское мужество;*
- 2) физиологическое состояние человека: *кавказское долголетие, кавказское здоровье, сибирское здоровье;*
- 3) особенности внешности: *кавказская борода, кавказские усы, кавказская внешность, кавказский тип красоты, кавказские ноздри, кубанское тело;*
- 4) особенности речи: *кавказский акцент, чеченский акцент.*

Данные сочетания характеризуются высокой степенью устойчивости в сознании носителей языка. Такие бытовые элементы культуры и типичные черты характера нередко используются маркетологами в рекламных целях:

«Досье: просторный зал на 150–160 человек. Итальянская, французская, украинская, русская и кавказская кухни» (Где в Самаре отметить торжество // Комсомольская правда, 2008.08.30),

в поздравительном жанре:

«Желаю Вам, дорогой Любимый Дядька, кавказского долголетия в труде и сибирского здоровья в личной жизни!» (Арканов А. Скорая помощь. Юмор (1985–1995))

или в жанре анекдота:

«Расставшись с Борей и перейдя улицу, я очутился в плену торговцев сувенирами. И продирался через них, пока гортанный голос с кавказским акцентом вдруг не окликнул меня: „А чэго нэ покупаэшъ «Оскар»?“ («Оскар» воспрял. Под русский мат // Комсомольская правда, 2002.03.23).

Вызывает интерес тот факт, что среди оттопонимических прилагательных, входящих в состав сочетаний с обозначением национальных региональных свойств, встречается лишь несколько единиц: *сибирский, кавказский, чеченский, дагестанский, кубанский*. То есть при наличии в сознании носителей русского языка представлений об артефактах культуры других народов, входящих в состав РФ, представления о свойствах национального характера и особенностях внешнености тех же народов в языковом сознании русских отсутствуют.

Группу культурологически маркированных сочетаний Н. В. Юдина классифицирует по принципу выделяемых в лингвистической литературе видов дискурса: литературный, песенный, кинематографический, религиозный. Имплицитная информация, заложенная в данных сочетаниях, обусловлена культурологически ми знаниями носителей языка.

1. Литературный дискурс: *Кавказский пленник, из глубины сибирских руд, Колымские рассказы, скука не живет под чеченскими пулями, карельский эпос Калевала*.
2. Кинематографический дискурс: *Кавказская пленница, Кавказский пленник, Сибирский цирюльник, Кубанские казаки*.

3. Песенный дискурс: *из колымского белого ада, и поезд мчит меня в сибирские морозы, кубанский хор*.

Последняя группа — **метафорические и перифрастические сочетания** — представляет собой сочетания, наиболее близкие к не выводимым фразеологическим сочетаниям:

сибирский валенок, сибирский медведь, сибирский богатырь, лицо кавказской национальности и лицо чеченской национальности.

Метафорические сочетания с оттопонимическим прилагательным *сибирский* показывают приоритетность этого имени в сознании носителей русского языка. Данные сочетания характеризуют как человека:

«Когда я чувствую, что меня до сих пор воспринимают как сибирского валенка, меня это бесит» (Дмитрий Хворостовский: «Глядя на себя, я ужасаюсь» // Известия, 2005.10.24);

«Я его любила и продолжаю любить сейчас, хотя сегодня он, конечно, уже не тот сибирский медведь, который пришел в 1991 году» (А чем бы вы наградили Ельцина? // Комсомольская правда, 2001.06.14),

так и явления природы:

«В этом году Енисей начали взрывать в феврале и взрывали заторы в критических точках даже в июне. И научились обуздывать неуправляемого сибирского богатыря. Теперь очередь за Леной» (Иванченко А. В минуту жизни трудную... // Труд-7, 2001.07.10).

Перифрастические единицы *лицо кавказской (или чеченской) национальности* появились в языковом сознании русских сравнительно недавно (примерно в 2000-е годы) и имеют пейоративный оттенок:

«Мы нетерпимы к сексуальным меньшинствам и лицам кавказской национальности, но прощаем и даже поощряем алкоголиков, туеядцев и еще кого-то, считая, что это вроде как нормально» (Никита Белых: «Я, наверное, все-таки остаюсь демократом-романтиком» // Комсомольская правда, 2009.03.24).

Таким образом, предложенная в работе классификация сочетаний с оттопонимическими прилагательными обозначает ту ось, по которой строятся в сознании носителей языка сочетания от наиболее свободных до фразеологически связанных. Однако следует отметить, что внутри этой оси единицы способны перемещаться, ме-

нять группу и степень выявления/невывявления композиционной семантики внутри сочетаний.

Данные исследования показали особый статус сочетаний с адъектонимами *кавказский, сибирский, крымский, чеченский* в сознании носителей русского языка, что предопределено общественно-историческими факторами, более тесными историко-культурными контактами русских с представителями данных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л. В.* Мышление и речь. М., 1999.
2. *Влавацкая М. В.* Языковая комбинаторика: аспекты изучения // Научный диалог. 2017. № 5. С. 21–32.
3. *Генералова Е. В.* О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы «московский») // Сибирский филологический журн. 2016. № 3. С. 157–171.
4. *Ростова Е. Г.* Русские оттопонимические наименования заимствованных европейских артефактов // Русский язык за рубежом. 2011. № 3. С. 47–58

5. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 2012.

6. *Тарасов Е. Ф.* Сознание: содержание и функционирование. XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003. С. 3–10.

7. *Юдина Н. В.* Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на матер. конструкции «прилагательное + существительное»): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Vygotskii L. V. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Moscow (in Russian)
2. Vlavatskaia M. V. (2017) *Iazykovaia kombinitorika: aspekty izucheniia* [Language combinatorics: aspects of learning]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], no. 5, pp. 21–32. (in Russian)
3. Generalova E. V. (2016) *O razvitiu znachenii ottoponimicheskikh prilagatel'nykh v russkom iazyke (na primere istorii leksemy "moskovskii")* [About the development of otponymic adjectives in the Russian language (on the example of history of lexeme "Moscow")]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 3, pp. 157–171. (in Russian)
4. Rostova E. G. (2011) *Russkie ottoponimicheskie naimenovaniia zaимstovovannykh evropeiskikh artefaktov* [Russian otponymic names of borrowed European artifacts]. *Russkii iazyk za rubezhom* [Russian language abroad], no. 3, pp. 47–58. (in Russian)
5. Superanskaia A. V. (2012) *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow (in Russian)
6. Tarasov E. F. (2003) *Soznanie: soderzhanie i funktsionirovanie* [Consciousness: content and functioning]. Proceedings of the XIII International Symposium on Psycholinguistics and Functioning (Russia, Moscow). Moscow, pp. 3–10. (in Russian)
7. Iudina N. V. (2006) *Leksicheskaia sochetamost' v kognitivnom aspekte (na materiale konstruktsii "prilagatel'noe + sushchestvitel'noe")* [Cognitive lexical compatibility (on the material of construction "adjectives + nouns")]. (Extended abstract of Doctor's thesis, Philology), Moscow, 2006. (in Russian)

[хроника]

ЮБИЛЕЙ ПРОЕКТА «ДЕТИ-ПЕРЕВОДЧИКИ» В ИСПАНИИ

(Начало на с. 50)

обсудили, пересказали и перевели «Сказку о серебряной птице и желтой лягушке», но и представили к ней иллюстрации. В конкурсе рисунков также приняли участие и ребята из Беларуси.

На протяжении двух дней ребята активно принимали участие в обширной программе проекта. На торжественном концерте каждый участник рассказал о себе, своих достижениях в области перевода, об образовательных и культурных поездках в Россию и представил номер художественной самодеятельности. Подготовили театральную постановку «Когда я поеду в Россию». После презентации «Жизнь и творчество И. С. Тургенева» провели викторину.

В ходе работы круглого стола «Дети, русский язык и перевод» участники делились своим опытом и «наработками»; обсуждали проблемы, связанные с изучением русского языка в Испании; предлагали свои идеи для дальнейшей совместной работы учителей, родителей и детей.

Картины Софии Ортеги Логиновой из Салоу, поделки из папье-маше Лины Брусневой из Витории, изделия художественной вышив-

ки Оксаны Ретивовой из Лериды, представленные на выставке проекта, послужили стимулом для творческой деятельности не только ребят, но и взрослых.

Учителя русской школы из Сарагосы провели показательное занятие «Театр на уроке русской литературы» по творчеству А. С. Пушкина. В проекте приняли участие не только дети-соотечественники, но и испанцы, которые недавно начали учить русский язык.

Награждение победителей прошло в торжественной обстановке. Руководитель проекта Наталья Карпицкая вручила грамоты и памятные призы всем участникам. Учителя русских школ «Антошка», «Агент Лингва», «Азбука», «Остров Сокровищ», «Знайка», «Школа Елены Носовой» были награждены почетными грамотами за подготовку победителей и плодотворную работу со дня основания проекта и благодарственные письма за профессионализм и педагогическое мастерство от руководителя представительства Россотрудничества в Королевстве Испании Э. А. Соколова.

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ОБРАЗ КОНЦЕПТА *ВЬЕТНАМ* В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

UONG MINH TUAN

PERCEPTUAL IMAGE OF THE CONCEPT VIETNAM IN RUSSIAN LINGUISTIC MENTALITY

Настоящая статья представляет результаты проведенного психолингвистического эксперимента с носителями русского языка с интенцией описания чувственного образа концепта *Вьетнам*. В результате количественной обработки полученных реакций выявлено, что ядро образа строится на представлении о Вьетнаме как стране *загадочной, незнакомой, экзотической*. В перцептивном образе Вьетнама в качестве ведущих представлены признаки, характеризующие территорию страны, ее местоположение, климатические условия, культуру и социум.

Ключевые слова: концепт; Вьетнам; перцептивный образ; ассоциативный эксперимент; языковое сознание.

The article presents the results of a psycholinguistic experiment conducted with native Russian speakers with the intention to describe the sensual image of the concept *Vietnam*. As a result of the quantitative processing of the obtained reactions, it was revealed that the core of the image is based on the idea of Vietnam as a *mysterious, unfamiliar and exotic* country. In the perceptual image of Vietnam the leading features are those that characterize the country's territory, its location, climatic conditions, culture and society.

Keywords: concept; Vietnam; perceptual image; associative experiment; linguistic mentality.

Уонг Минь Туан

Аспирант кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой
коммуникации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина

ул. Мира, 19,
Екатеринбург, 620002, Россия

► uongminhtuan76@gmail.com

Uong Minh Tuan

Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin

19 Mira street,
Yekaterinburg, 620002, Russia

Ономастический концепт *Вьетнам*, представляя собой единицу знания о пространственных, этно- и социокультурных характеристиках одной из стран Юго-Восточной Азии, вбирает в себя не только языковую информацию, но и неязыковые знания [2; 7; 9]. А. В. Суперанская отмечает: «Поскольку основное назначение топонимов — территориально фиксировать объекты, в представлении каждого человека определенное географическое название связано с известным местом и эпохой. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации» [8: 15].

Три базовых структурных элемента концепта — образ, информационное содержание и интерпретационное поле [6: 75] требуют специального лингвистического анализа. Для описания концепта как мыслительной единицы перцептивный опыт носителя языка уникален, поскольку концепт рождается как единица универсального предметно-кода [4], который является результатом чувственного познания дей-

ствительности. Для выявления чувственной природы образного компонента концепта представляется целесообразным обращение к методикам психолингвистических экспериментов [1; 3; 5; 10].

Цель работы — описание перцептивной специфики концепта *Вьетнам*.

Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент в форме анкетирования, в котором приняли участие 204 носителя русского языка (81 юноша и 123 девушки — студенты Уральского федерального университета). Выявление образной составляющей концепта *Вьетнам* проводилось на основе анкеты, включающей 5 ассоциативных вопросов, которые позволяют добыть чувственно-образное знание об изучаемом объекте у информантов. В ходе психолингвистического эксперимента респондентам было предложено ответить на следующие вопросы:

Вьетнам — какой он? Какие краски Вьетнама Вас будут радовать? Какие запахи Вы будете вдыхать? Какие звуки доносятся до слуха? С чем ассоциируется у Вас зрительный образ Вьетнама?

Количественная обработка результатов проведенного опроса позволила определить модель структуры концепта, выявить, какие классификационные признаки входят в ядро и какие находятся на периферии концепта *Вьетнам*. Приступим к атрибуции выявленных признаков.

Реакции информантов на первый более общий вопрос *Вьетнам — какой он?*, предполагающий наличие среди прочих ответов оценочных, были распределены на 3 группы: с положительной характеристикой объекта, нейтрально-информационной и отрицательной.

В группу с положительной характеристикой объекта в ядро образа *Вьетнам* входят классификационные признаки:

красочный / пестрый / светлый / яркий (37 реакций = 18,1%); *красивый* (36 реакций = 17,6%); *теплый* (25 реакций = 12,2%); *особенный / своеобразный / со своей культурой / традицией / историей / специфический / уникальный* (14 реакций = 6,8%); *дружелюбный* (13 реакций = 6,3%); *интересный* (9 реакций = 4,4%).

На периферии находятся признаки:

вкусный (8); *гостеприимный* (4); *спокойный, веселый, приятный, удивительный, открытый, трудолюбивый,*

уютный, добродушный, приветливый, умиротворенный, компактный (2); *дружный, организованный, отважный, мужественный, жизнерадостный, улыбочивый, победоносный, доброжелательный, гордый, верный, сплоченный* (1).

В группе с информационно нейтральными ответами *Вьетнам* характеризуется как:

- незнакомая и малоизученная страна: *загадочный / незнакомый / необычный / странный / таинственный / экзотический / экзотичный / чужой / неведомый / неизведанный / неизвестный / неисследованный / непонятный / малоизвестный / малоизученный / загадочный / непредсказуемый / мистический* (71 реакция = 34,7 %);
- страна с высоким температурным режимом: *горячий / жаркий / солнечный / тропический* (40 реакций = 19,6%);
- страна, отдаленная от России: *далекий* (15 реакций = 7,3%); с обилием растительности: *зеленый, джунгли* (15 реакций = 7,3%);
- небольшая по площади страна: *маленький / необъемный / небольшой* (12 реакций = 5,8%);
- густонаселенная страна: *тесный / многолюдный / многонаселенный* (11 реакций = 5,3%);
- страна, находящаяся в Азии: *восточный / азиатский* (10 реакций = 4,9%).

В периферийную зону входят остальные признаки:

- особенности географического местоположения: *водный, прибрежный* (1 реакция); истории: *военный* (5);
- климата: *влажный, дождливый* (7);
- религии: *религиозный, буддийский, множество пагод* (4);
- темпа и образа жизни: *живой / оживленный / вечно в движении* (4); *разнообразный* (3); *все ходят в сандалях с кокосами* (1); *двухколесный* — 1;
- экономики и государственного устройства: *развивающийся* (4); *коммунистический* (2); *социалистический* (1); *советский* (1).

В группе с отрицательной характеристикой объекта приоритетными являются квалификационные признаки:

шумный (18 реакций = 8,8%); *грязный / загрязненный* (9 реакций = 4,4%);

на периферии:

бедный / небогатый (8); *опасный* (6); *темный* (5); *дикий* (4); *пыльный* (2); *неинтересный, скучный, громкий* (2); *неразвитый* (1).

Хроматологический образ концепта *Вьетнам*. Респонденты определяют в качестве

приоритетных цветов *зеленый* (104 реакции = 50,9%); *красный* (90 реакций = 44,1%); *желтый* (68 реакций = 33,3%); *голубой / синий* (55 реакций = 26,9%); *оранжевый* (21 реакция = 10,2%); на периферии — *яркий* (17), *серый* (8), *бирюзовый* (7). Мы связываем полученные реакции с базовыми природными элементами страны: богатой растительностью, голубым небом, ярким солнцем. В списке полученных реакций присутствуют краски конкретных национальных объектов:

яркие цвета национальной одежды / краски национальной одежды (4); *золотые и красные цвета буддийских пагод, цвета национального флага, вьетнамской кухни / вкусной еды* (1);

описательно названы цвета природных объектов и явлений:

прозрачная вода (2); *закаты и рассветы; малиновый закат; цвет океана, солнца, озер, деревьев, пастельный, земляной, оттенки моря и природы, голубые краски неба, теплый цвет пляжа* (1).

Ольфакторный образ концепта *Вьетнам*.

Полученные реакции были распределены на 2 типа: запахи природы и запахи города.

Ядро перцептивного образа концепта составляют классификационные природные признаки:

- запах *моря / морепродуктов / морской соли / морского бриза / морского воздуха / морского ветра / пляжа, песка, соли; запахи воды* (49 реакция = 23,9 %);
- запах *тропических / вкусных / свежих фруктов* (31 реакция = 15,1%);
- запах *очаровательных / экзотических / тропических / цветочных / благоухающих / душистых цветов / цветущих растений / ароматы нежных роз* (22 реакции = 10,7%);
- запахи растений: *деревьев / листьев / растений / водорослей, вынутых на солнце / зелени* (13 реакций = 7,3%);
- запахи *приятных / свежих трав* (9 реакций = 4,4%);
- запахи *леса / джунглей* (9 реакций = 4,4%);
- *свежесть* (11 реакций = 5,3%);
- *тропические запахи* (4 реакции = 1,9%);
- запахи *сырости / влажный запах, воздуха, дождя* (6 реакций = 2,9%).

В ядро запахов городской цивилизации входят:

- запахи *приятных (ароматных) специй / восточных пряностей / приправ* (43 реакций = 20,9%);

- запах *загрязненного воздуха / выхлопной / угарный газ от мотоциклов / скутеров в городе / нефть / бензин / пыль / дым / задымленный город* (19 реакций = 9,3%);
- запахи кухни: *национальной / местной / вьетнамской / восточной / традиционной / уличной* (10 реакций = 4,9%);
- запах *острой / сладковато-острой еды* (5 реакций = 2,4%);
- запах *соусов* (3 реакции = 1,4%);
- *благонный / вкусный / приятный / ароматный / сладкий запах* (9 реакций = 4,4%);
- запах напитков: *чая / ароматного чая / кофе / кафе* (8 реакций = 3,9%);
- запахи *рыбы / рыбные* (6 реакций = 2,9%);
- запахи разложения и грязи: *гниения на море отбросов / мусора / грязных дорог / небрунных улиц / канализации* (6 реакций = 2,9%).

На периферии:

- запахи *жизни / веселой ночной жизни* (2);
- запахи *бальзама «Звездочка»* (2);
- запахи храма: *буддийских храмов / древних храмовых комплексов* (2);
- запахи *неприятные, непривычные для России* (2);
- запах *счастья* (1).

Аудиальный образ концепта *Вьетнам*.

Звуковой образ анализируемого концепта разнообразен по форме манифестации.

Прежде всего это звуки городской жизни в целом:

- шум *города, шум городской жизни* (8 реакций = 3,9%);
- шум / звук / гул *улиц* (10 реакций = 4,9%).

Звуки городской цивилизации могут детализироваться:

- звуки транспортных средств на городских улицах — *гул / шум / гудки / звуки мотоциклов, машин, многочисленных мопедов, скутеров, стук колес, шум мотора мопедов, звуки моторов, двигателей / скутеров, звуки автомобилей, шум / сигналы транспорта* (39 реакций = 19,1%).

Кроме того, доходят до слуха шум *рынка (ов) / звук базара* (14 реакций = 6,8%).

Во Вьетнаме туристов поражает уличная кулинария, поэтому на городских улицах можно услышать звуки *приготовления еды, шипения чего-то, жарившегося на сковороде, уличной кухни, телеги с едой* (1); *звуки близлежащих кафе и ресторанов* (1).

Респонденты отмечают также звуки природы:

- звуки (живой) природы (рек, водопадов, шума деревьев) (11 реакций = 5,3%);
- пение птиц: пение, щебетание (экзотических) птиц / птичьих трели, пение / стрекот птиц (42 реакции = 20,6%);
- звуки моря: звуки / шум / моря (морских волн), прибоя моря / океана / морской волны (32 реакции = 15,6%); шум / звук океана (5 реакций = 2,4%); звуки воды (18 реакций = 8,8%);
- лесной шум: шум / шелест деревьев, листьев, шуршания листьев, деревьев (16 реакций = 7,8%); звуки ветра (10 реакций = 4,9%); шум дождя (4); жужжание насекомых, кузнечиков (5); шипение змей (1); хруст пляжного песка (1).

Третья группа звуков — это звуки чужого языка, который активно используется вьетнамским народом как коммуникативный инструмент и особенно чутко фиксируется в межъязыковом контакте. Голоса жителей страны:

- манифестируются как нерусские, шумные **разговоры** людей, жителей, прохожих, продавцов, на рынке, на вьетнамском языке (16 реакций = 7,8%);
- это **речь** множества вьетнамцев, незнакомая, чужая, вьетнамская, местная, жителей, неизвестная (16 реакций = 7,8%);
- это (громкие) **голоса** людей, жителей, продавцов, толпы с рынка, множество голосов (10 реакций = 4,9%);
- это **шум** (многолюдной) толпы, шум большого количества людей (13 реакций = 6,3%);
- это **крики**, смех детей, крики продавцов уличной еды, крики торговцев на базаре, ругань торговцев (4);
- молитвы монахов из храма (1).

Четвертая группа — музыкальные звуки:

- **музыка** мелодичная, национальная, азиатская, ресторанов, ночной, гармоничной музыки, на восточный мотив (17 реакций = 8,3%);
- национальный гимн и **песни** уличные народные, уличных музыкантов (6 реакций = 2,9%);
- звуки национальных, традиционных, музыкальных, восточных **инструментов** (5);
- скрипка / виолончель / гитара / барабаны / прекрасные звуки духовных инструментов / звук национальной музыки / колокольчика (1);
- приятные, легкие, глубокие, азиатские мотивы (1).

Визуальный образ концепта Вьетнам.

Индивидуальные ассоциации, репрезентирующие личный опыт осмысления концепта *Вьетнам*, разнообразны. В реакциях наиболее развернуто дана характеристика природного ландшафта страны:

- тропическая, необычная, яркая, красивая природа, пейзажи (сказочные, красивые, с красотой залива Халонг) (13 реакций = 6,3%);
- открытое море, морской пейзаж, океан, территория, окруженная водой; райский пляж, голубая, прозрачная вода (31 реакция = 15,1%);
- джунгли, тропический лес, пальмы, тропики, много зелени (38 реакций = 28,5%);
- горы, высокие горы с облачной дымкой над вершинами, множество гор (10 реакций = 4,9%);
- реки (мелководные, Меконг), большое количество каналов (6 реакций = 2,9%);
- поле, рисовые поля, плантации (7 реакций = 3,3%).

Важно отметить, что ассоциативные реакции могут отражать реальность в сознании индивида как совокупность объектов или ситуаций. Ассоциативный образ *рисового поля* реализуется в следующей вербальной «картинке»:

Мужчина по лодке плывет сквозь рисовые поля. Он стоит на корме и держит в руках весло. Одет в серый костюм и соломенную шляпу.

Вторая группа ассоциаций связана:

- с градостроительным обликом Вьетнама: разностилевые постройки с древними пагодами, небольшие улочки, старинная / древняя архитектура, мавзолее Хошимина, дорога в зелени, с большими домами и многочисленными рынками, маленькие яркие дома, исторические памятники, миниатюрные дома, небольшие городки, города с огромным количеством транспорта, а также толкучка на улицах; с маленькими уютным городком, мегаполисы, шумные города, где люди перемещаются на мотоциклах и велосипедах (16 реакций = 7,8%);
- с храмами: большие, буддийские, со множеством храмов и императорских дворов, всевозможные храмы, статуи, древние храмы, темно-синее озеро с розовыми лотосами, рядом с которым стоит буддийский храм; необычные храмы (13 реакций = 6,3%);
- с рынками: рыночками, палатки торговые, с большим количеством рынков, рынки, шумный восточный базар, ряды торговых точек (12 реакции = 5,8%).

Ассоциативный образ Вьетнама дополняется характеристикой вьетнамцев:

очень добрые; счастливые, улыбающиеся, солнечные, интересные, доброжелательные, очень дружные; люди перемещаются на мотоциклах и велосипедах; низкорослые люди в национальных азиатских шляпах; люди в конических шляпах, девушки в аозае, умные образованные люди, людные улицы (24 реакции = 11,7%).

Исторические факты военного противостояния Вьетнама с США прочно связали образ Вьетнама с войной:

война с США, протесты в Вашингтоне; солдат в джунглях, американский солдат в тропиках, которому оторвало руку; свобода от США, М-16, цельнометаллическая оболочка, бомбежка.

Ассоциативный образ страны представлен в описании динамической ситуации:

Это как фото, на котором группа бедных крестьян, вооруженных АК-47, ведут борьбу с американцами (13 реакции = 6,3%).

Представление о Вьетнаме выражают также единицы предметного мира: ассоциативная связь устанавливается с:

- головным убором (*нон ла*), соломенными шляпами, с треугольным головным убором — *рисовой шляпой, шляпой Вьетнама, головными уборами в виде конуса* (11 реакций = 5,3%);
- бальзамом «Звездочка»; *желтая звезда на красном фоне, бальзам* (6 реакций = 2,9%).

Подведем итоги. Сводное описание реакций, полученных в ходе эксперимента, выстраивается от наиболее частотных к наименее частотным. Ядро перцептивного образа формируется ассоциатами с высоким индексом частотности. В эксперименте реципиенты обращаются к перцептивному образу Вьетнама, который сформирован в их сознании. Формирование признаков концепта происходит через номинации ощущений человека, получаемых посредством органов чувств. Во многом этот образ является идеальным, поскольку ядро образа строится на представлении о Вьетнаме как стране *загадочной, неизвестной, экзотической*. Тем не менее в перцептивном образе Вьетнама в качестве ведущих представлены признаки, характеризующие территорию страны, ее местоположение, климатические условия, культуру, инфраструктуру и социум.

Положительные реакции реципиентов, характеризующие Вьетнам (*красивый, красочный, уникальный*), свидетельствуют о позитивных эмоциях по отношению к анализируемому концепту. Характеристика жителей поддерживает ценностное отношение к стране: Вьетнам населяют *трудолюбивые, гостеприимные, доброжелательные, мужественные* люди. Ответы позволили выявить оценочную амбивалентность концепта. На периферии концепта находятся пейоративные призна-

ки, отрицательно оценивающие анализируемый концепт: *грязный, бедный, дикий*.

В периферийной части концепта прослеживается более детальная характеристика жителей и особенностей страны:

все ходят в сланцах с кокосами; звуки приготовления уличной еды, шипения чего-то, жарившегося на сковороде; головные уборы в виде конуса; бальзам «Звездочка»; шипение змей; золотые и красные цвета буддийских пагод.

Рассмотрев поле перцептивных признаков, мы можем составить портрет страны. Итак, Вьетнам — это далекая малоизученная азиатская страна с обильной тропической растительностью, с влажным и жарким климатом, с песчаными пляжами, имеющая большую протяженность вдоль моря. Это страна с развитой инфраструктурой, шумными городами, включающими не только обилие машин, мотоциклов, но и древние храмы, пагоды, репрезентирующими древнюю уникальную культуру, национальные традиции. В этой стране живут гостеприимные и трудолюбивые люди, которые доказали любовь к родине в ходе героической борьбы за независимость страны с американскими агрессорами. Перцептуальная информация о мире в сознании носителя языка коррелирует с концептуальными понятийными признаками, доступ к которым обеспечивается через средства языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов К. И., Ерофеева Е. В. Семантические модели актуальных представлений о России (на матер. психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 80–90.
2. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
3. Дьяконова Е. А. Топоним Санкт-Петербург в сознании носителей языка: «вербализованные» и «визуализированные» образы (на матер. свободного психолингвистического эксперимента с включением «графической» составляющей) // Язык и национальное сознание. Воронеж, 2018. С. 72–77.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
5. Кулик Д. П., Фельде О. В. Париж в языковом сознании сибирских студентов (на матер. психолингвистического эксперимента) // Язык и социальная динамика. Красноярск, 2012. С. 58–62.

6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

7. Сапиева С. К. Концепт *Кавказ* в российском лингвокультурном пространстве: когнитивно-дискурсивный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2015

8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 2009.

9. Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов, 2008.

10. Ши Ся. Является ли «Китай» культурным концептом в русской языковой картине мира? (по матер. анкетирования молодых россиян) // Матер. V межвуз. науч.-практ. конф. «Язык и межкультурная коммуникация» (24–25 апр. 2008 г.). СПб., 2008. С. 144–147.

REFERENCES

1. Belousov K. I., Erofeeva E. V. (2015) Semanticheskie modeli aktual'nykh predstavlenii o Rossii (na materiale psikholingvističeskikh eksperimentov raznykh tipov) [Semantic models of actual ideas about Russia (by the material of psycholinguistic experiments of different types)]. *Politicheskaia lingvistika [Political linguistics]*, no. (53), pp. 80–90. (in Russian)
2. Golomidova M. V. (1998) *Iskusstvennaia nominatsiia v russkoi onomastike [Artificial nomination in Russian onomastics]*. Yekaterinburg. (in Russian)

3. D'iaikonova E. A. (2018) Toponim Sankt-Peterburg v soznanii nositelei iazyka: "verbalizovannye" i "vizualizirovannye" obrazy (na materiale svobodnogo psikholingvističeskogo eksperimenta s vklucheniem "graficheskoi" sostavliaiushchei) [Toponym of St. Petersburg in the minds of native speakers: "verbalized" and "visualized" images (by the material of a free psycholinguistic experiment with the inclusion of a "graphic" component)]. In: *Iazyk i natsional'noe soznanie [Language and national consciousness]*. Voronezh, pp. 72–77. (in Russian)

4. Zhinkin N. I. (1982) *Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a conductor of information]*. Moscow. (in Russian)

5. Kulik D. P., Felde O. V. (2012) Parizh v iazykovom soznanii sibirskikh studentov (na materiale psikholingvističeskogo eksperimenta) [Paris in the language consciousness of Siberian students (by the material of psycholinguistic experiment)]. In: *Iazyk i sotsial'naiia dinamika [Language and social dynamics]*. Krasnoyarsk, pp. 58–62. (in Russian)

6. Popova Z. D., Sternin I. A. (2007) *Kognitivnaia lingvistika [Cognitive linguistics]*. Moscow. (in Russian)

7. Sapieva S. K. (2015) *Kontsept Kavkaz v rossiiskom lingvokul'turnom prostranstve: kognitivno-diskursivnyi aspekt [The concept of the Caucasus in the Russian linguistic and cultural space: a cognitive-discursive aspect]*. (Candidate's thesis, Philology), Adyge State University, Maykop, 2015. (in Russian)

8. Superanskaia A. V. (2009) *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo [General theory of proper name]*. Moscow. (in Russian)

9. Shcherbak A. S. (2008) *Regional'naiia onomastika v kognitivnom aspekte [Regional onomastics in cognitive aspect]*. Tambov. (in Russian)

10. Shi Xia. (2008) Iavlaietsia li «Kitai» kul'turnym konseptom v russkoi iazykovoi kartine mira? (po materialam anketirovaniia molodykh rossiian) [Is «China» a cultural concept in the Russian language picture of the world? (based on the survey of young Russians)]. Proceedings of the V International scientific-practical conference «Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia» [Language and intercultural communication]. (Russia, St. Petersburg 24–25.04.2008), pp. 144–147. (in Russian)

[хроника]

ЛЕКТОРИЙ МАПРЯЛ «ДОЛГ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ВРЕМЯ»

(Окончание на с. 87)

Подведены итоги проекта «Долг, ответственность, время: современная картина мира сквозь призму русской литературы», выполненного Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы при поддержке Фонда президентских грантов. Лекции о современных российских писателях на Youtube-канале МАПРЯЛ просмотрели более 76 000 пользователей из России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

«В последнее время в России реализуется несколько интересных проектов, посвященных „золотому фонду“ русской литературы. Мы же хотели привлечь внимание к литературным произведениям наших дней, разнообразным и по жанровой палитре, и по охвату затрагиваемых проблем, — отмечает автор идеи проекта, директор секретариата МАПРЯЛ А. В. Коротышев. — Задача проекта состояла в том, чтобы продемонстрировать широкому кругу интернет-пользователей художественные тексты новой русской литературы сквозь призму „надвременных ценностей“ — долга и ответственности, а также рассмотреть проблему исторического времени на страницах произведений наших современников».

В ходе проекта были подготовлены и размещены на официальном канале МАПРЯЛ в онлайн-хостинге Youtube 19 авторских лекций, посвященных наиболее ярким произведениям

русской литературы последних лет. Лекции были подготовлены представителями 3 российских вузов, широко известных своими литературоведческими традициями: Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета и Казанского федерального университета.

Своими идеями об интерпретации понятия долга в произведениях современных российских авторов поделился доцент кафедры истории русской и зарубежной литературы Казанского федерального университета, член жюри конкурса «Русский Букер», доктор филологических наук А. Э. Скворцов. Учёный рассмотрел примеры проявления долга поэта перед читателем (роман А. Волоса «Возвращение в Панджруд»), воинского долга (роман «Соколиный рубеж» С. Самсонова), рассказал о культурном коде русского Севера в контексте новой «деревенской прозы» (роман

ТОПОС В КУЛЬТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

IRINA E. VASILEVA

TOPOS IN MODERN (POST-RHETORICAL) CULTURE: A PROBLEM STATEMENT

Настоящая статья посвящена проблеме трансформации классической модели топоса в культуре Нового времени. Предметом рассмотрения становятся структурные особенности и эвристические возможности топоса. В результате предлагается концепция субъектно-ориентированной модели топоса Нового времени.

Ключевые слова: топос; модернизм; субъект; Батюшков.

The article discusses some problems of the transformation of classical topos model in the period of Modern (Post-Rhetorical) Russian culture. The author analyzes structural peculiarities and heuristic potential of topos, and, as a result, proposes a conception of subject-oriented topos model, which is relevant for the Russian Post-Rhetorical culture.

Keywords: topos; modernity; subjectivity; Konstantin Batyushkov.

Ирина Эдуардовна Васильева

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской
литературы

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► iren.vasilyeva@gmail.com

Irina E. Vasileva

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Понятие «топос» («общее место») принадлежит к одному из достаточно распространенных и вместе с тем и недостаточно проясненных в гуманитарной науке. Со времен классической античности и в течение всей традиционалистской эпохи описание топосов — обязательный раздел нормативных поэтик и риторик, отвечающий за изобретение, аргументирование и представление мысли. Одно из наиболее емких определений топоса этого типа культуры принадлежит А. Ф. Лосеву: «Топосы — это те или иные факты жизни и мысли, которые способны сделать наш силлогизм вполне убедительным, несмотря на его материальную нелепость или просто непонятность» [9: 808]. Для самосознания культуры Нового времени характерно критическое отторжение прежней интеллектуальной парадигмы, топос теряет статус инструмента мысли и используется как чисто формальный прием или знак отсылки к прежней традиции.

Вновь эвристическую ценность в гуманитарной науке топос обретает благодаря знаменитому труду Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» («Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter», 1948). Как нередко происходит, теория топики Курциуса в трудах его многочисленных последователей часто редуци-

Исследование выполнено в рамках проекта «Топика постриторической эпохи: теория и практика» (РФФИ, №18-012-00570)

руется до уровня практических задач по аналитической систематизации обширного материала: выделяются устойчивые словесные формулы, прослеживается их варьирование на разных исторических этапах культуры, подчеркивается целостность и преемственность центрального поля значения. При этом границы материала могут как сужаться до пространства национальной литературы, так и раздвигаться сколь угодно широко. В то время как для Курциуса процесс вычленения устойчивых словесных формул — это аналитический инструментарий, важная, но отнюдь не конечная задача исследования. Понятие «топос» в трактовке Курциуса включает в себя и риторические средства, и композиционные элементы, и сюжетные конструкции — все, что демонстрирует воспроизводимость формы и относительную общность значения. Речь, как подчеркивал А. И. Жеребин, идет «не столько о нормативных константах риторического типа, сколько об архетипических формах художественного мышления, которые варьируются и медленно видоизменяются под воздействием глубинных, тектонических сдвигов в культурном сознании» [6: 291]. Таким образом, в теории Курциуса в топосе прежде всего находит воплощение универсальное, сверх-субъектное начало культуры. Интерес к поиску и формам воплощения универсального сближает теорию топики с другими масштабными проектами к XIX — первой половине XX века — с исторической поэтикой А. Н. Веселовского (см., напр., об этом: [11; 12; 13]) или теорией архетипов К. Юнга. Продемонстрированная на многочисленных примерах преемственность и устойчивость разного рода элементов художественного текста позволила Курциусу утверждать непрерывность и, что не менее важно, пространственно-временное единство западноевропейской литературной традиции. Эта концепция оказала принципиальное влияние на идеологические дискуссии и решение вопроса об идентичности в послевоенной Европе.

Для второй половины XX века возвращение понятия «топос» в актуальную научную парадигму обозначило один из путей разработки таких категорий, как «традиция», «канон» и проч. Вместе с тем при попытках аналитически отре-

флексировать культурную идентичность современного человека маятник интереса, набирая интенсивность по мере приближения к концу века, все более смещался к противоположному полюсу — к модерности как свойству сознания и способу мироотношения [7; 17]. При всей терминологической размытости этого понятия¹, тем не менее ясно, что, используя его, мы обращаемся к тому, что традиции противостоит, что предлагает ощутимо новый, подчеркнута необратимый (идеологический, этический, эстетический, экономический и проч.) вектор исторического самосознания, ценностно ориентированный на новизну и качественное различие с теми или иными формами прошлого. С другой стороны, не так давно А. Эткингом была выдвинута концепция «обратимой современности», которая предлагает переосмысление традиции и принципа необратимости с учетом текущего опыта последних лет [18]. Как бы мы ни относились к модерности, очевидно, что курциусианская концепция топоса, фокусирующая тождество как ценностный и смысловой центр всей конструкции культуры — и классической, и Нового времени, — испытывает сильнейшее давление со стороны интеллектуальной парадигмы этой теории. В роли репрезентанта традиции топос превращается в часть музейно-архивного наследия и, в логике предложенного Ф. Ницше понимания, утрачивает живую связь с современностью². Если же не отказывать топосу в актуальном эвристическом потенциале, то концепция топоса как аккумулятора непреходящего имперсонального смысла, постигаемого посредством исторического культурного опыта, требует переосмысления или, как минимум, существенной корректировки.

Перед теорией топики применительно к культуре Нового времени встает целый ряд вопросов. Среди них, на наш взгляд, выделяются два, с неизбежностью возникающих при любой попытке описать так или иначе соотносимое с топосом явление. Во-первых, если имеет место сущностная трансформация значения топоса или преобразование его устойчивой формы, то корректно ли рассматривать такого рода явления в рамках единого с классическими вариациями

ряда? Во-вторых, создает ли Новое время свои топосы и каковы тогда эпистемологические основания данной модели? Общий характер вопросов не подразумевает тем не менее возможность универсального, обобщенного ответа. Модерность как специфическое качество мироотношения способно проявляться в самых разных областях жизни. Оно обладает очень широким набором внешне несхожих репрезентаций, причем нередко — особенно в транснациональной перспективе — проявляющихся асинхронно. Тем самым новые черты постоянно сосуществуют с прежними, традиционными формами, что порождает споры о датировках Нового времени как определенной культурно-исторической эпохи и различные концепции самого понимания модерности [5]. Для российской действительности переплетение различных типов явлений в высшей степени характерно.

В русской литературе XIX века, которая (в отличие от социальных, экономических и проч. институтов) общепризнанно знаменует собой культуру Нового времени, применительно к интересующей нас проблеме топика выделяются конструкции двух типов. К первой группе можно отнести традиционные топосы. Они широко представлены в литературе данной эпохи, в целом сохраняют и устойчивость формы, и присущую им функцию, но постепенно утрачивают эвристическую глубину. Замечательный пример сужения смыслового потенциала топоса в историческом движении смены культур продемонстрирован в статье Н. Н. Мазур «„Небо Италии, небо Торквата“: итальянская топика в русской поэзии первой половины XIX в. (небо, руины, негa)» [10]. Мазур показывает, как смысловой потенциал текста Е. А. Баратынского в прочтении Нового времени сводится к самому общему (общему — не в традиционалистском, а в обиходном смысле!) выражению тоски и стремления в идеальную страну, свойственных романтической культуре, тогда как присутствующие в этом тексте классические модели топосов предполагают развертывание в сознании читателя целого ряда опытов осмысления Италии — как идеала культурного, как природного идеала, как литературной тради-

ции и проч. — в их напряженном соотношении. Качественное сужение рецептивного отклика принципиально отличает новой топос от классического, демонстрируя утрату им интеллектуального потенциала, эвристической функции, которая и делала топос орудием мысли. Вместе с тем топосы такого типа на уровне конструкции не несут в себе черт модерности. Их, по точному и образному слову А. В. Михайлова, можно назвать «осколками риторического», которыми наполовину все девятнадцатое столетие [15: 64].

Но в то же время XIX век — эпоха, когда «рушатся вековые основания культуры, основополагающее (не только ведь для литературы, для поэтики!) постижение слова», поэтому эта эпоха, и особенно — начало века — «по сути своей переходная» [Там же: 64, 65]. Конструкции, по тем или иным признакам соотносимые с понятием «топос» и вместе с тем отражающие это кардинальное переосмысление эвристических возможностей слова, мы предлагаем относить ко второй группе. Очевидно, что в нее может войти очень пестрый круг явлений, поскольку на данный момент главным критерием отбора будет отсутствующий признак — «нетрадиционный топос». А вот можно ли выделить для этой группы какие-либо наличествующие признаки и предстоит выяснить.

В истории отечественной словесности К. Н. Батюшков имеет устойчивую репутацию поэта, в творчестве которого непосредственно запечатлен переход от поэтики XVIII столетия к новому стилю. Еще Белинский называл эту черту определяющей все его творчество: «...он всегда находился под влиянием своего времени. А его время было странное время — время, в которое новое являлось, не сменяя старого, и старое и новое дружно жили друг подле друга, не мешая одно другому»³. Среди поэтического наследия Батюшкова есть одно произведение, где соседство приобретает отнюдь не мирный, а вполне революционный характер. Это стихотворение «Счастливец» (1810).

Текст Батюшкова представляет собой вольный перевод стихотворения итальянского поэта Дж. Б. Касты «A Fille. L'avverte acciò non giudichi

secondo le apparenze...». Батюшков допускает довольно много расхождений с оригиналом, что само по себе не противоречило нормам того времени. Но одно из отступлений, развернутое и, по сути, переопределяющее логику источника, делает текст известным и приобретает самостоятельную историю в отечественной словесности.

Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!⁴

Для непосредственного восприятия сегодня это сравнение выглядит странным, и тот факт, что именно оно стало предметом иронии в сатире А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», кажется вполне закономерным.

Чудо! — Под окном на ветке
Крошка Б<атюшк>ов висит
В светлой проволочной клетке;
В баночку с водой глядит,
И поет он сладкогласно:
«Тих, покоен сверху вид,
Но спустись на дно — ужасный
Крокодил на нем лежит»⁵.

При жизни Батюшкова стихотворение «Счастливец» будет опубликовано еще неоднократно: в 1811, 1815 гг. и в итоговом собрании — «Опытах в стихах и прозе» (1819–1821). Есть оно и во всех основных списках. Редакции разных лет содержат различные исправления, но странное сравнение правка не затрагивает⁶. Сатира Воейкова тоже была широко известна, ходила в многочисленных списках. Она, как и «Счастливец», имеет различные редакции, но строфа про Батюшкова в ней также неизменна. При этом хорошо известно, что Воейков считал Батюшкова одним из лучших поэтов своего времени, именовал его «Роскошный Батюшков!» в «Отрывке из поэмы: Искусства и Науки» [16: 5], а сам Батюшков весело воспринял своей образ в сатире Воейкова: «Поблагодари его <Воейкова> за приятное воспоминание о Батюшкове и спроси, как я хохотал в Москве, читая: „сердце наше кладезь мрачный“, и наконец „крокодил на нем лежит“. Скажи ему, что я... на Парнасе с ним рассчитаюсь, но люблю его по прежнему, и не за что сер-

диться!» (из письма Батюшкова В. А. Жуковскому, цит. по: [Там же: 76]⁷). Уже этот факт позволяет предположить, что ирония Воейкова воспринималась и автором сатиры и ее адресатом не как критическое отрицание самого сравнения, а скорее констатировала его узнаваемость и оригинальность. Подтверждением этой версии служат и отзывы других современников. «Прекрасной», несмотря на критику рифмы, называет эту строфу П. А. Вяземский в своей записной книжке⁸. Именно две последние строфы (одна из которых — знаменитое сравнение) остаются перечеркнутыми в пушкинском экземпляре «Опытов»⁹. Этой строфой проиллюстрирует свои воспоминания о Н. А. Бестужева Н. И. Греч в «Записках о моей жизни»¹⁰. Все это говорит о том, что для современников использованный Батюшковым образ был точно оригинальным, но не странным и абсурдным.

Отчасти это можно объяснить тем, что современникам поэта хорошо был известен источник сравнения. Это повесть Ф.-Р. Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» (1801). Рассказ Шактаса заканчивается развернутыми размышлениями о всеобщей трагичности человеческого бытия. Для иллюстрация этого утверждения и появляется знаменитое сравнение:

С виду невозмутимое, оно <сердце> подобно водоему саванны Алачуа: поверхность его прозрачна и спокойна, но загляни вглубь — ты увидишь крокодила, нашедшего там кров и пищу¹¹.

На этот источник указывает еще Л. Н. Майков в комментариях к подготовленному им трехтомному собранию сочинений Батюшкова, приводя французский оригинал¹². В момент работы над «Счастливецом» Батюшков был серьезно увлечен Шатобрианом, о чем свидетельствуют его письма [Там же: 77]. Сравнивая человеческое сердце с колодезем, на дне которого крокодил, он почти буквально следует источнику:

Le cœur le plus serein en apparence ressemble au puits naturel de la savane Alachua; la surface en paraît calme et pure, mais, quand vous regardez au fond du bassin, vous apercevez un large crocodile que le puits nourrit dans ses eaux¹³.

Однако при переводе образа на русский язык возникает стилистическая и смысловая не-

однозначность, отсутствующая во французском тексте. У Шатобриана визуальный план образа предполагает вполне конкретный, географически точный природный объект. Сердце сравнивается с естественными колодцами (*puits naturel*), т. е. сенотами, карстовыми воронками, которые составляют специфическую часть рельефа нижнего течения Миссисипи (*la savane Alachua*). Эти сеноты — излюбленная среда обитания американских крокодилов, обманчивое спокойствие и тайная опасность этих водоемов хорошо были известны жителям региона. Шатобриан путешествовал по Америке, опытом и впечатлениями этого путешествия наполнена вся повесть «Атала». Тем самым сравнение опирается на экзотический для европейца, но естественный для Шатобриана и изображенного им персонажа эмпирический визуальный опыт, становясь ярким примером поразившего современников и ставшего знаменитым шатобриановского стиля, где манерность неразличима с наивностью и естественностью¹⁴. В результате экзотический материал и стиль в соединении с устойчивой темой создают новую форму известного топоса — ‘никто не застрахован от обманутых надежд, всякое сердце таит в себе незримые раны’. В полном соответствии с теорией Курциуса, шатобриановский образ утверждает универсальную тождественность экзотического мира и многовековой культурной традиции, обогащая ее новой формой репрезентации, но демонстрируя вместе с тем смысловую преемственность.

Строфа Батюшкова порождает совсем иные отношения слова и смысла. Парадоксальность созданного им образа заставила обратить на себя внимание не только современников, но и другие поколения читателей. Ослабление/утрата влияния шатобриановского претекста наряду со сменой эстетических установок приводят к тому, что на первый план выдвигается впечатление странности и диссонанса. Судя по всему, так воспринял эти строки уже Белинский. В «Сочинениях Александра Пушкина» (статья третья), говоря о принципиальном значении Батюшкова для становления пушкинской поэзии, Белинский вместе с тем постоянно подчеркивает неровность его таланта, большое количество неудачных стихов.

Примером такой неровности служит для критика и «Счастливец», который написан «прекрасными стихами», но в нем есть «куплет, который рассмешил даже современников этой пьесы, столь снисходительных в деле поэзии»¹⁵. Однако есть основания полагать, что смех современников и смех Белинского совпали преимущественно по форме. Для Белинского, судя по логике всей его статьи, сравнение Батюшкова нелепо, неудачно. Оно — пример отвергаемых им «пиэтизма и морали», проявление «старого», которое теперь уже (статья написана в 1843 году) эстетически неудовлетворительно. Иными словами, Белинский не приемлет умозрительность, отвлеченность, последовательно противопоставляя ей естественность и конкретность. С этой точки зрения образ Батюшкова, как минимум, «недокончен». Действительно, в созданной Батюшковым конструкции для 1840-х гг. соединяются два разных стилистических регистра. С одной стороны, слово «кладезь» принадлежит к условному поэтическому языку, высокому стилю, явно маркировано как «пиэтизм» XVIII столетия, характерный для языка Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова, Хераскова, Державина¹⁶. За ним не возникает важный для Шатобриана конкретный природно-географический контекст. С другой стороны, слово «крокодил» в эпоху Белинского уже как раз обладает и вполне точной визуализацией, и осязаемым смеховым ореолом. В 1830-х гг. в центре Петербурга на Большой Морской был зверинец, где показывали крокодилов [3: 210]. Слово «крокодил» все чаще и чаще начинает появляться в юмористических контекстах, что свидетельствует о его семантической сатиации [Там же: 211]. Тем самым в эстетической парадигме 1840-х гг. сравнение Батюшкова начинается на одном языке, а заканчивается на другом, что, естественно, порождает комический эффект и критический смех Белинского. Однако для самого Батюшкова и для его эпохи конструкция живет по другим законам и имеет другой смысл. Прежде всего, «кладезь» и «крокодил» не разделены для него такой отчетливой стилистической дистанцией. Скорее — наоборот: и то, и другое слово в восприятии Батюшкова вполне могут

принадлежать одному стилистическому регистру. На языке XVIII века крокодил нередко выступает как аллегория порока (зла, коварства) или символизирует собой адское чудовище. Богданов отмечает, что библейский Левиафан в русской церковной традиции часто представляется в образе крокодила. Такую трактовку разделяет, напр., и А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803), присутствует она и в «Словаре Академии Российской», и в словаре В. И. Даля [Там же: 206]. Так что стилистически для поэтического языка начала XIX века сравнение Батюшкова не несет в себе явного диссонанса. Чем же тогда оно обратило на себя внимание современников?

Переходность, или «недоконченность» (на языке Белинского), действительно составляет конструктивный принцип этого сравнения. Соединяя «кладезь» с «крокодилем» Батюшков отсылает читателя к умозрительному поэтическому языку прошлого столетия, но тут же порывает с ним, наполняя абстрактные слова предельно конкретным и глубоко лично пережитым смыслом. Возможность «присвоения» чужого опыта и связанная с ней автокоммуникативность составит существо лирической эмоции Нового времени [8]. С началом этого процесса можно связать и батюшковскую строфу. «Присвоение» в данном случае относится не только к Шатобриану, но и структурно воплощается во всей конструкции топоса. Деление на стихотворные строки создает пластический образ этого приобщения: от общей имперсональной абстрактной истины («Сердце наше кладезь мрачной») — через зрительный образ («Тих, спокоен сверху вид») — к действию («спустись ко дну») — наконец, после паузы (многоточие), усиливающей напряжение, — к эмоциональному потрясению («ужасно!») встречи-открытия. Тем самым конструкция образа противится интеллектуально-рассудочному его восприятию. Развернутая картина сравнения и сохраняет свой универсальный смысл «общего места», и в то же время не укладывается исключительно в логику тождества. Опыт лирического героя или опыт его адресата (к которому обращен призыв «спустись») подобны, но в то же вре-

мя глубоко индивидуальны. Они не сливаются с длинным единым парадигматическим рядом подобию, как у Шатобриана (Ср.: «...столько дней и ночей обременяют мне плечи, при том, что обретен такой жизненный опыт, я ни разу не встретил человека, который не был бы обманут в своих надеждах на счастье, чье сердце не таило бы незримой раны»¹⁷), что могло бы обеспечить катарсический эффект. Нет здесь возможности и для терапевтического дистанцирования, свойственного нарративу. В итоге на позиции внутринаходимости, на позиции лирического героя возникает неснимаемое напряжение между универсальным законом бытия и подчеркнуто эмоциональным его переживанием. Вместе с тем для внешней позиции, лишенной индивидуализированного эмоционального напряжения, текст предстает лишь еще одной, аллегорической и, возможно, немного комичной (учитывая чуткость современников к динамике стилистических регистров) иллюстрацией известной моральной сентенции, над которой можно и по-доброму посмеяться. Все это позволяет трактовать сравнение Батюшкова как нетрадиционный топос. Оно воспроизводит узнаваемые черты конструкции: устойчивое значение, пространственная репрезентация, но утверждает эта конструкция не единую смысловую парадигму, а обозначившуюся на ее фоне динамику индивидуального восприятия. Лично значимый для Батюшкова образ появится снова в одном из последних стихотворений в цикле «Подражания древним»:

Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись;
Венца победы? — смело к бою!
Ты перлов жаждешь? — так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
Лишь смелым перлы, мед иль гибель... иль венец¹⁸.

Индивидуально значимый образ маркирует здесь тему судьбоносного выбора.

В строфе Батюшкова принципиально отличны от модели классического топоса и отношения между текстами, связанными общим мотивом. Для классической традиции в целом эти отношения можно охарактеризовать как равноправные. В смысловой перспективе тексты, объ-

единенные одним топосом, существуют синхронно. Это обусловлено свойственным риторической культуре типом миропредставления и отношения к истине. «В плане онтологическом, — писал С. С. Аверинцев, — „тождество“ имеет преимущества перед „инаковостью“: „тождество“ первично, „инаковость“ — вторична. В плане аксиологическом „тождество“ представляет собой ценность: оно само по себе, как принцип высшей степени абстрактности, доброкачественнее, благороднее, чем инаковость» [1: 121]. Топос, репрезентируя связь частного и общего, тем самым утверждает мир как порядок и обнаруживает истину, он есть и основной познавательный и инструмент, и результат познания [Там же: 123–124]. В логике классической культуры связывание текстов посредством топосов есть непосредственный процесс познания мира, прояснение его универсальных начал, скрывающихся за пестрым многообразием единичных вариантов. Очевидно, что познаваемая таким способом истина обладает имперсональной природой и не может быть ассоциирована с конкретным субъектом. Поэтому и исторический порядок следования ее репрезентаций не имеет принципиального значения. В конструкции Батюшкова отсылка к субъекту определяет существо связи с текстом. Шатобриан присутствует в тексте «Счастливица» как цитата конкретного автора, а не только как отсылка к «общему месту». Цитата, в отличие от классического топоса, устанавливает не смысловую общность некой группы текстов, но субъектно-ориентированную соотношенность двух конкретных сознаний. Несмотря на причастность к «общему месту», специфический экзотический план делает образ узнаваемо шатобриановским. Именно так охарактеризует его Сент-Бев в цикле лекций «Шатобриан и его литературный круг в период Империи» («Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire», 1848–49, опублик. 1861)¹⁹. Как мы старались показать, цитирующая Шатобриана строфа Батюшкова за счет специфичных для русской культуры языковых ресурсов и характерных приемов его пластического поэтического стиля тоже начинает восприниматься современниками как субъектно маркированная — типично батюш-

ковская. Примечательно, что также будут характеризовать ее впоследствии и многие исследователи. Так, Г. А. Гуковский назовет ее вместе со стихотворением «Изречение Мельхиседека» «*сущностью*» всей его поэзии [4: 167]. Все это говорит о том, что еще не индивидуальность (в понимании Нового времени), не «инаковость», но субъектная маркированность начинает играть принципиальную роль в конструкции топоса. Благодаря ей меняется сама сущность традиционной формы. Это уже не хоровое многоголосие, усилие которого направлено на постижение общей темы, и еще не полифонический (в бахтинском смысле) диалог Нового времени, сфокусированный на неслиянности индивидуальных начал, но напряженное сосуществование общего и личного. Законы тождества еще работают, подобие устанавливается, но эти законы утрачивают исключительное право на познание. А это значит, что в конструкции, использующей топос, восходящей к топосу или ориентированной на классический топос, возникает необходимость перестройки смысловых элементов. Потребность в интеллектуально-смысловой наполненности модели ведет, в свою очередь, к необходимости изменения ее структуры. Логика тождества — и структурно, и смыслово — выражалась в пространственных формах²⁰. И онтология, и аксиология Новой эпохи ориентированы на категорию времени. Каким образом под воздействием этой категории и категории субъекта трансформируется классическая модель топоса, какие эвристические возможности с ней связываются и как, с другой стороны, эта модель раскрывает динамику наших представлений о субъекте и субъективности, можно постараться понять, обращаясь к ориентированным на топосы конструкциям в постриторической культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., критическое обсуждение самого термина «модерность» и его различных трактовок в специальном блоке т. 140 журнала «Новое литературное обозрение» (2016, 4 (140)).

² Имеется в виду знаменитое эссе Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» [1874] (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 158–230).

³ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина (статья третья) [1843] // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1982.

⁴ Батюшков К. Н. Счастливец: (Подражание Касти) («Слышишь! мчится колесница...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. (Лит. памятники). С. 300.

⁵ Воейков А. Ф. Дом сумасшедших [1814—1817] // Поэты 1790-х—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана, подгот. текста М. Г. Альтшуллера, вступ. заметки, биограф. справки и примеч. Ю. М. Лотмана и М. Г. Альтшуллера. Л., 1971. С. 797. (Библ. поэта; Больш. сер.).

⁶ Сопоставление с оригиналом, история текста, включая перечень всех прижизненных публикаций и списков, а также варианты названия подробно описаны в: [16: 71–77].

⁷ Здесь передано в современной орфографии, у Пильщикова [16] — в оригинальной.

⁸ Вяземский П. А. Старая записная книжка. Ч. 2 // Вяземский П. А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9, составляющий книжки 1–14 за 1813–1852 год. СПб., 1878–1896. С. 86.

⁹ Майков Л. Н. Пушкин о Батюшкове // Майков Л. Н. Историко-литературные очерки. СПб., 1995. С. 212.

¹⁰ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 287.

¹¹ Шатобриан Ф. Р. Атала, или любовь двух дикарей // Шатобриан Ф. Р. Атала. Рене. Повести. М., 1992. С. 157.

¹² Майков Л. Н. Сочинения, Со статьюю о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым: В 3 т. Т. 1. СПб., 1887. С. 344.

¹³ *de Chateaubriand, F.-R. Atala* / Ed. by O. Kuhns. Boston; New York; Chicago, 1905. P. 72.

¹⁴ Так характеризовал стиль Шатобриана Ж. Дюрренматт в докладе «Стиль Шатобриана: рождение мифа». См. об этом: [14].

¹⁵ Белинский В. Г. Соч. Александра Пушкина (статья третья) [1843] // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1982.

¹⁶ Поэтический корпус Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>) дает 3159 употреблений этого слова на период 1700–1800 гг.

¹⁷ Шатобриан Ф. Р. Атала... С. 157.

¹⁸ Батюшков К. Н. «Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись...» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. (Лит. памятники). С. 352

¹⁹ Майков Л. Н. Соч. ... С. 344.

²⁰ См.: [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы антично-го рационализма // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 115–145.

2. Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории // Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 89–114.

3. Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.

4. Гукровский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.

5. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 19–45.

6. Жеребин А. И. Цитата Михайлова из Курциуса и ее обратный перевод // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 290–301.

7. Кобрин К. Вечная современность: заметки на полях «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // Неприкосновенный запас. 2014. № 1 (93). С. 231–248.

8. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избр. тр.: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–482.

9. Лосев А. Ф. Топологическая эстетика // Лосев А. Ф. История античной эстетики: В 8 т. Т. 4: Аристотель и поздняя классика. М., 2000. С. 806–816.

10. Мазур Н. Н. «Небо Италии, небо Торквата»: итальянская топика в русской поэзии первой половины XIX в. (небо, руины, нег) // *Russica Romana*. 2012. № 1. С. 33–75.

11. Махов А. Е. Веселовский — Курциус. Историческая поэтика — историческая риторика // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 182–202.

12. Махов А. Е. «Историческая топика»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 275–289.

13. Махов А. Е. Эмблематика: макрокосм. М., 2014.

14. Мильчина В. Авангардный классик. Междунар. конф. «Шатобриан и художественное повествование: предшественники и последователи, традиции и новаторство» (Франция, Тулуза, Университет Тулуза II — Тулуза-ле-Мирай, 30 марта — 1 апр. 2011 г.) // Новое литературное обозрение. 2011. № 111.

15. Михайлов А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 43–111.

16. Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М., 2003. (Philologica russica et speculativa; Т. 3).

17. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–51.

18. Эткунд А. Обратимая современность // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 70–72.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. (1996) Antichnaia ritorika i sud'by antichnogo ratsionalizma [Ancient Rhetoric and Fate of Ancient Rationalism]. In: Averintsev S. S. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and Sources or the European Literary Tradition]. Moscow, pp. 115–145. (in Russian)

2. Averintsev S. S. (2004) Poriadok kosmosa i poriadok istorii [Order of Cosmos and Order of History]. In: Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature]. Saint Petersburg, pp. 89–114. (in Russian)

3. Bogdanov K. A. (2006) *O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaïmstvovaniï i ekzotizmov* [On Crocodiles in Russia. Essays from the History of Borrowings and Exotisms]. Moscow. (in Russian)

4. Gukovskii G. A. (1965) *Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and Russian Romantic Poets]. Moscow. (in Russian)

5. David-Fox M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR: otsustvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletannaia? [Russian — Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled?]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], no. 4 (140), pp. 19–45. (in Russian)

6. Zherebin A. I. (2011) Tsitata Mikhailova iz Kurtsiusa i ee obratnyi perevod [Mikhailov's Quotation from Curtius and its Reverse Translation]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], no. 4, pp. 290–301. (in Russian)

7. Kobrin K. (2014) Vechnaia sovremennost': zametki na poliakh "Vosemnadtsatogo briumera Lui Bonaparta" [Eternal Modernity: Marginalia of "The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte"]. *Neprkosovennyi zapas* [NZ], no. 1 (93), pp. 231–248. (in Russian)

8. Levin Iu. I. (1998) *Lirika s komunikativnoi tochki zreniia* [Lyrics from the Communicative Point of View]. Levin Iu. I. *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika* [Selected Papers: Poetics. Semiotics]. Moscow, pp. 464–482. (in Russian)

9. Losev A. F. (1975) *Topologicheskaia estetika* [Topological Aesthetics]. In: Losev A. F. *Istoriia antichnoi estetiki* [History of Ancient Aesthetics], in 8 vols., vol. 4: Aristotel' i pozdniaia klassika [Aristotle and Late Classics]. Moscow, pp. 806–816. (in Russian)

10. Mazur N. N. (2012) "Nebo Italii, nebo Torkvata": italijskaia topika v russkoi poezii pervoi poloviny XIX v. (nebo, ruiny, nega) ["The Sky of Italy, the Sky of Torquatus": Italian Topics in Russian Poetry of the First Half of the 19th century (Sky, Ruins, Languor)]. *Russica Romana*, no. 1, pp. 33–75. (in Russian)

11. Makhov A. E. (2010) *Veselovskii — Kurtsius. Istoricheskaia poetika — istoricheskaia ritorika* [Veselovsky — Curtius. Historical Poetics — Historical Rhetoric]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], no. 3, pp. 182–202. (in Russian)

12. Makhov A. E. (2011) "Istoricheskaia topika": razdel ritoriki ili oblast' komparativistik? [Historical Topics: a Branch of Rhetoric or a Field of Comparative Studies?]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], no. 4, pp. 275–289. (in Russian)

13. Makhov A. E. (2014) *Emblematika: makrokosm* [Emblematics: Macrocasm]. Moscow. (in Russian)

14. Mil'china V. (2011) *Avangardnyi klassik* [Avant-garde Classical Writer]. Colloque «Chateaubriand et le récit de fiction: héritages, ruptures et postérité» (France, Toulouse, l'Université Toulouse II — Toulouse-le-Mirail, 30 mars — 1 avril 2011.). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], no. 111. (in Russian)

15. Mikhailov A. V. (1997) *Problemy analiza perekhoda k realizmu v literature XIX veka* [Problems of Analysis of Transition to the Realism in Literature] // Mikhailov A. V. *Iazyki kul'tury* [Languages of Culture]. Moscow, pp. 43–111. (in Russian)

16. Pil'shchikov I. A. (2003) *Batyushkov i literatura Italii: Filologicheskie razyskaniia* [Batyushkov and Italian Literature: Philological Investigations]. Moscow. (Philologica russica et speculativa; Vol. 3). (in Russian)

17. Habermas Jü. (1992) *Modern — nezavershennyi proekt* [Modernity — Unfinished Project]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], no. 4, pp. 40–51. (in Russian)

18. Etkind A. (2016) *Obratimaia sovremennost'* [Reversible Modernity]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], no. 4 (140), pp. 70–72. (in Russian)

[хроника]

СТОЛЕТИЕ ГЕРЦЕНОВСКОЙ РУСИСТИКИ (ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО. СЛОВАРЬ. СЛОВЕСНОСТЬ: К СТОЛЕТИЮ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И 95-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА САКМАРЫ ГЕОРГИЕВНЫ ИЛЬЕНКО»)

(Продолжение на с. 106, 113)

Ноябрьские дни 2018 года в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена были ознаменованы важным событием. 14–16 ноября состоялась Всероссийская конференция «Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко». Столетие кафедры русского языка явилось важным событием, к которому ее коллектив, а также студенты филологического факультета готовились в течение трех лет. К началу конференции была издана книга «Люди. Годы. Жизнь. Кафедра русского языка (1918–2018)», в которой представлены историко-библиографические материалы, отражающие деятельность кафедры за сто лет.

Кафедра русского языка — одна из старейших в Герценовском университете. Истоки Герценовской русистики связаны с именами выдающихся лингвистов, преподававших в Петербургском воспитательном доме и Женском педагогическом институте: И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. М. Каринского, Е. Ф. Карского, М. Р. Фасмера. Педагогический институт стал достойным преемником Воспитательного дома и Женского педагогического института. Их талантливые выпускницы стали преподавателями кафедры русского языка и продолжателями идей петербургской лингвистики. В разные годы на кафедре русского языка работали Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, Е. С. Истрина, С. И. Ожегов, Ф. П. Филин, Л. В. Матвеева-

Исаева, А. П. Евгеньева. Научные традиции кафедры неразрывно связаны с именами профессоров Н. П. Гринковой, В. В. Степановой, А. В. Бондарко, В. И. Чагишевой, Е. Г. Ковалевской, В. И. Кодухова, В. Л. Георгиевой.

Особое эмоциональное звучание конференции, в которой приняли участие более 120 человек из разных городов страны, придало празднование 95-летия Сакмары Георгиевны Ильенко, члена-корреспондента Российской академии образования, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, почетного доктора университета Кошице (Словакия), почетного профессора РГПУ им. А. И. Герцена.

Пленарное заседание открыл ректор университета профессор С. И. Богданов, отметивший особую роль филологии в концепции развития Герценовского университета и подчеркнувший, что место С. Г. Ильенко в лингвистической науке и гуманитарном образовании трудно переоценить. Декан филологического факультета Н. Л. Шубина рассказала об особой роли кафедры русского языка в жизни факультета на всех этапах его истории, об исключительной роли С. Г. Ильенко как мудрого воспитателя, сформировавшего когорту прекрасных преподавателей высшей школы.

Заведующая кафедрой русского языка В. Д. Черняк обратила внимание на уникальные вехи в профессиональной биографии Сакмары Георгиевны: с 1948 года — 70 лет назад! — началась

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

VIACHESLAV I. SHULZHENKO

MODERN LITERATURE IN RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE TRADITIONS
OF RUSSIAN CLASSICS AND INTERCULTURAL INTEGRATION IN THE 21ST CENTURY

*Наша родина — русский язык.
(Герман Садулаев,
российский писатель)*

**Вячеслав Иванович
Шульженко**

Доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания,
русской филологии, литературного
и журналистского мастерства

Пятигорский
государственный университет

пр-т Калинина, 9,
г. Пятигорск, Ставропольский край,
357500, Россия

► slawick.shulzhenko@yandex.ru

Viacheslav I. Shulzhenko

Pyatigorsk State University

9 Kalinin Avenue,

Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357500, Russia

В статье рассматривается один из самых интересных феноменов современного художественного процесса — литература на русском языке, геокультурное позиционирование образующих ее сегментов и локусов, сложный и противоречивый диалог с традициями классики. Представлен краткий анализ и значение русскоязычной литературы в России XXI века как важнейшего признака межкультурной коммуникации и основы формирующейся российской идентификации.

Ключевые слова: литература на русском языке; литературный канон; русскоязычная литература.

The author discusses one of the most interesting phenomena of modern art process: which is the literature in Russian, its geocultural positioning of the segments and loci; its complicated and contradictory dialogue with the traditions of the classics. The author gives a short analysis and evaluation of Russian-speaking literature in Russia of the 21st century, as the most important sign of cross-cultural communication and a basis for Russian identity formation.

Keywords: literature in Russian; literary canon; Russian-speaking literature.

1. Литература как рассеяние

Из заглавия статьи видно, что, ставшее едва ли не клишированным, словосочетание «современная русская литература» заменено далеко не синонимичным выражением — «современная литература на русском языке». Тому есть немало объяснений, и некоторые из них будут подробнее рассмотрены ниже. Но в любом случае важным тезисом следует считать утверждение что само местоположение этой литературы в конце XX — начале XXI века отличается поразительным разнообразием географических координат. Литература на русском языке в наши дни создается не только в России, как это было преимущественно еще сто лет назад — до революций XX века, но практически на всех континентах.

Попытка первичной дифференциации литературы на русском языке показывает, что в наше время она создается:

- россиянами, не являющимися по национальности русскими (например, Г. Садулаев, А. Черчесов, А. Ганиева);

- русскими по происхождению, проживающими вне своей исторической родины (скажем, М. Шишкин, Д. Бобышев, Саша Соколов, Юрий Малецкий) или не русскими, но с детства погруженными в русский художественный космос — Б. Кенжеев, Р. Бухараев, И. Гальперин, З. Зиник. К этой группе относятся и М. Безродный, и М. Гиголошвили, и Б. Гройс, и Б. Хазанов. Последний не так давно в петербургской «Звезде» опубликовал рассказ «Сера и огонь», заставивший вспомнить всю нашу позднюю классику XIX века. Следует назвать мощное женское крыло в этом сегменте, куда входят М. Палей, Д. Рубина, Л. Горалик, Л. Коль, П. Копылова, сменившая Чечню на Финляндию, П. Жеребцова, Е. Бочоришвили — грузинка, живущая в Канаде, пишущая свои произведения на русском, а затем переводящая их на английский и французский. В этом сегменте особое место занимает литература российских и казахстанских немцев, недавно обретшая своего лидера — Ольгу Брейнингер, откровенно как-то признавшуюся проекту «It BOOK», что она чувствует себя в России одновременно своей и чужой;
- мигрировавшими из бывших республик в Россию после распада Советского Союза писателями как русскими — А. Волос, Д. Гуцко, В. Медведев, так и не русскими — Д. Зантария, А. Мамедов, Н. Абгарян;
- их соплеменниками, оставшимися жить в местах своего рождения за пределами РФ (например, И. Одегов из Казахстана, А. Торк из Таджикистана, В. Шаповалов из Киргизии, А. Иванов из Эстонии, Р. Кожухаров из Молдовы, М. Матковский с Украины);
- нерусскими гражданами этих новых государственных образований (например, Р. Ибрагимбеков, Э. Гасанов, О. Сулейменов, О. Азнуарян, А. Хегай).

Как в Европе, так и в Америке продолжается выпуск таких журналов, как «Синтаксис», «Пражский графоман», «Русское слово», «Гнозис», «Слово», «Terra Nova», «Другие берега», «Грани», «Зарубежные записки», «Литературный европеец».

В отзывах коллег, посещающих регулярно североамериканский континент, неоднократно упоминалось о нынешнем расцвете русской американской поэзии. Парадоксальным образом Нью-Йорк стал одной из столиц современной «русской лиры». Концентрация поэзии высшего качества в этом мегаполисе — тому доказательство, как и самые разные русские литературные издания, публикующие литературу на русском языке. В уже достаточно давний сборник «Русские зарубежные писатели начала XXI века» (2004), составленный В. Батшевым, включены автобиографии пятидесяти авторов, которых, скорее, по привычке, нежели по сути, называют «эмигрантами четвертого призыва». А в самом последнем, составленном Я. Клоцем, они уже названы по примеру когда-то знаменитой «парижской ноты» — «гудзонской» [3; 4; 5].

Созданные в разных уголках земли за последние десятилетия произведения не так легко, как прежде, воспринимать как единую русскую литературу, имеющую общие художественные истоки. И не в последнюю очередь из-за того, что, кажущаяся не посвященному человеку на расстоянии достаточно целостной, она при более близком рассмотрении оказывается не гомогенной, а распадающейся на несколько резко отличающихся друг от друга самостоятельных направлений (например, собственно «русская литература», которая нам представляется скорее проектом актуальной литературной критики, нежели непосредственно продуктом литературного развития, «русскоязычная литература», «евразиада», «литература диаспоры», «пограничья» и т. д. [2; 8; 11; 12]).

Напомним здесь также о литературе на русском языке в новых независимых государствах. Раньше она не рассматривалась как самостоятельная специфическая проблема, и ее относили в основном к провинциальным литературным школам в рамках единой советской литературы. Сегодня — иное. А. Мусаян, Л. Хечоян, М. Петросян в Армении, Д. Барбакадзе, З. Ратиани, Л. Бугадзе, Р. Амаглобели в Грузии, Э. Агаев, Н. Расул-заде, М. Векилов, В. Кафаров в Азербайджане — вот лишь малая то-

лика имен, чье творчество находится на стыке двух культурных потоков. И где в XXI веке речь может идти о равноправном диалоге литературы России с литературами зарубежных стран. Мы только сейчас начинаем формировать необходимое для будущих научных изысканий представление о способах автономного существования литературы на русском языке в странах, в которых русскоговорящих относят к национальным меньшинствам.

Как, скажем, в Узбекистане, где разворачивается ныне занимательный поликультурный сюжет. Там сложились две русскоязычные поэтические школы — ташкентская и ферганская. Лидер первой — Санджар Янышев, знаковая фигура вообще для российского мейн-стрима. Авторитет второй создается поэтическим талантом дуэта Шамшада Абдуллаева и Вячеслава Ахунова, синтезирующим в своих произведениях традиции не только русской, но средиземноморской и англосаксонской поэзии. Об альманахе «Малый шелковый путь», издающимся участниками обеих школ, вообще можно говорить как о мастерской интереснейших художественных экспериментов. Новомирский критик В. Губайловской в аннотации на новую книгу уроженца Узбекистана В. Муратханова «Ветвящееся лето» отметил присущую не только ему, но и многим другим современным нерусским поэтам Евразии черту: «Он стал русским поэтом, но язык, как выясняется, — еще не все. <...> В поэзии Муратханова есть ощущение горького необратимого разрыва» [1: 206].

Да и стихи С. Тимофеева, С. Ханина, А. Пунте, В. Светлова, представляющие сегодня в Латвии латышскую поэзию на русском, вряд ли кто возьмется назвать русской поэзией, но никто не станет, согласитесь, утверждать, что это и не русский язык.

Лишь укажем из-за ограничений объема на украинскую прозу и поэзию на русском языке. Она во всем великолепии представлена в недавно изданной антологии и включает уже давно любимых россиянами В. Ешкилева, А. Кабанова, А. Куркова, Д. Лазуткина, В. Нестеренко, В. Рафеенко, Б. Херсонского и многих других.

2. Перекличка эпох

Второй части статьи, другому его смысловому концентру, посвященному диалогу современных текстов с художественным каноном, необходимо предпослать следующее замечание. Дилемма «классики и современники», никогда не воспринимавшаяся простой, и сегодня предстает как неоднозначный, а где-то и болезненный вопрос, ибо многие современные писатели открыто говорят, что в набирающем невиданные прежде темпы инновационных перемен XXI веке и литература, равно как и общество, становится другой. Такое свойство времени побуждает, прежде всего, молодых авторов, опасаящихся остаться на обочине мейн-стрима, к поиску часто мало убедительных стилистических экспериментов, весьма обостряет проблему художественных ориентиров, преемственности, ценности канона. Свое нежелание следовать традиции Р. Сенчин — один из самых известных сегодня писателей, объясняет тем, что отечественная литература всегда находилась в непрерывном развитии, а «классический слог» русской литературы был преодолен Толстым только в поздних романах. Правда, то, что Сенчин называет «живым процессом», воспринимается нередко читателем как «вычурность, манерность, дурновкусие, жалкое безмыслие, невыносимое, до мучительной зевоты, многословие» [7].

Однако речь идет, понятно, не «о слоге», он действительно не может оставаться неизменным, как классическая латынь. Но языку изначально присущ диахронический аспект, сам дух перманентного изменения, язык — в постоянном развитии, и то, что мы порою в полемическом пылу склонны считать «деградацией», есть нередко, как показал М. А. Кронгауз в докладе на VI Конгрессе РОПРЯЛ, одновременно и развитие, приобретение новых качеств и свойств, которым для утверждения своей «нормы» нужно время.

Нас, думается, больше в этом смысле должны беспокоить попытки некоторых зарубежных коллег поставить под сомнение масштабность и уникальность русской классики, которая, равно как греческая трагедия, немецкая философия или итальянская опера, относится к одному из самых поистине великих национально-культурных яв-

лений мировой культуры. Идеологизированно-политологическим интерпретациям в первую очередь подвержены произведения Лермонтова, Толстого и Чехова, ибо они внешне удобнее всего укладываются в уже давно отменно разработанную, не гнушающуюся историографической спекулятивности парадигматику столь модных ныне постколониальных исследований.

В свое время великий немецкий писатель Т. Манн определил нашу классику как «Святая русская литература».

Думается, мистикой этого высказывания можно объяснить идею самого громкого социально-эстетического проекта последнего времени. Имеется в виду «новый реализм», в основе которого очевидно лежало стремление определенной части молодых писателей соединить в неразрывное целое русскую реалистическую традицию и современность и при этом покончить «с постмодернизмом, со всеми пелевинными и навичами, которые погружают читателя в иронию и элитарные игры со словом, не проявляя никакого интереса к реальной жизни. <...> с их унынием, <...> лишаящим солнца и веры в возможность счастья» [6: 8], которое, согласитесь, классика сохраняла. Не будем сейчас подводить какие-либо промежуточные итоги, не хочется петь аллилуйю «новому реализму», так как верим, что будущее в гуманитарной сфере все-таки за самыми интеллектуально-креативными проектами, тем более когда они замешаны на молодости и страстно переживаемом настоящем. Важно для сегодняшнего разговора отметить, что такой жест имел место быть, и одним из его подспудных мотивов являлось стремление отстоять главные инструментари реальности реализма, к которому, кстати, столь глубокий интерес проявляют в последние годы и крупнейшие европейские эстетики, разочарованные исчерпанностью и бесплодием постмодернистских парадигм.

Однако в целом апелляция современных авторов к классическому канону носит весьма неоднозначный, если не сказать остро полемичный характер. И это несмотря на то, что столь непохожие друг на друга различные локусы современной литературы на русском языке, совер-

шенно по-разному вступающие в диалог с традициями отечественной словесности, в целом подчиняются описанной В. С. Библером схеме, согласно которой разные периоды литературного развития оказываются втянутыми в имеющий свой собственной хронотоп пространство, где действует известный принцип о невозможности Шекспира без Софокла, равно как и Софокла без Шекспира. Разные литературные эпохи в этом пространстве «дополняют» — теперь уже по Нильсу Бору — друг друга, одновременно сопрягая, исключая и предполагая. Эту одновременность различных культурных периодов нетрудно заметить в современной литературе, в которой сосуществуют элементы разных художественных систем — от сентиментализма до магического реализма.

Так, у упомянутых выше «новых реалистов», творящих исходя из принципа «жизнь вместо судьбы», свои едва ли не интимные переключки с национальным наследием. З. Прилепин, к примеру, словно продолжая Гоголя [5; 15], реставрирует в наших условиях тотального «безотцовства» идею Тараса Бульбы, концентрирует внимание на архетипе отца, словно само его «присутствие вносит в жизнь то, что оно должно оправдать существование мира для человека, начинающего терять опоры» [6: 27]. Тем самым, думается, Прилепину удалось преодолеть гоголевское противостояние отца и учителя, столь болезненно переживаемое Тарасом, но не за счет их «примирения», а, как говорится, за счет «снятия остроты» идущего еще с древности антагонизма.

Тому же Р. Сенчину особенно близок Л. Андреев (что явно говорит о необходимости расширения границ классики); он видит в его произведениях много схожего с тем, что происходит ныне с нами, и чувствует близость своего сознания с сознанием его героев. Хотя не лишено оснований и предположение о том, что Сенчину более аутентичен все тот же Гоголь периода «натуральной школы», уж очень ощутима тяга у главного пессимиста нашего времени к изображению, как он сам — вслед за Пушкиным — говорит, «ничтожных людей» в их бесцветном проживании. Сенчин даже как-то сетовал на то, что его, требуя

правды художественной взамен жизненной, часто несправедливо ругают за изображение действительности такой, какой она есть.

Брутальный А. Рубанов тяготеет к столь характерной для классической русской литературы исповедальности, но что-то в ней много от позёрства, которым, занятые самобичеванием, нередко грешат тинейджеры, словно реанимирующие некоторые знаковые черты Печорина.

Д. Данилов в «Горизонтальном положении», да и не только, — «ретуширует» гончаровского Обломова, изображая современного человека безвольным, пребывающим в тотальном бездействии, нежелающим отказаться от скуки как способа бытия.

А вот А. Иличевский важнейшему свойству русской классики — искусству психологического анализа — и это также следует считать видом диалога — противостоит намеренно, акцентируя внимание на сакрализации темных движений души, сосредоточиваясь на диалогах о двойственности жизни, в границах которой человек не может быть чистым, а непременно предстает уже заранее наделенным червоточиной.

Гораздо ближе к психологической линии в русской литературе — от Гоголя до Чехова — роман Анны Козловой «F20». Она остро актуализирует, казалось бы, умолкший в литературе советского времени интерес к исследованию мира душевнобольного человека, ищет возможные точки его соприкосновения с нашим миром, самым радикальным образом разбивая порой разделяющие их границы.

Достаточно «складно» в смысле самого характера переключки с творческим наследием классики выглядит та ветвь нынешней словесности, которую наши товарищи из патриотического лагеря упорно и подчеркнута торжественно называют «истинно русской литературой», ее достойным продолжением: Ю. Поляков, А. Проханов, В. Галактионова, В. Личутин, В. Михальский, Ю. Козлов, А. Трапезников, Н. Зиновьев, В. Лихоносов. Не так давно в этом созвездии появился совсем небесталаный А. Антипин, чья повесть «Дядька» прозвучала не гимном современному фермеру, а эпитафией «деревенской прозе».

Гораздо более ценным с точки зрения отражения художественных взаимосвязей современных произведений с реалистической литературой XIX века, изображающих русскую деревню эпохи И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и других, для учителя-словесника станет творчество Б. Екимова (по сути, последнего «деревенщика» нашей литературы), особенно его недавняя повесть «Осень в Задонье».

Впору к юбилею И. С. Тургенева подоспела примечательная во многих отношениях книга Л. Данилкина «Ленин: Пантакратор солнечных пылинок». Жизнь будущего вождя мирового пролетариата в эмиграции словно окутана тургеневским мироощущением, сделавшим этих двух насколько не похожих людей вдруг близкими друг другу.

Практически все творчество А. Проханова можно считать примером историко-литературной переключки с классикой. Как бы ни относилась критика к Проханову, он, безусловно, принадлежит к числу столь редких в наше время авторов, пытающихся в каждом из своих произведений сблизить эмоциональную образность с недвусмысленными морально-этическими установками. Более того, он — как это было всегда в нашей классике — ставит своих героев в ситуацию выбора, цена которого — смерть, причем нередко в апофатическом изводе, напоминающая порой о ярых антагонистах автора из постмодернистского лагеря.

В диалоге с классикой временную специфику произведений лучшие из наших писателей всегда учитывают, и здесь, наверное, пример ушедшего В. Маканина наиболее показателен. Находясь в постоянном сопряжении с философско-религиозными истоками эстетики Льва Толстого, он стремился перекинуть «мостик» между эпохами, умело избегал нередкую в таких случаях историзацию и фетишизм классического канона, парадоксально, как, например, в «Кавказском пленном», его интерпретируя.

А вот А. Уткин в «Хороводе» диалог с великими предшественниками выстраивает на принципиально иной основе. Ощущение того, что вы попали в атмосферу классического русского

романа, не покидает с первой страницы и до последней. Прекрасны в «Хороводе» реминисценции, столь живо заставляющие вспомнить и «Метель», и «Капитанскую дочку», и «Героя нашего времени», и «Княгиню Лиговскую». Совсем уж не двусмыслен намек на то, что разжалованный корнет Неврев тянет горькую солдатскую ляжку в родном для Лермонтова Нижегородском полку. За этим ничуть не скрываемым внешним сходством затем проступает более глубинная связь, суть которой все в той же, мучающей личностью проблеме выбора, которую многие, повторим, склонны считать едва ли не определяющей в каноне русской классики.

С чувством личной сопричастности с судьбой автора, которого давно знаем и ценим, назовем рассказ «Кормление дракона» ростовского писателя В. Пискунова. Вот где представлен сложный, противоречивый, остро полемичный разговор нашего современника с, казалось бы, полифонией классической отечественной «кавказиады», где на одной странице возникают аллюзии из пушкинского «Путешествия в Арзрум», на другой — из толстовской «Рубки леса», на третьей — из лермонтовского «Валерика».

А вот повесть «Ворона» Ю. Кувалдина сделана в стиле «римейк», одном из самых примечательных явлений в литературе отечественного постмодернизма (Е. Попов, М. Харитонов, М. Шишкин, В. Сорокин, В. Пелевин). Римейк сродни иконописи, основу которой составляют идеи, сюжеты и образы Священного Писания. Суть же римейка — «игра с чужим словом», художественно-философская «переделка» какого-либо феномена мирового искусства. В данном случае — чеховской «Чайки». Даже не «Чайки», а, скорее, основного массива драматургии Чехова, ибо каждый из героев «Вороны» выступает не современным двойником какого-нибудь чеховского персонажа, но персонифицирует один из созданных им образов.

Высокий историософский диалог с классикой наиболее талантливо ведут, кроме упомянутого А. Уткина, Е. Водолазкин, П. Басинский, А. Дмитриев, С. Солоух, П. Алешковский, недавно ушедший В. Шаров, пытавшийся интерпрети-

ровать в своих романах старую боль-проблему Достоевского о трагедии встречи нашего понимания христианства и нашего понимания революции. Классика в них опровергается как раз через отказ падшему человеку в идее возрождения, а также в апологетике мотива омертвления души, что является одним из эффектных способов критики современного человека, связанной нередко, как и у Гоголя, с властью вещи над человеком, со свойством вещи подчинить себе его и, таким образом, «обмелить чувства».

Заканчивая, вынуждены констатировать, что рандеву с классикой у иных авторов напоминает сведение счетов, как, скажем, в романе Б. Акунина «Герой иного времени» — изощренной мистификации на классический роман Лермонтова. Или у М. Кучерской в романе «Тетя Мотя», героиня которого сюжетом судьбы напоминает Анну Каренину, но ее финала избегает благодаря «интуиции длящегося существования» (А. Татаринов), а если попросту — столь легко и повсеместно устраиваемой ныне образованным человеком сделкой с Богом.

3. О русскоязычной литературе

Возвратимся к русскоязычной литературе, о которой шла речь в первой части статьи. Возникшая в середине XIX века преимущественно на периферии метрополии, представленная младописьменными культурами, она явила собой реальную возможность для многих народов России включиться в европейскую историю. Исторически предопределен был и выбор образца — им стала русская классика, в первую очередь творчество тех авторов, которых мы привыкли называть гражданскими поэтами. С конца того же столетия возрастает и долго доминирует интерес к наследию Гоголя, Достоевского, Щедрина, Лескова, чуть позже — Чехова и Горького. Собственно способ и выражение этнического субстрата в ней со временем заметно менялись — от прерогативы внешней темы и материала до формирования особого творческого алгоритма и отображения национального мировосприятия. Однако в любом случае сам феномен русскоязычных литератур, историю любой из которых невозможно

представить без благодатного воздействия русского классического канона, — это подтверждение культурной значимости его художественной уникальности и истинного, не подверженного конъюнктурным идеологическим интерпретациям гуманизма. Благодаря ему самым неожиданным образом уже в наше время сформировались предпосылки для процветания невиданного прежде явления планетарного масштаба — литературы на русском языке, с одной из важнейших в ней компонентой — русскоязычной литературой.

Русскоязычная литература не имеет единого, устраивающего всех — писателей и ученых — определения. Всегда с достаточной осторожностью используем это словосочетание, срabатывает сопротивление где-то на подсознательном уровне, ибо, будучи нисколько не против понятий «англоязычная», «немецкоязычная», «франкоязычная», у нас вот с этим — «русскоязычная» — что-то внутри отказывается соглашаться. Само слово имеет такое количество коннотаций, что каждый раз приходится уточнять, что имеется в виду [9; 10].

В этой литературе надо выделить внушительный пласт произведений, авторы которых представляют различные северокавказские народы. Это дагестанцы Р. Гаджиев, М. Ахмедова, А. Ганиева, осетины А. Черчесов, А. Габуев, И. Булматы, Т. Тадтаев, кабардинцы А. Макоев, Т. Адыгов, З. Канукова, адыгеец Н. Куек, чеченцы К. Ибрагимов, А. Умарова, Г. Садулаев, балкарцы Б. Чипчиков, Ю. Болатов и еще многие другие, с которыми, согласно П. Бурдьё, уже много лет находимся в одном «поле литературы».

О феномене русскоязычия как эстетическом явлении сегодня много размышляют ученые Северного Кавказа. Особенно глубоко и концептуально он изучен в монографии И. С. Хугаева «Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы» (2008), в статьях М. Панеша и А. Кукуевой, интересно интерпретируется в последнее десятилетие на «круглых столах» в редакциях «толстых» журналов.

Несмотря на огромный разброс мнений — от провозглашения этой литературы символом культуры XXI века до полного неприятия адеп-

тами национальной самобытности, — большинство специалистов сходятся, во-первых, на ее двойственной — транслингвальной — природе, во-вторых, на наличии в ней этнического субстрата, представляющего культурно-фонтовую информацию, и, в-третьих, на осознании общих истоков разных видов русскоязычной литературы, исторически обусловленных и не исчезающих (лишь трансформирующихся) во времени, ибо в отношении литературного творчества условие «язык владеет человеком» остается аксиоматичным.

Русскоязычную литературу необходимо рассматривать не только в качестве одной из важнейших скреп в модели нашего будущего совместного существования, в рамках одной общей для нас российской идентичности. Ее надо читать столь же страстно и внимательно, как когда-то мы читали дорогую нам классику; к ней — мы обращаемся здесь к школьным учителям литературы — специально надо приучать наших детей [13; 14].

Давно назрела необходимость появления современного произведения, где была бы лаконично и в то же время убедительно, прежде всего, для молодого читателя — российского школьника, передана полифония религиозного ренессанса, переживаемого в стране (нельзя же о нем судить только по фильму «Ученик», достаточно прямолинейному и даже дидактичному). И вот случилось — небольшой рассказ Билана Дзугаева «Руми», в котором изображены четыре коммуникативные модели, возникающие во время проповеди в мечети. Этот рассказ и некоторые другие в русскоязычной прозе Северного Кавказа надо решительно вносить в программу школьного чтения, что гораздо полезнее существующих ныне длиннющих списков произведений для летнего чтения.

Или поразительный для нашего времени рассказ Бориса Бицоева «Как мы выиграли войну». Это поистине шедевр сатирической прозы на этнокультурном материале, это такая сильно утрированная картина окружающего общества, с которой можно соглашаться или нет, но это в любом случае смех над самим собой, взгляд на самих себя, и способность на такой критичный взгляд украшает любой народ.

Большинство авторов русскоязычной литературы убеждены в том, что погружение в другой языковой космос, в данном случае — русский, есть абсолютно естественное для художника стремление полнее выразить богатство и разнообразие окружающей «реальности, превосходящей изобразительные возможности любого отдельно взятого языка» [9: 54]. В российском контексте этот культурный феномен тем более представляется естественным и где-то предсказуемым благодаря исторически сложившемуся статусу русского языка, поликонфессиональностью говорящих на нем издавна народов и вектором действия российской культуры, издревле направленным вовне.

Современная русскоязычная литература оказалась весьма значительным фактором притяжения «миллионов людей разных национальностей, конфессий, идеологий по всему миру» [Там же: 56]. При отсутствии четко выверенной национальной идеи сближение центра и периферии у нас в стране обязано русскоязычию, которое на уровне прагматики выполняет миссию так и не сформированной до сих пор идеологии. Кроме того, «она представляет собой невиданную прежде форму межкультурной интеграции, способную на новом витке исторического развития взять на себя роль центробежного механизма, способствующего нашему стремлению стать ближе и понятнее друг другу» [Там же].

Нам еще предстоит осмыслить всю глубину и масштабность встающей перед русским языком новой исторической задачи, которая непременно будет решена благодаря присущей нашему языку «цветущей сложности», единственной, по Константину Леонтьеву, способной спасти мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губайловский В. Книжная полка Владимира Губайловского: О книге Вадима Муратханова «Ветвящееся лето» // Новый мир. 2008. № 4. С. 201–207.

2. Кукуева А. А., Шульженко В. И. Евразийские грани творчества Ф. М. Достоевского и современная российская литература. К постановке проблемы евразийского текста // Известия Дагестанского гос. пед. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3. С. 56–60.

3. Поэты в Нью-Йорке. О городе, языке, диаспоре / Сост. Я. Клоц. М., 2016.

4. Сумская М. Ю. Российская эмиграция в Европе: проблемы правовой, социально-экономической и культурной адаптации в 20–30-х гг. XX века: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2007.

5. Сумская М. Ю., Головченко И. Ф. «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя как источник медийных и геокультурных проектов // Вестн. Пятигорского гос. лингвистич. ун-та. 2013. № 4. С. 167–170.

6. Татаринцов А. В. Пути новейшей русской прозы. М., 2015.

7. Глостанова М. В. Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1. С. 238–251. URL <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/tlost.html>

8. Шульженко В. И. Литература народов Кавказа на русском языке: смена статуса // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Матер. первой Междунар. научно-практич. конф. Краснодар, 2015. С. 210–213.

9. Шульженко В. И. Русскоязычная литература как феномен межкультурной коммуникации // Университетские чтения — 2015: Матер. научно-методич. чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2015. С. 51–58.

10. Шульженко В. И. Русскоязычные писатели и «кавказский текст» русской литературы: проблемы межкультурной интеграции // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 (14). С. 189–193.

11. Шульженко В. И. Ф. М. Достоевский как предтеча евразийской литературы // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: матер. Междунар. научно-практич. конф. / Под ред. Р. Р. Замалетдинова, Т. Г. Бочиной, Е. А. Горобец. Казань, 2016. С. 421–423.

12. Шульженко В. И., Сумская М. Ю. Современная литературоведческая русистика: евразийские корреляции «кавказского текста» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 1077–1082.

13. Шульженко В. И., Сумская М. Ю. Лермонтов в современной школе: проблемы чтения и восприятия // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Матер. XIII конгресса МАПРЯЛ: В 15 т. СПб., 2015. Т. 15. С. 139–144.

14. Шульженко В. И., Сумская М. Ю. Модусы художественности и типы чтения в алгоритме литературного образования школьников // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук: теоретические и прикладные аспекты: Сб. науч. матер. по итогам междунар. научно-практич. конф. Орехово-Зуево, 2017. С. 204–206.

15. Шульженко В. И., Сумская М. Ю. Страницы «неофициальной» войны в «кавказском тексте» русской литературы // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: Сб. матер. всероссийской научно-практич. конф. Ставрополь, 2015. С. 79–84.

REFERENCES

1. Gubailovskii V. (2008) Knizhnaia polka Vladimira Gubailovskogo: O knige Vadima Muratkhanova «Vetviashcheesia leto» [Vladimir Gubailovsky's bookshelf: About the book by

Vadim Muratkhanov "The branching summer"]. *Novyi mir [The New World]*, no. 4, pp. 201–207. (in Russian)

2. Kukueva A. A., Shul'zhenko V. I. (2017) Evrazijskie grani tvorcestva F. M. Dostoevskogo i sovremennaja rossijskaia literatura. K postanovke problemy evrazijskogo teksta [Euroasian sides of creativity of F. M. Dostoyevsky and modern Russian literature. To statement of a problem of the Euroasian text]. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki [The News of the Dagestan State Pedagogical University. Public and Humanities]*, vol. 11, no. 3, pp. 56–60. (in Russian)

3. Klots Ia., comp. (2016) *Poety v N'iu-Iorke. O gorode, iazyke, diaspore [About the city, language, diaspora]*. Moscow. (in Russian)

4. Sumskaia M. Iu. (2007) *Rossiiskaia emigratsiia v Evrope: problemy pravovoi, sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi adaptatsii v 20–30-kh gg. XX veka [The Russian emigration in Europe: problems of legal, social and economic and cultural adaptation in the 20–30th of the 20th century]* (Candidate's thesis, History), Pyatigorsk State Technological University, Pyatigorsk. (in Russian)

5. Sumskaia M. Iu., Golovchenko I. F. (2013) «Zapiski sumasshedshego» N. V. Gogolia kak istochnik mediinykh i geokul'turnykh proektov ["Madman's notes" of N. V. Gogol as source of media and geocultural projects]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University]*, no. 4, pp. 167–170. (in Russian)

6. Tatarinov A. V. (2015) *Puta noveishei russkoi prozy [The Ways of the latest Russian prose]*. Moscow. (in Russian)

7. Tlostanova M. V. (2003) *Era Agasfera, ili Kak sdelat' chitatelei menee shchastlivymi [The era of the wandering Jew, or How to make readers less happy]*. *Inostrannaia literatura [The Foreign Literature]*, no. 1, pp. 238–251. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/tlost.html> (accessed 01.10.2018) (in Russian)

8. Shul'zhenko V. I. (2015) *Literatura narodov Kavkaza na russkom iazyke: smena statusa [Literature of the people of the Caucasus in Russian: Change of the status]*. Proceedings of the 1st International conference "Nasledie Iu. I. Selezneva i aktualnye problemy zhurnalistik, kritiki, literaturovedeniia, istorii" [Yu. I. Seleznev's Heritage and Current Problems of Journalism, Criticism, Literary Criticism, History] (Krasnodar), pp. 210–213. (in Russian)

9. Shul'zhenko V. I. (2015) *Russkoiazychnaia literatura kak fenomen mezhkul'turnoi kommunikatsii [Russian-speaking literature as phenomenon of cross-cultural communication]*. Proceedings of the conference "Universitetskie chteniia — 2015" [University readings — 2015] (Russia, Pyatigorsk, 13–14.01.2015). Pyatigorsk, pp. 51–58. (in Russian)

10. Shul'zhenko V. I. (2015) *Russkoiazychnye pisateli i «kavkazskii tekst» russkoi literatury: problemy mezhkul'turnoi integratsii [Russian-speaking writers and "The Caucasian text" of the Russian literature: problems of cross-cultural integration]*. *Russkii iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [The Russian and cross-cultural communication]*, no. 1 (14), pp. 189–193. (in Russian)

11. Shul'zhenko V. I. (2016) *F. M. Dostoevskii kak predtecha evrazijskoi literatury [F. M. Dostoyevsky as forerunner of the Euroasian literature]*. Proceedings of the International scientific and practical conference "Russkii iazyk i literatura v tiurkoiazychnom mire: sovremennye kontseptsii i tekhnologii" [Russian and literature in the turkic-speaking world: modern concepts and technologies] (Russia, Kazan, 4–6.10.2016) (eds. R. R. Zamaletdinov, T. G. Bochina, E. A. Gorobets). Kazan, pp. 421–423. (in Russian)

12. Shul'zhenko V. I., Sumskaia M. Iu. (2016) *Sovremenniaia literaturovedcheskaia rusistika: evrazijskie korreliatsii «kavkazskogo teksta» [Modern Literary Russian Philology: Euroasian Correlations of "The Caucasian Text"]*. *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii [Dynamics of language and cultural processes in modern Russia]*, no. 5, pp. 1077–1082. (in Russian)

13. Shul'zhenko V. I., Sumskaia M. Iu. (2015) *Lermontov v sovremennoi shkole: problemy chteniia i vospriiatia [Lermontov at Modern School: Problems of Reading and Perception]*. Proceedings of the 13th Congress of MAPRYAL "Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury" [Russian and Literature in Space of World Culture] (Spain, Granada, 13–20.09.2015), in 15 vols., vol. 15. St. Petersburg, pp. 139–144. (in Russian)

14. Shul'zhenko V. I., Sumskaia M. Iu. (2017) *Modusy khudozhestvennosti i tipy chteniia v algoritme literaturnogo obrazovaniia shkol'nikov [Modes of artistry and types of reading in an algorithm of literary education of school students]*. Proceedings of the Conference "Aktualnye problemy prepodavaniia gumanitarnykh nauk: teoreticheskie i prikladnye aspekty" [Current problems of teaching humanities: theoretical and applied aspects]. Orekhovo-Zuevo, pp. 204–206. (in Russian)

15. Shul'zhenko V. I., Sumskaia M. Iu. (2015) *Stranitsy «neofitsial'noi» voiny v «kavkazskom tekste» russkoi literatury [Pages of "informal" war in "the Caucasian text" of the Russian literature]*. Proceedings of the Conference "XII Surguchevskie chteniia. Literatura i zhurnalistika v plameni voiny: ot Pervoi mirovoi do Velikoi Pobedy" [Literature and journalism in a war flame: from World War I prior to the Great Victory] (Russia, Stavropol, 27–28.02.2015), pp. 79–84. (in Russian)

[хроника]

ЛЕКТОРИЙ МАПРЯЛ «ДОЛГ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ВРЕМЯ»

(Начало на с. 69)

«Голомяное пламя» Д. Новикова), а также о творчестве ярких российских поэтов — О. Чухонцева, И. Ермаковой, М. Амелина.

Серию лекций, объединенных понятием ответственности в русской литературе, специально для проекта МАПРЯЛ подготовил профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, литературный критик, писатель, переводчик, доктор филологических наук А. Д. Степанов. В центре внимания этой серии лекций — ответственность и безответственность в постмодернистских текстах В. Пелевина и В. Сорокина, собирательный образ русского интеллигента, сверхчеловека и японского индзя в детективах Б. Акунина, напряженности экзистенциальных ситуаций в художественном пространстве З. Прилепина, столкновение культур и цивилизаций в романах А. Иванова.

Систему взглядов на категорию времени в русской литературе в своих лекциях наглядно представил профессор кафедры истории русской

литературы XX века Московского государственного университета, автор романа «Миусская площадь», доктор филологических наук М. М. Голубков. Необратимость времени и солидарность поколений, константы русской истории и предел постмодернистского мировоззрения, разрушение нравственных начал и внимание к красоте — эти и другие вопросы были раскрыты им на материале произведений Ю. Полякова, Р. Сенчина, Е. Гришковца, Е. Водолазкина, А. Кима, Т. Толстой, А. Варламова, Г. Яхиной.

За 3 месяца реализации проекта «Долг, ответственность, время...» онлайн-лекции успели посмотреть более 76 000 пользователей. Лекции представлены в открытом доступе на официальной странице МАПРЯЛ в Youtube:

https://www.youtube.com/channel/UCtiiz_YgWvAsk-TDzge15TQ/videos

В ближайших планах МАПРЯЛ — подготовка новых циклов лекций, посвященных современной литературе регионов России.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ЛИРИКА Л. Н. АНДЕРСЕН В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

OLGA S. LALETINA, FU TIANQI
MATTERS OF METHODOLOGY TO STUDY WORKS
BY RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY IMMIGRANTS TO THE EAST:
LYRICS BY LARISSA ANDERSEN AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

В статье ставится вопрос о перспективах системного анализа поэтических текстов для изучения форм рецепции зарубежной культуры русскими эмигрантами. Исследование автобиографический миф Л. Н. Андерсен (1911–2012), показано, что в его формировании ключевую роль играет актуализация связей лирики поэтессы с культурными традициями России, Востока и Запада.

Ключевые слова: история русской поэзии; поэзия русской эмиграции; поэтика; методология литературоведения.

The article poses a question of the perspectives of systematic analysis for studying the forms of foreign cultures' reception by Russian émigré writers. By exploring the autobiographical myth of Larissa N. Andersen (1911–2012), the authors demonstrate, that the key role in its formation was played by the actualization of the connections between Andersen's poetry and the cultural traditions of Russia, East and West.

Keywords: history of Russian poetry; Russian émigré poetry; poetics; methodology of literary studies.

Ольга Сергеевна Лалетина

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры
истории русской литературы
Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
▶ olalet@mail.ru

Фу Тяньци

Магистр филологии, переводчик
Фэйду международная логистика
г. Вэньчжоу, КНР
▶ 1183656447@qq.com

Olga S. Laletina

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Fu Tianqi

Feidu international logistic
Wenzhou, P. R. China

Вопрос о влиянии национальных культурных традиций на формирование индивидуальных художественных систем — один из наиболее обсуждаемых в современных филологических работах о творчестве русских эмигрантов. Максимум внимания в исследовании этого вопроса, как правило, уделяется двум аспектам: первый связан с установлением биографических фактов, свидетельствующих об интересе автора к той или иной традиции; второй — с выявлением тех композиционных элементов текстов, которые маркированы связями с разными историко-культурными контекстами. Функции выявленных элементов, логика их отбора и комбинации в рамках индивидуальных поэтических систем исследованы слабее. В статье перспективы системного анализа текстов для изучения особенностей рецепции зарубежной культуры писателями-эмигрантами рассматриваются на материале лирики Л. Н. Андерсен (1911–2012). Она родилась в России, с 1922 по 1956 год жила в Китае, затем почти 15 лет провела в юго-восточной Азии и Африке, с 1970 года поселилась во Франции. Современники справедливо относили Андерсен

к числу наиболее талантливых представителей своего поколения. Она была знаменита как поэтесса, танцовщица, художник и постановщик. Первый сборник Андерсен «По земным лугам» был опубликован в 1940 году в Китае [2]; вторая книга — «Одна на мосту» — вышла в 2006 году в России; помимо стихов, прозы и писем Андерсен это издание содержит статьи современных критиков, которые развивают идеи об исключительном обаянии личности Андерсен и оригинальности ее лирики [1].

Однако научное исследование творчества поэтессы по существу только начато. Как справедливо отметили А. А. Забияко и Г. В. Эфендиева в предисловии к сборнику научных статей «Русский Харбин», опубликованному в 2009 году и посвященному 95-летию Андерсен, «мифология загадочной красоты харбинской Музы заслонила на долгие годы ее поэтическое творчество» [8: 8]. Действительно, ни одна из известных нам литературоведческих работ, в которых рассматривается лирика Андерсен, не претендует на полноту охвата материала и системность его описания: исследователи намечают перспективы для дальнейшего анализа поэтики Андерсен, фактически оставляя его делом будущего (см.: [4; 6; 7; и др.]).

В аспекте межкультурной коммуникации лирика Андерсен специально не рассматривалась. Между тем именно форма творческого восприятия различных культурных традиций, с которыми Андерсен неизбежно сталкивалась, переезжая из одной страны в другую, с нашей точки зрения, и определяет уникальность лирической системы поэтессы. Она смогла найти путь разрешения внутреннего конфликта эмигранта, который остро ощущает свою принадлежность к миру русской культуры, однако лишен возможности вернуться в Россию и вынужден искать *свое* место в историко-культурных контекстах зарубежья. Творческие искания Андерсен в этой области были связаны с разработкой идей жизнотворчества. Структурной платформой для них стали жизнотворческие программы русских модернистов — А. А. Блока, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой и мн. др. Как и у поэтов Серебряного века, ключевую роль в формировании автобиографического

мифа Андерсен играет актуализация связей собственных «текстов жизни» и «текстов искусства» с мифологией, фольклором, литературой, историей России, Востока и Запада. Наиболее полно автобиографический миф Андерсен воплощен в поэтическом творчестве¹. Исследователи не раз писали о том, что сборники Андерсен имеют биографическую основу и выстроены как лирические дневники (см., напр.: [6: 112]). Между тем важнее подчеркнуть, что каждый жизненный факт, факт «быта» в лирике Андерсен переосмыслен в соответствии с творческой концепцией собственной личности и судьбы. Главную роль в формировании автобиографического мифа играет лирическая героиня. Последовательно выстраивая ее образ, Андерсен использует целый ряд фактов собственной биографии: имя («Ларисса» означает «чайка»); место рождения (Хабаровск, стоящий на Амуре); фамилию, имеющую скандинавское происхождение и напоминающую о Г.-Х. Андерсене; детали внешности (голубые глаза, темные вьющиеся волосы); особенности характера и поведенческого рисунка (увлечение танцами, занятие литературным творчеством) и т. д.²

В то же время образ героини соотношен с разными культурными контекстами, прочитан через ряд культурных «кодов». Лирические книги Андерсен последовательно разворачивают сюжет о духовном пути героини. Названия сборников и составляющих их циклов акцентируют внимание на пространственно-временных характеристиках: в сборнике «Одна на мосту» стихотворные тексты собраны в разделе «Из Китая — по миру», включающем циклы «По земным лугам», «Без России», «Чужие моря», «Из французского альбома», «Печальное вино». В основе сюжета сборника лежит перемещение героини с Востока на Запад; движению в пространстве соответствует течение линейного времени, поскольку циклы последовательно повествуют об этапах личной биографии Андерсен.

Вместе с тем все изображаемые ситуации поняты в своих глубинных мифологических основаниях, соотношены с различными культурными контекстами по принципу варианта и инварианта. Мир предстает в лирике Андерсен текстом,

который должен быть дешифрован. Носителем особого знания о мире является героиня: именно она наделена способностью постигать истинный смысл событий — и самих фактов реального мира, и фактов языка — слов, которыми этот мир описан. В рамках статьи ограничимся лишь несколькими примерами. Для формирования образа героини особенно значима актуализация представлений о русалке — и архаических фольклорно-мифологических, и литературных. Русалочьи черты в образе героини подчеркнуты многократно: она обладает магической силой, олицетворяет водную стихию и одновременно близка стихии земной (цветам, деревьям, травам), ощущает таинственную связь с луной, наиболее активна в периоды вегетации, способна к оборотничеству:

Распахну я калитку и в белом
Белой птицей взметнусь на утес,
Чтоб вдали твое сердце запело
И согрелось от радостных слез...
(«Парус» (58));

Мы тихонечко в мартовском ветре качаемся
И простую зеленую песню поем...
(«Мы плетем кружева» (121));

Шелестели пальмы в тишине —
Мне казалось, совещались обо мне.
И прибой мне не давал покоя:
Колдовал, нашептывал такое,
Словно я должна идти, идти, идти,
По воде, по лунному пути...
(«Колдовство» (144));

Была весна. И мир был нов,
И кровь бродила в жилах,
И я, колдунья, силой слов
Тебя приворожила...
(«Была весна. И мир был нов...» (189));

От песка этих кос позолота,
И от волн синева этих глаз.
Говорят, на спине кашалота
Приплыла я в полуденный час...
(«Я еще не изведала горя...» (193)).

Символическое значение этого комплекса мотивов усложняется благодаря апелляции к разным культурным контекстам — как русским, так и зарубежным. В частности, «кодом» для прочтения стихотворения «Нарцисс» является

китайская фольклорно-мифологическая традиция. Ситуация, положенная в основу сюжета, довольно проста: в центре внимания находятся два женских образа — автобиографическая героиня Ларисса³ и ее подруга, китайянка Шу-хой; они сидят за столом и палочками едят рис. Напомним, что в китайской культуре символ риса играет столь же важную роль, что символ хлеба на Западе (см., напр.: [9: 465; 3: 223, 286–287]), поэтому совместная трапеза в стихотворении Андерсен предстает сакральным действием, имеющим символический смысл духовного единения людей. Имя «Ларисса» соотнесено не только с именем «Шу-хой» («舒华»), но и с созвучным ему китайским названием нарцисса «Шуй-сен хуа» («水仙花»). Дополнительно эквивалентность трех указанных слов подчеркнута тем, что они поставлены на «сильные» началь-ные и финальные позиции строк:

Моей маленькой подруге Шу-хой

Шуй-сен хуа — цветок нарцисса.
Это значит — водяная нимфа.
Одинокий, молчаливый символ,
Знак вниманья? Или же каприза?
Ждет любезно рядом с чашкой риса.
Шуй-сен хуа — цветок нарцисса...

Тонкой струйкой вьется запах сладкий,
Словно чье-то вкрадчивое пенье,
Уводя меня в туман загадки
По мерцающим во тьме ступеням,
Где поет, колдуя, запах сладкий...

Словно стебли, ваши пальцы гибки...
По атласу платья бродят сказки,
Тлеют перламутровые краски,
Плавают серебряные рыбки
Меж стеблей, как ваши пальцы, гибких...

Легкий смех развеял сон — Ла-ли-сса!
Мне кивает гладкая головка,
Пальцы вертят палочками ловко.
Предо мною стынет чашка риса,
Ждет загадочный цветок нарцисса — Шуй-сен хуа. (55).

Ключом ко всему стихотворению становится многозначный иероглиф «Шуй-сен хуа», которым обозначается и нарцисс, и богиня, связанная с водной стихией. Значение иероглифа определяет образный ряд текста: в китайской традиции нарцисс символизирует счастье, бессмертие, дружбу,

а также выступает цветком богини чистоты (см., напр.: [9: 899; 3: 176]), поэтому отождествление девушки с нарциссом свидетельствует о красоте и чистоте ее души; далее символический смысл усложняется, китаянка предстает символом растительного мира и водной стихии.

Следует подчеркнуть, что сложности организации сюжета в «Нарциссе» соответствует изысканность композиции стиха. В каждой строфе присутствуют кольцевые повторы, связывающие первую и последнюю строки. Однако, по мере развертывания текста, параллельно с открытием новых смыслов имени Шу-хой, точность повторов постепенно ослабевает: в первой строфе дублируются целые строки, в последней — лишь последние звуки финальных слов.

Вместе с тем завершение лирического сюжета отмечено повтором слов первой строки, переставленных в соответствии с принципом зеркальной симметрии, благодаря чему на лексическом уровне формируется кольцо стихотворения. Возврат к началу происходит и на уровне метрики. «Нарцисс» написан 5-стопным хореем, но в тексте встречаются единичные ямбические стихи, в расположении которых прослеживается определенная логика: в начальной строфе 4-стопный ямб использован в первой и последней строках (создается кольцо строфы); кроме того, последняя строка стихотворения решена в 2-стопном ямбе (формируется кольцо текста). Еще сложнее начало и финал «Нарцисса» соотношены на уровне строфики. Первую и последнюю строфы связывают повторы рифм. В той же функции использован повтор типа строфы. Стихотворение открывается 6-стишием, за которым следуют два 5-стишия; в последней строфе пять графических стихов, но шесть стихов ритмических (слово «Шуй-сен хуа» составляет отдельный ритмический стих). Иными словами, опознание тождества типов первой и последней строф становится загадкой, которую должен разгадать читатель, увидев за внешним несходством структурную близость. Дополнительной подсказкой в решении этой задачи становится следующий факт: все стихи «Нарцисса» рифмованы, последний — холостой, между тем «пара» к нему находится

в первом слове стихотворения. Акцентирование внимания на необходимости вернуться к началу текста объясняется желанием подчеркнуть, что Шу-хой предстает в «Нарциссе» и реальной девушкой, и мифологическим существом, символизирующим силы природы, то есть двойником лирической героини. Таким образом, по ходу развития сюжета формируется ряд уподоблений: Шу-хой = Шуй-сен хуа = нарцисс = символ мира растений = воплощение водной стихии = Ларисса, выявляется близость центральных женских образов, их глубинное сущностное сходство.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что подобный эпизод встречается у Андерсен и в прозаическом описании поездки в Японию, где героиня знакомится с девушкой, которая находит имени Ларисса аналог в японском языке:

Она дотрагивается до своего кимоно, указывая на нежные цветы, напоминающие хризантему, и говорит: «Май нейм Кикуйо-сан <...>» Я догадываюсь и умиляюсь: «Кикуйо» — хризантема.

Я в свою очередь представляюсь: «Май нейм — Ларисса» — и рисую полоску моря и чайку над водой...

«О, хоросе... японски — камоне» <...>.

«Камонэ». Так японцы называют чайку. (289).

Столь же существенно, что в поэзии Андерсен невозможность слова, предмета, явления или события быть носителем символического смысла предопределяет его резко отрицательную оценку. Так, в стихотворении «Я березку вдруг захотела...» негативно характеризуется созвучие французского названия березы “bouleau” со словом “boulot”, заключающим в себе целый комплекс подчеркнуто «непоэтических» значений (толстяк, толстушка, батон, еда, служба, дело и т. д.):

Здесь береза — дров не дороже,

И еще зовут, как назло,

Грубым именем, так похожим

На жаргонный пошиб: було. (283).

Благодаря актуализации мифопоэтического начала Андерсен создала исключительно оригинальную поэтическую систему, которая обладает цельностью, но одновременно является принципиально открытой для творческой рецепции разных

мифологических, фольклорных, литературных, исторических, религиозных традиций. По приведенным примерам видно, что постижение внутренней формы слова, установление ее связи с сущностными характеристиками предмета, явления, события в текстах Андерсен изображается как обретение гармонии, упорядочение хаоса жизни. Слово имеет сакральный статус: структурирует пространство и гарантирует целостность времени. В процессе творчества пространство заполняется символами, которые обладают значимостью и значением, связаны друг с другом. Линейное биографическое и историческое время вписывается во временные циклы, благодаря чему восстанавливаются связи между историческими эпохами (вероятно, именно поэтому при составлении сборника «Одна на мосту» Андерсен отказалась от датировки стихотворных текстов: их локализация на оси исторического времени нерелевантна).

Способность поэтического слова преобразовать реальность телеологически обусловлена социокультурной функцией текстов Андерсен. Апелляция к традиции, неподвластной силе времени, позволяет преодолеть страх перед судьбой, найти способ интегрироваться в различные историко-культурные контексты, сохранив связь с русской культурой и не потеряв *своего* творческого голоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопрос о роли мифопоэтического начала в творчестве поэтов русского Харбина, в том числе, в лирике Андерсен, ранее был поставлен А. А. Забияко. С нашей точки зрения, тезис исследователя о том, что «говорить о неких целостных моделях, по которым харбинцы реализовывали в художественной форме свои ремифологические интенции, невозможно» [5: 14–15], требует пересмотра.

² Перечисленные факты упомянуты в целом ряде биографических, критических и научных статей об Андерсен, но никогда ранее не рассматривались в одном ряду как равнозначные составные части автобиографического мифа.

³ Имя дано в стихотворении в искаженном варианте «Лалисса»; очевидно, что Андерсен воспроизводит особенность русской речи китайцев, которые с трудом различают плавные «р» и «л».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсен Л. Н. Одна на мосту: стихотворения, воспоминания, письма. М., 2006.

2. Андерсен Л. Н. По земным лугам. Шанхай, 1940.
3. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
4. Бутильская Л. В. Лингвокультурное пространство поэзии Лариссы Андерсен // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40). С. 63–67.
5. Забияко А. А. Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2007.
6. Новикова А. А., Ипполитова Е. С. К вопросу о своеобразии лирики Лариссы Андерсен // Наука в современном информационном обществе. Норт-Чарлстон, 2017. С. 111–118.
7. Новикова А. А., Ипполитова Е. С. Творчество Лариссы Андерсен в литературной критике XX–XXI вв. // Literature and Art of the New Century: the Transformation process and the Continuity of Traditions. Prague, 2018. P. 10–18.
8. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Сб. науч. работ, посв. 95-летию Л. Н. Андерсен. Благовещенск, 2009.
9. Чэнь Цзяньхуа. Китайский большой культурно-символический словарь. Пекин, 1990. (中国文化象征大辞典; на китайском языке)

REFERENCES

1. Andersen L. N. (2006) *Oдна на мосту: stikhtvoreniiia, vospominaniia, pi's'ma* [Alone on the bridge: poems, memories, letters]. Moscow. (in Russian)
2. Andersen L. N. (1940) *Po zemnym lugam* [By earthly meadows]. Shanghai. (in Russian)
3. Bidermann G. (1996) *Entsiclopediia simbolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow. (in Russian)
4. Butyl'skaia L. V. (2014) *Lingvokul'turnoe prostranstvo poesii Larissy Andersen* [Linguocultural space of Larissa Andersen's poetry]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], no. 4 (40), pp. 63–67. (in Russian)
5. Zabiako A. A. (2007) *Lirika "Kharbinskoi noty": kul'turnoe prostranstvo, khudozhestvennye kontsepty, versifikatsionnaia poetika* [Lyrics of "Harbin note": cultural space, artistic concepts, versification poetics] (Extended abstract of Doctor's thesis, Philology), Amur State University, Moscow. (in Russian)
6. Novikova A. A., Ippolitova Ie. S. (2017) *K voprosu o svoeobrazii liriki Larissy Andersen* [On the Question of the Originality of Larissa Andersen's Lyrics]. In: *Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve* [Science in the modern information society]. North Charleston, pp. 111–118. (in Russian)
7. Novikova A. A., Ippolitova Ie. S. (2018) *Tvorchestvo Larissy Andersen v literaturnoi kritike XX–XXI vv.* [Larissa Andersen's work in literary criticism of 20th–21st centuries]. In: *Literature and art of the new century: the transformation process and the continuity of traditions*. Prague, pp. 10–18. (in Russian)
8. Russkii Kharbin, zapechatlennyi v slove [Russian Harbin, Imprinted in the Word] (2009), iss. 3. *Sb. nauch. rabot, posv. 95-letiiu L. N. Andersen* [Collection of Scientific Works Dedicated to the 95th Larissa N. Andersen's Anniversary]. Blagoveshchensk. (in Russian)
9. Chen Jianhua (1990) *Kitaiskii bol'shoi kulturno-simvolicheskii slovar'* [Chinese Large Cultural-Symbolic Dictionary]. (1990) Beijing. (中国文化象征大辞典; in Chinese)

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОГОВ НА ПЕРВОМ УРОВНЕ ОБЩЕГО ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ. СТАТЬЯ 1. ТРЕБОВАНИЯ

EKATERINA N. VINOGRADOVA, LIUBOV P. KLOBUKOVA
SOME LINGUODIDACTIC PROBLEMS OF PREPOSITIONAL DESCRIPTION
ON B1 LEVEL (COMMON LANGUAGE) OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.
ARTICLE 1. THE REQUIREMENTS

**Екатерина Николаевна
Виноградова**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся
гуманитарных факультетов

► ekaterinavin@mail.ru

**Любовь Павловна
Клобукова**

Доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского
языка для иностранных учащихся
гуманитарных факультетов

► klobukov@list.ru

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

**Ekaterina N. Vinogradova,
Liubov P. Klobukova**

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

В статье анализируются лингвометодические трудности, возникающие при отборе лексико-семантических вариантов (ЛСВ) предлогов, включаемых в содержание обучения на Первом сертификационном уровне общего владения русским языком как иностранным (РКИ), а также вопросы их презентации в таком важном нормативно-методическом документе данного уровня, как Требования.

Ключевые слова: предлог; ЛСВ; Первый уровень общего владения РКИ; Требования.

The article elicits bottlenecks arising while selecting lexico-semantic variants of the prepositions to be included into B1 level (common language) teaching content alongside with some moot points of prepositional presentation in such an important standard methodical document of this level, as the Requirements.

Keywords: preposition; lexico-semantic variant; Russian as a foreign language tests (level B1); common language; Requirements.

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных проблемам отбора предлогов для включения их в нормативно-методические документы различных уровней Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному (системы ТРКИ) [2; 3; 4]. Как показал проведенный нами анализ, общее число предлогов, выделяемых в нормативных документах Базового уровня (БУ), составляет 23 единицы (или 26 с учетом разного управления предлогов **в, на, с**):

без + р. п., **в** + в. п., **в** + п. п., **во время** + р. п., **далеко от** + р. п., **до** + р. п., **за** + в. п.¹, **из** + р. п., **к** + д. п., **на** + в. п., **на** + п. п., **над** + т. п., **недалеко от** + р. п., **о** + п. п., **около** + р. п., **от** + р. п., **перед** + т. п., **по** + д. п., **под** + т. п., **после** + р. п., **рядом с** + р. п., **с** + р. п., **с** + т. п., **справа от** + р. п., **у** + р. п., **через** + в. п.

Кроме того, многие из них подлежат усвоению в нескольких лексико-семантических вариантах (ЛСВ).

Какие предлоги должны изучаться на Первом уровне общего владения русским языком как иностранным (ПУ)? Для ответа на этот во-

прос необходимо проанализировать следующие нормативно-методические документы данного уровня:

1. Требования по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль (далее — Требования) [11].
2. Программу по русскому языку для иностранных граждан. Первый уровень. Общее владение [9].
3. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение [8].

Данная статья посвящена анализу Требований. Результаты сопоставления двух других документов и общие выводы будут представлены в статье 2².

Требования

Как известно, Требования к ПУ состоят из двух частей:

1. Требования к ПУ общего владения (ОВ) русским языком как иностранным.
2. Требования к ПУ владения русским языком как иностранным. Профессиональный модуль (ПМ).

Проанализируем презентацию предлогов в обеих частях данного нормативно-методического документа.

Требования

к Первому уровню общего владения русским языком как иностранным

В Требованиях предлоги рассматриваются в двух разделах: «Имя существительное» и «Служебные части речи». В разделе «Служебные части речи» содержится открытый список единиц, однако дается ссылка на то, что полный перечень предлогов для данного уровня владения РКИ представлен в Программе и Лексическом минимуме [11: 16]. Эти документы будут описаны нами ниже, а сейчас остановимся на презентации предлогов в разделе «Имя существительное» Требований (табл. 1), где охарактеризованы основные значения падежей с предлогами и без предлогов.

Проведенный нами анализ изложенного выше материала показал, что по сравнению с БУ на Первом уровне общего владения РКИ появляется 13 новых предлогов:

благодаря + д. п., *вокруг* + р. п., *для* + р. п., *из-за* + р. п., *между* + т. п. и т. п., *мимо* + р. п., *напротив* + р. п., *не смотря на* + в. п., *от* + р. п. ... *до* + р. п., *посреди* + р. п., *при* + п. п., *с* + р. п. ... *до* + р. п., *слева от* + р. п.

Кроме того, на ПУ предполагается освоение инофоном и целого ряда новых значений предлогов:

- ‘определение предмета’ для *без* + р. п.,
- ‘средство передвижения’ и ‘определение’ для *в* + п. п.,
- ‘направление движения’ и ‘время достижения результата действия’ для *за* + в. п.,
- ‘местонахождение’ и ‘цель’ для *за* + т. п.,
- ‘время, срок действия’ для *на* + в. п.,
- ‘определение’ для *на* + п. п.,
- ‘причина’ и ‘лицо-отправитель’ для *от* + р. п.,
- ‘время регулярно повторяющегося действия’ для *по* + д. п.,
- ‘время действия’ для *с* + р. п.,
- ‘определение лица, предмета’ для *с* + т. п.

Обобщим проблемы, обнаруженные нами в ходе анализа предлогов, представленных в Требованиях ПУ.

1. Проблема иерархии значений. Подзначения, выделяемые в рамках более крупных значений, не всегда сводимы к ним, ср.: подзначение ‘расстояние от исходного пункта до конечного пункта’, выделяемое для предлога *от* + р. п. ... *до* + р. п. внутри значения ‘исходный пункт движения’.

2. Проблема указания на функционально-семантический класс слов. В Требованиях не последовательно представлена информация о функционально-семантических классах слов при разных предлогах. Так, при *в* + в. п. указано значение ‘время’ (часы, дни недели), а с какими функционально-семантическими классами слов употребляется в том же значении предлог *в* + п. п. не отмечено.

Требования

к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Профессиональный модуль

В ПМ языковой материал, касающийся предлогов, вполне обоснованно значительно расширен (табл. 2). Приращение обеспечивается производными отыменными предлогами, характерными для научного стиля и устной научной речи.

Таблица 1. Представление предлогов в разделе «Имя существительное» Требований ПУ³ (общее владение)

	Предлог	Значение	Примеры
1.	без + р. п.	Отсутствие предмета, лица	<i>Он вышел без зонта. Они приехали без детей.</i>
		Определение предмета	<i>Он любит чай без сахара.</i>
2.	благодаря + д. п.	Причина	<i>Благодаря помощи Игоря я быстро перевел текст.</i>
3.	в + в. п.	Направление движения	<i>Утром я езжу в институт.</i>
		Время (часы, дни недели)	<i>В субботу в 2 часа жду тебя в гости.</i>
	в + п. п.	Место	<i>Мы были в магазине и на рынке.</i>
		Время	<i>Друг приехал в сентябре, на прошлой неделе. В будущем году я поеду в Китай.</i>
		Средство передвижения ⁴	???
	Определение	<i>У киоска стояла девушка в синем костюме.</i>	
4.	во время + р. п.	Время действия	<i>Он пришел во время обеда.</i>
5.	вокруг + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Вокруг дома растут деревья.</i>
6.	далеко от + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Гостиница находится далеко от центра.</i>
7.	для + р. п.	Определение предмета	<i>На столе лежит альбом для рисования.</i>
8.	до + р. п.	Конечный пункт движения	<i>Как доехать до театра?</i>
		Время действия	<i>Он пришел до обеда.</i>
9.	за + в. п.	Направление движения	<i>Мы едем за город.</i>
		Время достижения результата действия	<i>Павел написал статью за день.</i>
	за + т. п.	Местонахождение	<i>Сад находится за домом.</i>
Цель		<i>Володя пошел за газетой.</i>	
10.	из + р. п.	Исходный пункт движения: место	<i>Мы приехали из Англии.</i>
11.	из-за + р. п.	Причина	<i>Из-за дождя мы не пошли гулять.</i>
12.	к + д. п.	Предмет, к которому направлено движение	<i>Машина подъехала к дому.</i>
		Лицо как цель движения	<i>Вечером мы пойдем к Нине.</i>
13.	между + т. п. ⁵	Местонахождение	<i>Магазин находится между домами.</i>
14.	мимо + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Мы едем мимо театра.</i>
15.	на + в. п.	Направление движения	<i>Ребята пошли на берег реки.</i>
		Время, срок действия	<i>Сестра уехала на неделю.</i>
	на + п. п.	Место	<i>Мы были в магазине и на рынке.</i>
		Время	<i>Друг приехал в сентябре, на прошлой неделе.</i>
		Средство передвижения	<i>Туристы едут на экскурсию на автобусе.</i>
	Определение	<i>У вас есть газета на английском языке?</i>	
16.	над + т. п.	Местонахождение	<i>Лампа над столом.</i>
17.	напротив + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Магазин находится напротив станции метро.</i>
18.	недалеко от + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Магазин находится недалеко от станции метро.</i>
19.	несмотря на + в. п.	Уступка	<i>Несмотря на дождь мы не ушли со стадиона.</i>
20.	о + п. п.	Объект мысли, речи	<i>Я часто думаю о семье.</i>
		Определение	<i>Я купил книгу о Москве.</i>
21.	около + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Магазин находится около станции метро.</i>

	Предлог	Значение	Примеры
22.	<i>от</i> + р. п.	Исходный пункт движения: лицо	<i>Бабушка пришла от врача.</i>
		Лицо-отправитель	<i>Марина получила письмо от брата.</i>
		Удаление от объекта, лица	<i>Машина отъехала от дома.</i>
		Причина	<i>Голова болит от шума.</i>
23.	<i>от</i> + р. п. ... <i>до</i> + р. п.	Исходный пункт движения: расстояние от исходного до конечного пункта ⁶	<i>От Москвы до Петербурга 650 километров.</i>
24.	<i>перед</i> + т. п.	Местонахождение	<i>Цветы растут перед домом.</i>
		Время действия	<i>Перед обедом я пойду в магазин.</i>
25.	<i>по</i> + д. п.	Место движения лица, предмета	<i>Я иду по парку. Машина едет по проспекту.</i>
		Средство связи	<i>Я видел этот фильм по телевизору.</i>
		Определение	<i>Это учебник по математике.</i>
		Время регулярно повторяющегося действия	<i>По субботам я хожу в бассейн.</i>
26.	<i>под</i> + т. п.	Местонахождение	<i>Кошка сидит под столом.</i>
27.	<i>после</i> + р. п.	Время действия	<i>Он пришел после обеда.</i>
28.	<i>посреди</i> + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Посреди комнаты стоял большой стол.</i>
29.	<i>при</i> + п. п.	Время	<i>Академия наук была основана при Петре Первом.</i>
30.	<i>рядом с</i> + т. п.	Местонахождение	<i>Рядом с аптекой есть магазин.</i>
31.	<i>с</i> + р. п.	Исходный пункт движения: место	<i>Подруги пришли с концерта.</i>
		Время действия	<i>Магазин работает с 8 часов.</i>
	<i>с</i> + т. п.	Совместность	<i>Отец разговаривает с сыном.</i>
32.	<i>с</i> + р. п. ... <i>до</i> + р. п.	Определение лица, предмета	<i>Девушка с серыми глазами. Мы купили дачу с бассейном.</i>
			Время действия
33.	<i>слева от</i> + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Квартира находится слева от лифта.</i>
34.	<i>справа от</i> + р. п.	Место, местонахождение предмета, лица	<i>Квартира находится справа от лифта.</i>
35.	<i>у</i> + р. п.	Лицо, которому принадлежит что-либо, у которого есть что-либо	<i>У Андрея есть машина.</i>
		Место, местонахождение предмета, лица	<i>Магазин находится у станции метро. Дедушка был у врача.</i>
36.	<i>через</i> + в. п.	Направление движения	<i>Здесь нельзя переходить через дорогу.</i>
		Временной интервал между событиями	<i>Банк откроется через час.</i>

В результате анализа материала, представленного в таблице 2, нами был обнаружен целый ряд проблем.

1. Проблема преемственности описания материалов общего владения и профессионального модуля. По мысли авторов Требований ПУ, «языковая компетенция учащегося складывается из владения основами общелитературного языка и языковым материалом, характерным

для учебно-профессиональной сферы общения» [11: 23]. В соответствии с этим тезисом, материал, содержащийся во второй части Требований (Профессиональный модуль), должен дополнять материал, актуальный для ПУ общего владения РКИ, а не дублировать его. Однако в профессиональном модуле, к сожалению, обнаруживаются повторения отдельных предлогов из материалов ОВ: **благодаря** + д. п., **вокруг** + р. п., **между**

Таблица 2. Представление предлогов в разделе «Имя существительное» Требований ПУ⁷
(профессиональный модуль)

	Предлог	Значение
1.	<i>без</i> + р. п.	Отсутствие признака, свойства
2.	<i>благодаря</i> + д. п.	Причина
3.	<i>вдоль</i> + р. п.	Место движения одного предмета по отношению к другому
4.	<i>вне</i> + р. п.	Местонахождение предмета
5.	<i>внутри</i> + р. п.	Местонахождение предмета
6.	<i>вокруг</i> + р. п.	Местонахождение предмета
7.	<i>впереди</i> + р. п.	Местонахождение предмета
8.	<i>вследствие</i> + р. п.	Причина
9.	<i>в зависимости от</i> + р. п.	Связь, взаимозависимость
10.	<i>в отличие от</i> + р. п.	Отличие
11.	<i>в процессе</i> + р. п.	Время
12.	<i>в результате</i> + р. п.	Причина
13.	<i>в связи с</i> + т. п.	Причина
14.	<i>в сравнении с</i> + т. п.	Сравнение
15.	<i>в течение</i> + р. п.	Время
16.	<i>в целях</i> + р. п.	Цель действия
17.	<i>для</i> + р. п.	Объект квалификации после краткой формы прилагательного: <i>характерен для, типичен для</i>
18.	<i>до</i> + р. п.	Доведение до предела: <i>до (кипения)</i>
19.	<i>за</i> + т. п.	Местонахождение
20.	<i>между</i> + т. п. <i>и</i> + т. п.	Местонахождение
21.	<i>на</i> + в. п.	Объект действия после глаголов: <i>влиять, воздействовать на</i>
22.	<i>несмотря на</i> + в. п.	Уступка
23.	<i>от</i> + р. п.	Причина
24.	<i>относительно</i> + р. п.	Место движения одного предмета по отношению к другому
25.	<i>перед</i> + т. п.	Местонахождение
26.	<i>по</i> + д. п.	Основание, повод: <i>по (закону Ньютона), по (цвету)</i> Способ действия: <i>(рассчитать) по (формуле)</i>
27.	<i>под</i> + т. п. ⁸	Условие: <i>под влиянием (творчества Байрона), под воздействием (кислоты)</i>
28.	<i>под влиянием</i> + р. п.	Причина
29.	<i>под действием</i> + р. п.	Причина
30.	<i>позади</i> + р. п.	Местонахождение предмета
31.	<i>по сравнению с</i> + т. п.	Сравнение
32.	<i>при</i> + п. п.	Время: <i>при феодализме</i>
33.		Условие: <i>при расширении, при нагревании, при повышении</i>
34.	<i>при помощи</i> + р. п.	Способ действия
35.	<i>против</i> + р. п.	Объект несогласия
36.		Направление движения
37.	<i>путем</i> + р. п.	Способ действия
38.	<i>с</i> + т. п.	Признак, характеристика: <i>газ с запахом</i>
		Условие: <i>с изменением условий</i>
39.	<i>с помощью</i> + р. п.	Способ действия
40.	<i>с целью</i> + р. п.	Цель действия
41.	<i>сквозь</i> + в. п.	Объект-препятствие
42.	<i>через</i> + в. п.	Объект-препятствие

+ т. п. и т. п., *несмотря на* + в. п., а также некоторых ЛСВ предлогов ('местонахождение' для *за* + т. п., 'причина' для *от* + р. п., 'местонахождение' для *перед* + т. п., 'время' для *при* + п. п.).

2. Проблема номенклатуры значений⁹.

В двух случаях формулировка значения одинаковых ЛСВ не совпадает в материалах ПМ и ОВ, ср.:

- для *без* + р. п. 'отсутствие предмета, лица' в ПУ ОВ (*Он вышел без зонта*) и 'отсутствие признака, свойства' в ПУ ПМ;
- для *с* + т. п. 'определение лица, предмета' ПУ ОВ (*Девушка с серыми глазами. Мы купили дачу с бассейном*) и 'признак, характеристика' в ПУ ПМ: (*газ с запахом*).

3. Проблема описания производных предлогов. На ПУ учащиеся должны усвоить целый ряд производных предлогов, которые неизменно вызывают споры среди ученых, ср.: [5; 1]. Например, является ли предлогом *без сопровождения* + р. п.¹⁰ или это лишь сочетание предлога *без* и формы р. п. существительного *сопровождение*? Другими словами, остро стоит проблема границы предлога и управляемого слова, что находит отражение и в Требованиях: в перечне предложных значений родительного падежа выделяется значение 'причина' и предлоги, его выражающие: *от, в результате, вследствие, под влиянием, под действием*. В списке предложных значений творительного падежа отмечается значение 'условие': *с изменением условий, под влиянием (творчества Байрона), под воздействием (кислоты)*.

4. Проблема описания мотивированного, немотивированного и обусловленного управления. Как известно, при описании предлогов эффективно пользоваться понятиями мотивированного, немотивированного и обусловленного управления [6; 7]. Данный принцип достаточно последовательно применяется в большинстве случаев в нормативно-методических документах системы ТРКИ, и в частности — документах ПУ. При таком подходе выделение отдельных ЛСВ имеет смысл только в случаях мотивированного управления (*в мае, в комнате, в горошек*). Обусловленное же управление проявляется лишь в составе конструкций (*Алексей весь в дедушку,*

Из золушек — в принцессы). Что же касается немотивированного управления, при котором форма зависимого слова задается управляющим словом, то такие случаи целесообразнее описывать при главном слове без экспликации значения предлога, например: *влюбиться в девушку, верить в победу*.

Однако в Требованиях ПУ в ряде случаев дается значение для немотивированного управления:

- *для* + р. п.: 'объект квалификации' после краткой формы прилагательного *характерен для, типичен для*;
- *до* + р. п.: 'доведение до предела': *до (кипения)*;
- *на* + в. п. 'объект действия' после глаголов: *влиять, воздействовать на*.

Выводы

Подытоживая результаты анализа языкового материала, изложенного в Требованиях, формулируем некоторые рекомендации, которые могут быть учтены авторами при последующих переизданиях данного нормативно-методического документа. На наш взгляд, целесообразно:

- 1) разработать единую номенклатуру значений (в случаях необходимости — с учетом иерархии);
- 2) привести в соответствие формулировки значений одних и тех же ЛСВ в разных частях документа;
- 3) последовательно указывать (или не указывать) функционально-семантический класс слов в релевантных случаях;
- 4) более системно проводить принцип дополнения (а не дублирования) языкового материала, представленного в разделе «Общее владение», в Профессиональном модуле;
- 5) более четко определить список и значение производных предлогов, подлежащих усвоению в рамках Профессионального модуля;
- 6) не формулировать значение предлога для случаев немотивированного управления;
- 7) исключить ЛСВ предлога *в* + п. п. 'средство передвижения', по-видимому, ошибочно введенный в Требованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напомним, что, как показано в [4], предлог *за* + в. п. не вполне корректно выделялся на БУ на основании вхождения в конструкцию *Спасибо за чай!*

² Публикация статьи 2 «Программа и Лексический минимум» запланирована в 1-м номере журнала «Мир русского слова» за 2019 год.

³ Предлоги, которые не представлены в нормативно-методических документах Базового уровня [4: 97], выделены темно-серым фоном; ЛСВ предлогов, отсутствующие в документах БУ, — светло-серым.

⁴ Традиционно значение 'средство передвижения' передается в русском языке с помощью конструкции **на** + п. п. Поскольку данное значение в Требованиях не проиллюстрировано примером, вызывает сомнение корректность его выделения.

⁵ Обращает на себя внимание непоследовательность в презентации данного предлога в нормативно-методических документах ПУ. В Требованиях и в [8] представлен только предлог **между** + т. п. (*Почта находится между домами*), а в [9] только предлог **между** + т. п. **и** + т. п. (*Почта находится между домом и магазином*). Решение вопроса о том, являются ли они вариантами одного предлога или разными предлогами, не входит в задачи данной статьи, однако, на наш взгляд, в нормативно-методических документах необходимо представить обе языковые единицы.

⁶ Еще раз обратим внимание на то, что подзачение 'расстояние от исходного пункта до конечного пункта' не вполне корректно выделяется внутри значения 'исходный пункт движения'.

⁷ Предлоги, новые по сравнению с материалами ОВ (см. табл. 1), выделены темно-серым, новые ЛСВ предлогов — светло-серым; без выделений остались предлоги и ЛСВ, повторяющие материалы ОВ.

⁸ О проблемах представления в нормативно-методических документах ПУ соотносимых простых и производных предлогов типа **под** + т. п., **под влиянием** + р. п., **под действием** + р. п. см. ниже.

⁹ Как видим, проблема номенклатуры значений, поднятая в связи с анализом презентации предлогов в нормативно-методических документах БУ [4: 93–94], остается актуальной и на ПУ владения РКИ.

¹⁰ Данный предлог отмечен в «Русской грамматике» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Е. Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.
2. Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Отбор и представление предлогов в лексических минимумах по русскому языку (к постановке проблемы) // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 95–101.
3. Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Элементарном уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 95–103.
4. Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Базовом уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 87–99.
5. Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестн. Российского ун-та

дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. № 3 (15). С. 299–316.

6. Всеволодова М. В. Категория управления в современной русистике и проблемы изучения падежной системы русского языка в иноязычной аудитории // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 4. С. 151–187.

7. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Матер. к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2014.

8. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Н. П. Андрияшина и др. 9-е изд., СПб., 2017.

9. Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый уровень. Общее владение / Н. П. Андрияшина и др. 8-е изд. СПб., 2016.

10. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

11. Требования по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль / Н. П. Андрияшина и др. 4-е изд. СПб., 2015.

REFERENCES

1. Vinogradova E. N. (2017) Problemy leksicograficheskogo i grammaticheskogo opisaniia predlogov v sovremennom russkom iazyke [Prepositions in modern Russian: lexicography and grammatical description] *Voprosy iazykoznaniiia [Topics in the study of language]*, no. 5, pp. 56–74. (in Russian)
2. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2016) Otbor i predstavlenie predlogov v leksicheskikh minimumakh po russkomu iazyku kak inostrannomu (k postanovke problemy) [On Selection and Representation of the Prepositions in the Basic Dictionaries on Russian as a Foreign Language]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 2, pp. 95–101. (in Russian)
3. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2017) Lingvodidakticheskie problemy opisaniia predlogov na elementarnom уровне obshchego vladeniia russkim iazykom kak inostrannym [Some linguodidactic problems of prepositional description on A1 level (common language) of Russian as a foreign language]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 1, pp. 95–103. (in Russian)
4. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2017) Lingvodidakticheskie problemy opisaniia predlogov na bazovom уровне obshchego vladeniia russkim iazykom kak inostrannym [Some linguodidactic problems of prepositional description on A2 level (common language) of Russian as a foreign language]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 4, pp. 87–99. (in Russian)
5. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2017) Predlog: bol'shie problem malen'koi chasti rechi [Prepositions: the biggest challenges of a small part of speech]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniia [RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching]*, vol. 3, pp. 299–316. (in Russian)
6. Vsevolodova M. V. (2017) Kategoriiia upravleniia v sovremennoi rusistike i problemy izucheniia padezhnoi sistemy russkogo iazyka v inoiazychnoi auditirii [The category of government in modern Russian language studies and the problems with learning of the Russian case system in a foreign speaking audience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]*, 2017, no. 4, pp. 151–187. (in Russian).
7. Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. (2014) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniia: Vvedenie v ob'ektivnuiu grammatiku i leksikografiu russkikh predlozhnykh edinit [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional grammatic description of real usage: Introduction to the fact-based grammar and lexicography of Russian prepositional units.]*, book 1. Moscow. (in Russian)
8. Andriushina N. P. et al. (2017) *Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu. Pervyi uroven'. Obshchee vladenie [Lexical minimum of Russian as a foreign language. Level B1. Common language]*, 9th ed. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)
9. Andriushina N. P. et al. (2016) *Programma po russkomu iazyku dlia inostrannykh grazhdan. Pervyi uroven'. Obshchee vladenie [Program of Russian language for foreigners. First level (B1). Common language]* 8th ed. St. Petersburg. (in Russian).
10. Shvedova N. Iu., ed. (1980) *Russkaia grammatika [Russian Grammar]*, vol. 1. Moscow. (in Russian)
11. Andriushina N. P. et al. (2015) *Trebovaniia po russkomu iazyku kak inostrannomu. Pervyi sertifikatsionnyi uroven'. Obshchee vladenie. Professional'nyi modul [Requirements for First level of Russian as a foreign language. Common language. Professional language]* 4th ed. St. Petersburg. (in Russian).

ПРЕПОДАВАНИЕ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ГЛАГОЛА ЧЕРЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА УРОВНЯХ А1–А2

NINA A. KOSTIUK
TEACHING RUSSIAN VERB GRAMMAR
TO FOREIGN STUDENTS OF A1–A2 LEVEL USING LITERARY TEXT

В статье рассматривается система работы и модернизация традиционных видов лексико-грамматических упражнений в процессе обучения грамматике русского глагола на базе художественного (учебно-аутентичного) текста в иностранной аудитории на уровне А1–А2.

Ключевые слова: художественный текст; аутентичный текст; грамматика русского глагола; речевые и неречевые упражнения; модернизация лексико-грамматических упражнений.

The article deals with the system of work and modernization of traditional types of lexical and grammatical exercises in the process of teaching Russian verb grammar on the basis of artistic (educational-authentic) text in a foreign audience at the A1–A2 level.

Keywords: literary text; authentic text; Russian verb grammar; speech and non-speech exercises; modernizing lexicogrammatical exercises.

Нина Александровна Костюк

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка как иностранного
и методики его преподавания
Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
► nkostiouk@hotmail.com

Nina A. Kostiuk
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Представление грамматики и обучение грамматике иностранного языка, в том числе русского, на примере отобранных или специально написанных текстов не подвергается сомнению и соотносится прежде всего с сознательно-практическим методом, то есть с традиционной в 60-х — 70-х годах XX века моделью обучения. Коммуникативный метод обучения иностранным языкам, широко распространенный в настоящее время, демонстрирует все более широкие возможности использования текста в аудитории. Оказалось, что текст способен заменить речевую модель в качестве единицы обучения. Используя один и тот же текст, можно обучать всем видам речевой деятельности: грамматике, чтению, письму и разговору. Это значит, что содержательная наполненность, или содержательная составляющая, урока диктуется содержанием определенного текста (дискурса). Закономерно возникает вопрос, какие именно тексты необходимо использовать в процессе обучения и каковы критерии их отбора.

Тексты могут быть специально созданными — учебными или аутентичными. В первом случае мы имеем дело с конструктом, пресле-

дующим определенными учебными целями. К аутентичным текстам, под которыми понимаются тексты, написанные носителями языка для носителей языка, в общем курсе преподавания русского языка как иностранного прежде всего относятся тексты художественные.

Разница между учебными и художественными (аутентичными) текстами заключается, прежде всего, в том, что учебный текст ограничен только планом содержания, а аутентичный художественный текст содержит в себе подтекст, который выводит мысль за рамки содержания, на уровень смысла. Это качество делает его особенно ценным в современной практике преподавания РКИ, на что и обращают внимание методисты [3; 4; 5; 6; 9; 11 и др.].

Художественные аутентичные тексты, сокращенные или адаптированные в соответствии с целями и задачами преподавания РКИ, как показывает практика, допустимы уже на уровне А1-А2 обучения русскому языку. Такие тексты, по отношению к которым используются термины «полуаутентичный текст» и «учебно-аутентичный текст», признаются полезными, о чём пишут такие исследователи, как И. Б. Авдеева, Т. В. Васильева и Г. М. Левина, Е. В. Носонович [1; 8], считая подобную обработку текста допустимой и не нарушающей его аутентичности. Разделяя эту позицию, будем рассматривать адаптированные аутентичные художественные тексты как возможную единицу обучения на любом этапе преподавания РКИ, определяя подобные тексты как «учебно-аутентичные».

Учебно-аутентичные тексты служат основой для развития навыков чтения и говорения, письма и аудирования, а также овладения грамматикой, т. е. получения грамматических знаний и развития навыков употребления. Усвояемость грамматики, содержащейся в учебно-аутентичных художественных текстах, как показывает практика обучения, намного выше по сравнению с текстами учебными. Это обусловливается несколькими причинами, и прежде всего тем, что используемые в художественном произведении грамматические средства для учащегося неразрывно связаны с художественными образами

и тем смыслом, который несет в себе текст. Таким образом, при знакомстве и анализе художественного учебно-аутентичного текста происходит одновременное постижение грамматического, лексического и эстетического значения слова, которое неотделимо от содержания произведения, его художественных образов и подтекста, что облегчает учащемуся запоминание и усвоение грамматической формы в целом комплексе элементов художественного произведения. Помимо этого, использование учебно-аутентичных текстов значительно усиливает когнитивные установки, которые направлены на общее культурное развитие и на развитие мыслительных способностей учащегося. И, наконец, «художественный текст может служить образцом для восприятия и порождения нехудожественных текстов», поскольку «освоенные в рецептивном режиме тексты выступают в качестве речевых образцов для продуктивных видов речевой деятельности» [10: 489].

Для учебно-аутентичных текстов уровня А1-А2 гораздо более, чем для остальных уровней владения языком, важны такие его характеристики, как лексико-грамматическая и информационная доступность и высокая концентрация грамматического материала, что служит основой для формирования и развития навыков и умений учащихся во всех видах речевой деятельности.

Очевидно, что основные грамматические единицы языковой коммуникации — это имя существительное и глагол, при том, что глагол стоит в центре коммуникации, сообщая о действии, состоянии и процессе. Реализуемая в предложении предикативная функция глагола в то же самое время является характеристикой самого предложения, поэтому признак предиката есть признак всего предложения, а глагол — носитель этого признака. «Предикативный признак выступает в качестве объединяющего смыслового компонента, который обеспечивает интеграцию всех элементов предложения в единое целое» [7: 332].

Именно поэтому параллельно с изучением предложно-падежной системы русского языка, начиная с уровня А1, А2+, вплоть до уровня В1, наблюдается смещение грамматического фокуса обучения в сторону русского глагола: изучают-

ся морфологические формы времени, категория вида и синтаксические связи глагола (сочетаемость глаголов с именными объектами или инфинитивом). В процессе преподавания русского языка у учащихся формируются навыки и умения *образования и использования временных форм глагола, правильного использования глагольного вида, а также глагольного управления.*

Критерием отбора глагольной лексики из текста является значимость данных лексических единиц в тексте; они должны относиться к ключевой лексике и предназначены для активного употребления в речи. В количественном отношении на уровне А1–А2 это от трех-четырех до пяти-восьми глагольных единиц. Именно с ними необходимо *системно работать* в аудитории, поскольку остальные глаголы, встречающиеся в тексте, предназначены для пассивного усвоения.

При работе с текстовыми глаголами целесообразно их группировать по сематическому признаку. Например, в рассказе В. Голявкина «Как я боялся» выделяются две группы глаголов: 1) *бояться* и *испугаться* и 2) *спросить*, *попросить*, *задать вопрос*, *рассказать* и др. При выделении второй группы глаголов семантический признак дополняется грамматическим: все глаголы этой группы употребляются в тексте только в форме будущего простого времени: *я боялся, что меня спросят, зададут трудный вопрос, попросят прочитать* и т. д. Глаголы из учебно-аутентичного текста по рассказу Т. Толстой «Дальние земли», включённые в бытовые ситуации, *готовить*, *стирать*, *гладить*, *любить*, *рожать*, объединяются по грамматическому признаку: это глаголы несовершенного вида, и в рассказе они употребляются в форме прошедшего времени.

В соответствии с тремя этапами формирования в процессе обучения у учащихся грамматических навыков и умений усложняются виды грамматических и лексико-грамматических упражнений. Так, на ознакомительном этапе происходит введение глагольной лексики. Преимущественный способ семантизации — перевод на родной язык. При этом в графическом представлении глагольную лексику предваряют лексические единицы, раскрывающие категори-

альное значение вида: *много раз*, *долго* (значение неограниченной повторяемости и длительности действия) и *один раз* (значение единичного целостного конкретного действия). Это обязательное требование вплоть до уровня В1. Именно в таких, «простых», объяснениях нуждаются студенты-иностранцы, изучающие русский язык. Приведем еще некоторые примеры подобных «слов-объяснений», или «слов-сигналов», раскрывающих видовую семантику глагола. Так, значение глаголов *бояться* и *испугаться* раскрываются соответственно через слова-сигналы *всегда*, *много лет*, *долго* (бояться) и *момент*, *один раз* (испугаться). Для неносителей языка такие слова-сигналы — прямая подсказка для использования глагольного вида. По мере изучения языка семантику глагола можно представить учащимся через доступное их пониманию объяснение на базе словосочетания, например:

уметь рисовать (я умею рисовать): «я учился, и мои руки „знают“, как надо рисовать».

На ознакомительном этапе широко используются имитативные и подстановочные подготовительные неречевые грамматические упражнения на образование формы слова (глагола). Это единственный тип упражнения, где изучаемая лексическая единица (глагол) представлена, как правило, изолированно, вне контекста. Однако при ориентации на увеличение объема памяти затверживание глагольных форм происходит уже в микконтекстах, например:

1. Я расскажу.
2. Я расскажу новости.
3. Я расскажу все школьные новости и т. д.

Таким образом, демонстрация грамматической и лексической валентности языковой единицы, то есть представление слова в его системных связях, — универсальный принцип обучения, который распространяется на все уровни обучения иностранному языку.

На стереотипирующем этапе формирования навыков распознавания словоформ, их образования, написания и использования в речи методически целесообразно использовать подстановочные, трансформационные и комбинаторные упражнения. Трансформационные упраж-

нения используются также и на варьирующем этапе формирования навыков. Традиционно эти упражнения на начальном уровне обучения состоят из одного предложения (субъект + предикат + объект) и выглядят следующим образом.

1. Антон не любит грозу. = Антон боится грозы.
2. Антон, бояться, гроза. = Антон боится грозы.
3. Антон _____ грозы. = Антон испугался грозы.

Как понятно из примеров, задания требуют от обучаемого трансформировать предложение и написать, кто чего боится, составить из данных слов предложение или вставить в предложения глаголы бояться или испугаться.

Как показывает опыт, возможности этих видов упражнений можно расширить. В основе модификации этих видов упражнений лежит ситуативный способ их организации, что увеличивает эффективность усвоения материала учащимися. Ср.:

1. На улице гроза и сильный дождь. Кошка сидит дома, под кроватью, у нее испуганные глаза. = Кошка боится грозы.
2. Мама, открыть, зонтик, и, наш, кошка, испугаться, он. = Мама открыла зонтик, и наша кошка испугалась его.

Таким образом, глагольная лексика затреенировывается на базе расширенной конкретной ситуации, требующей от обучаемого более сложного анализа дискурса. Все без исключения упражнения по грамматике (неречевые, речевые) должны быть ориентированы на ключевые глаголы изучаемого текста, а также лексику данного текста, поскольку насыщенность упражнений одними и теми же лексическими единицами способствует быстрому их запоминанию, а также формированию навыка их распознавания и использования в речи. Этот принцип является обязательным и распространяется на послетекстовые задания во всех видах речевой деятельности.

Ситуативный способ организации упражнений можно использовать и в лексических упражнениях, демонстрирующих, например, различия в семантике глагольных префиксов глаголов движения, если они являются текстообразующими, как например, в тексте Н. Абрамцевой «Заброшенный дом». Одновременно этот вид

упражнения преследует цель затверживания глагола в правильной форме, соотносимой с временной характеристикой ситуации. Так, обучаемым предлагается ответить на следующие «грамматические» вопросы.

1. Джона не было на рабочем месте до десяти. В 10:05 он уже смотрит рабочую почту. Он пришёл или ушел (на работу)?
2. Джон встал, умылся, оделся, позавтракал, как всегда. Сейчас он идет на работу. Его жена говорит по телефону. На вопрос, где Джон, она отвечает, что... он вышел или ушёл?
3. Я планирую завтрашний день. В восемь я должна быть на работе. В восемь я приду или уйду? В двенадцать я пообедаю в кафе напротив. У меня есть только полчаса на обед. В 12:30 я приду или уйду на рабочее место?

Идея подобных упражнений не нова, однако в приведенных примерах заложено усложнение ситуации, что усложняет и их выполнение, поскольку отсутствует единственная модель реализации задания. Такие упражнения исключают механическое выполнение по образцу и заставляют студентов самостоятельно анализировать миниконтексты и работать, тренируя не только память, но и понимание.

На уровне грамматики и лексики глагол является центральным элементом обучения не только при выполнении лексико-грамматических упражнений, но и в заданиях и упражнениях во всех видах речевой деятельности. Так, при развитии механизмов чтения все задания так или иначе включают в себя ключевую глагольную лексику текста. Продемонстрируем это на тексте по рассказу В. Голявкина, в котором описывается первый день мальчика в школе. Он боится, что вопросы учительницы будут для него слишком сложными и пытается узнать, боится ли его сосед. Учительница понимает состояние ребенка и успокаивает его. Сразу же после чтения текста следует задание на определение правильности / неправильности понимания содержания рассказа («да» или «нет»?).

1. Мальчик боялся, что в школе его спросят, как его зовут.
2. Он боялся, что ему зададут трудный вопрос.
3. Его сосед ничего не боялся.
4. Сосед испугался тоже и т. д.

При выполнении задания *Выпишите из текста, какие вопросы мальчик задал соседу и какой была реакция соседа на эти вопросы*, с одной стороны, к процессу обучения подключается еще один вид речевой деятельности — письмо, а, с другой стороны, внимание обучаемого переключается на содержательную сторону, так что лексика и грамматика становятся средствами её выражения.

1. Он сразу испугался.
2. Он испугался еще больше.
3. Он совсем испугался.
4. Теперь он тоже боялся.

Учебно-аутентичный текст позволяет уже на уровне А2 соединить работу по углублению знаний относительно глагольного вида с понятием функционально-смыслового типа речи: повествования как цепочки действий и представления процесса в его течении. Так, студенты после чтения учебно-аутентичного текста по рассказу В. Токаревой «Самый счастливый день» получают задание прочитать два отрывка из рассказа, подчеркнуть в них глаголы, отметив форму вида.

Отрывок 1. *Нам задали классное сочинение на тему: «Самый счастливый день в моей жизни». Я открыла тетрадь и начала думать — какой у меня был в жизни самый счастливый день? Я выбрала воскресенье — четыре месяца назад, когда мы с папой утром пошли в кино, а после этого сразу поехали к бабушке.*

Отрывок 2. *У бабушки мы сидели на кухне и ели очень вкусную рыбу. Но еда — это не самое главное. Главное, что меня все любили и радовались вместе со мной. Мы были родные, и смотрели друг на друга, и чувствовали одно и то же. И были как дерево: бабушка — корни, папа — толстые ветки, а я — тонкие веточки, которые смотрят на солнце.*

Обучаемые должны прийти к выводу о том, что в повествовании (1) используются глаголы СВ, для обозначения действия в процессе его течения (2) — НСВ.

Объяснение общефактического значения глаголов несовершенного вида может быть продемонстрировано на примере отрывка из рассказа Т. Толстой «Дальние земли» о трудно прожитой жизни женщины в далекой Греции:

Рожала, готовила, стирала, гладила, ждала, любила, плакала, проклинала, прощала, не прощала, ненавидела, собирала оливки, провожала, хоронила и снова готовила, мыла посуду и ставила тарелки назад на полку.

Учащиеся должны понять, что неформальный рассказ о себе — это рассказ о том, что *было* в вашей жизни, когда акцент делается на самом факте того, что *было*, а не на последствиях произведенных действий. Таким образом, происходит анализ языкового явления и осознание возможности выражения определенного смысла с помощью категории вида.

Разумеется, это только начало большой работы по изучению значения видов русского глагола, но именно учебно-аутентичные (художественные) тексты позволяют начать эту работу в аудитории уже на уровне А2.

Завершается работа над текстом, как правило, выполнением традиционного репродуктивного условно-коммуникативного упражнения — пересказа текста — в его различных вариантах: от лица автора, одного из героев или от лица вымышленного героя — психолога, который работает в школе.

Подготовка к речевой практике (занятию по разговору) на основе прочитанного текста начинается с выполнения домашнего задания. Оно представляет собой письменное условно-речевое упражнение и формулируется следующим образом: *Подготовьтесь к дискуссии. Напишите ответы на вопросы по тексту.* Задание обязательно должно быть письменным, так как без опоры на письмо обучающимся на этом этапе обучения сложно сохранять в памяти весь лексический и грамматический материал [2: 66].

Условно-коммуникативные вопросно-ответные упражнения выявляют степень понимания обучающимися текста, а также позволяют провести его смысловой анализ в аудитории. Так, вопросы к дискуссии по тексту «Как я боялся» В. Голявкина делятся на две группы.

1. Чего боялся мальчик? Какие вопросы были для него трудными? Родители мальчика хорошо понимают его состояние или нет? Докажите примерами из текста и т. д.;
2. Что мальчик хотел проверить, когда задавал свои вопросы соседу? Какая ситуация комфортнее: когда вы боитесь один или когда вы боитесь вместе?

Ответы на первую группу вопросов содержатся в самом тексте, ответы на вопросы второй группы в готовом виде в тексте отсутствуют, по-

сколькo они соотносятся со смысловым уровнем произведения, и преподаватель в аудитории работает уже не с содержанием, а со смыслом, заложенным в художественном тексте.

Во время дискуссии студенты представляют подготовленные речевые высказывания, активизируя в речи глагольную лексику учебно-аутентичного текста. Вместе с тем такие тексты предоставляет преподавателю возможность вывести студентов на уровень неподготовленной мини-дискуссии уже на уровне А2, требующей от обучаемого спонтанной речевой реакции. Вопросы следующего содержания: *Как вы думаете, есть школы, где дети ничего не боятся?* и *Как вы думаете, когда ребенок ничего не боится?* и т. п. — убеждают в том, что учебно-аутентичный (художественный) текст дает возможность формулировать вопросы таким образом, чтобы провоцировать множественность ответов обучаемых, что стимулирует речевое общение в аудитории. Кроме того, в методическом плане чрезвычайно важно, что вопросы для обсуждения (предполагающие использование в ответах текстообразующей глагольной лексики в правильной форме и нужного вида) вырастают из проблемной ситуации, представленной и описанной в учебно-аутентичном (художественном) тексте.

Эта работа не исключает обучения учащихся речевому поведению в рамках определенной ситуации, в которой учащимся необходимо реализовать коммуникативное намерение спросить и сообщить о своих страхах. Целесообразно еще раз напомнить речевой образец: *Чего ты боишься (боишься)?* Учащиеся получают задание спросить соседа, какого предмета в школе он боялся (боялся ли он контрольной) и должны составить диалог по модели:

- 1) — Ты в школе чего боялся, физики или математики?
— Конечно, физики. Ее все в классе боялись.
- 2) — Ты боишься контрольной?
— Нет, не боюсь, я все понимаю.

Таким образом, использование художественного учебно-аутентичного текста открывает возможность организации учебного процесса по многим направлениям: работа с ситуацией,

представленной в художественном тексте, с его содержанием и смыслом, что позволяет выходить на широкое обсуждение темы, обозначенной текстом. Именно он связывает воедино все возможные направления работы на уроках РКИ.

Учебно-аутентичный текст дает возможность уже на уровне А2+ переходить к обсуждению определенной темы если не в полном объеме, как на уровне В1, но в первом приближении к образцу. Разговорный урок на тему «Мой первый урок в школе» вне контекста рассказа В. Голявкина не вызовет интереса в аудитории (*Когда вы пошли в школу? Когда дети начинают учиться в вашей стране?* и т. д.), даже если он будет методически правильно спланирован и построен на вопросно-ответной форме обсуждения, которая дает возможность высказаться. Благодаря возникающим у обучаемых смысловым ассоциациям в связи с чтением художественного текста его тему можно значительно сузить, конкретизировать и лично ориентировать, выделив подтему «Мои страхи». Данная подтема затрагивает не только школьный период, но также детство обучаемых, их отношение к учителям, школе и друг другу. Она конкретна и апеллирует к личности обучаемых, поэтому вызывает желание общаться, продуцируя речевое высказывание.

Вы когда-нибудь были похожи на мальчика из текста? Расскажите, в какой ситуации вы боялись? (Где это было? Сколько вам было лет? Вы были там один или с родителями? Что случилось? Чего вы испугались?) и т. д.

В заключение можно сделать следующие выводы. Художественный текст при условии его соответствующей адаптации (учебно-аутентичной обработки) обеспечивает тематическое, лексическое и грамматическое единство обучающего материала и упражнений по всем видам речевой деятельности. Извлечение ключевых глаголов текста создаёт условия обучения грамматике русского глагола, его временным и видовым формам, связанным с употреблением в функционально-смысловых типах речи. Модификация лексико-грамматических упражнений, направленных на формирование грамматических навыков, способствует также расширению запаса глагольной лексики, определяющей состав её распространителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева И. Б., Васильева Т. В., Левина Г. М. Рассуждения об аутентичности в методике обучения иностранных учащихся инженерного профиля // Мир русского слова. 2001. № 4. С. 55–62.
2. Быстроновская Е. П., Персиянова Н. А. Формирование навыков письменной речи // Русский язык в национальной школе. 1972. № 2. С. 66–71.
3. Кулибина Н. В. Образность русского художественного текста в лингвострановедческом рассмотрении // Художественный текст как объект лингвострановедческого анализа и материал учебной работы. М., 1997. С. 36–49.
4. Кулибина Н. В., Журавлева Л. С., Зиновьева М. Д. Обучение чтению (на матер. художественных текстов). М., 1984.
5. Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке? СПб., 2001.
6. Кулибина Н. В. Написано женщинами. Пособие по чтению для изучающих русский язык как иностранный. М., 2004.
7. Михайлина О. А. Роль глаголов в коммуникативной организации текста // Общество и право. 2014. № 1. С. 330–334.
8. Носонович Е. В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2000. № 1. С. 11–16.
9. Художественный текст: Структура. Язык. Стил / Под ред. К. А. Роговой. СПб., 1993.
10. Рогова К. А., Реброва И. В., Хорохордина О. В. Обучающий потенциал художественного текста // Мир

русского слова и русское слово в мире. Матер. XI Конгресса МАПРЯЛ. Т. 3. Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов. София, 2007. С. 448–495.

11. Черный С. Дневник фокса Микки. СПб., 2011.

REFERENCES

1. Avdeyeva I. B., Vasileva T. V., Levina G. M. (2001) Rassuzhdeniia ob autentichnosti v metodike obucheniia inostrannykh uchashchikhsia inzhenernogo profilia [Essay about Authenticity when Teaching Foreign Students of Technological University]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 4, pp. 55–62. (in Russian)
2. Bystronovskaia E. P., Persianova N. A. (1972) Formirovanie navykov pismennoi rechi [The Process of Training Skills in Written Speech]. *Russkii iazyk v natsionalnoi shkole [Russian Language in the National Schools]*, no. 2, pp. 66–71. (in Russian)
3. Kulibina N. V. (1997) Obraznost russkogo khudozhestvennogo teksta v lingvostranovedcheskom rassmotrenii [Russian Literary Text Image in Linguistic Analysis]. In: Cherniavskaja T. N., ed. *Khudozhestvennyi tekst kak obekt lingvostranovedcheskogo analiza i material uchebnoi raboty [Literary Text as the object of Linguistic Analysis and the Educational Content]*. Moscow, pp. 336–349. (in Russian)
4. Kulibina N. V., Zhuravleva L. S., Zinoveva M. D. (1984) *Obuchenie chteniiu na materiale khudozhestvennykh tekstov [Literary Texts as the Base of Reading Skills]*. Moscow. (in Russian)
5. Kulibina N. V. (2001) *Zachem chto i kak chitat na uroke [What kind of Texts One Should read (for what reason and in what way) at the Lessons of Russian as a Foreign Language]*. St. Petersburg. (in Russian)
6. Kulibina N. V. (2004) *Napisano zhenshchinami: uchebnoe posobie [Written by Women: Textbook]*. Moscow. (in Russian)
7. Mikhailina O. A. (2014) Rol glagolov v kommunikativnoi organizatsii teksta [The Role of the Verbs in the Communicatively Organized Text]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, no. 1, pp. 330–334. (in Russian)
8. Nosonovich E. V. (2000) Metodicheskaja autentichnost v obuchenii inostrannym iazykam [Methodical Authenticity in the Process of Teaching Foreign Languages]. *Inostrannyye iazyki v shkole [Foreign Languages at School]*, no. 1, pp. 11–16. (in Russian)
9. Rogova K. A., ed. (1993) *Khudozhestvennyi tekst: Struktura. Iazyk. Stil [Literary Text: Structure. Language. Linguistic Style]*. St. Petersburg. (in Russian)
10. Rogova K. A., Rebrova I. V., Khorokhordina O. V. (2007) Obuchaiushchii potentsial khudozhestvennogo teksta [Teaching Potential Capacity of Literary Text]. Proceedings of the 11th Congress of MAPRYAL "Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire" [The World of Russian Word and Russian Word in the World] (Bulgaria, Varna, 17–23.09.2007). Sofia, vol. 3, pp. 448–495. (in Russian)
11. Chernyi S. (2011) *Dnevnik foksia Mikki [Fox Terrier Mikki's Diary]*. St. Petersburg. (in Russian)

[хроника]

СТОЛЕТИЕ ГЕРЦЕНОВСКОЙ РУСИСТИКИ

(Начало на с. 78. Окончание на с. 113)

работа в качестве преподавателя кафедры; с 1953 года — 65 лет назад! — работа в качестве председателя диссертационного совета, которая с очень коротким перерывом продолжалась до 2014 года; в 1968 году — 50 лет назад! — Сакмара Георгиевна стала членом корреспондентом АПН СССР (ныне Российская академия образования); в 1998 году — заслуженным деятелем науки РФ. На всех этапах своей деятельности Сакмара Георгиевна являла образец высочайшего профессионализма ученого и педагога.

Проф. М. Я. Дымарский охарактеризовал этапы изучения синтаксиса на кафедре русского языка, отметив в первую очередь, что Н. П. Гринкова, несмотря на все трудности эпохи 30-х — 50-х гг., как заведующая кафедрой создала атмосферу научного поиска. Эта атмосфера была сохранена ее преемниками — А. Г. Рудневым

и С. Г. Ильенко, что вело к активному развитию и синтаксических исследований, связанных с именами Б. П. Ардентова, В. Л. Георгиевой, Л. К. Дмитриевой, В. С. Г. Ильенко, М. А. Павловской, А. Г. Руднева, А. И. Чагишевой,

Проф. И. А. Мартянова показала, как в концепции С. Г. Ильенко актуализировались функционально-коммуникативные аспекты, реализовавшиеся в общей проблеме — «Синтаксис текста и текст синтаксиса», как формировались общепринятые сегодня понятия «лексико-синтаксическая координация», «радиус действия предложения» и др.

Проф. В. Д. Черняк представила картину становления и развития герценовской школы функциональной лексикологии. От работ начала 60-х гг., когда под руководством проф. В. В. Степановой только закладывались основы системного подхо-

РАЗРАБОТКА АУДИТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

JULIA B. ZHIDKOVA

ELABORATION OF LISTENING MATERIALS FOR PERCEPTION
AND UNDERSTANDING OF TEXTUAL INFORMATION

В статье приводятся аудитивные задания, обеспечивающие процесс восприятия, понимания и последующей переработки текстовой информации, передаваемой в устной или письменной форме. Отмечается возможность использования таких заданий не только на занятиях по русскому языку как иностранному, но и на занятиях по специальным дисциплинам.

Ключевые слова: текст; аудирование; аудитивные задания.

The article presents tasks of listening that provide the process of perception, understanding and subsequent processing of text information transmitted orally or in writing. The author proves the possibility of using such tasks not only in the classroom in Russian as a foreign language, but also in the classroom in special disciplines.

Keywords: text; listening; tasks of listening.

Юлия Борисовна Жидкова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
двузовского этапа обучения
иностранцев учащихся

Воронежский
государственный университет

ул. Хользунова, 40а,
г. Воронеж, 394068, Россия

► zhidkova_juliabori@mail.ru

Julia B. Zhidkova

Voronezh State University

40a Kholzunova str.,
Voronezh, 394068, Russia

Текст традиционно рассматривается как продукт речевой деятельности, как основная единица коммуникации, которой человек пользуется в процессе речевого общения, как основной источник научной, социокультурной и другой информации, как содержательная основа речи, как объект иллюстрации функционирования языковых единиц [1]. С точки зрения принципов текстоцентричности и коммуникативности текст демонстрирует употребление морфолого-синтаксических и лексико-грамматических конструкций в их естественном окружении, является источником предметно-содержательной информации, образцом для продуцирования аналогичного текста, побуждением для устного обсуждения и репродуктивных сообщений. Как правило, урок в учебнике или учебном пособии по специальной дисциплине дополнительной общеобразовательной программы или по научному стилю речи включает в себя текст, лексико-грамматический комментарий, послетекстовые вопросы, словарь, иллюстративный материал. Мы предлагаем давать на занятии по научному стилю речи или по предмету два-три однотемных текста, например «Древнерусская письменная литература, её жанры», «Слово о полку Игореве» и диалог. Такая подборка текстов позволяет семантизировать новый лексический материал с опорой на широкий контекст.

Хотя научные тексты чаще существуют в письменной форме, необходимо обращаться к такому виду обучения, как аудирование. По мнению И. А. Гончар, обучение любой языковедческой дисциплине станет более эффективным в случае привлечения звучащих материалов, которые таят в себе большие методические возможности [2]. Мы считаем вполне уместным использовать такие материалы на занятиях по любому предмету, так как основную научную информацию иностранные учащиеся получают преимущественно в устной форме: во время лекций, студенческих конференций. Кроме того, учащимся предстоит устно общаться с преподавателями, научными руководителями на практических и семинарских занятиях. Сегодня в практике обучения иностранцев расширяются варианты применения компьютерных технологий: электронных учебно-методических комплексов, электронных учебников, компьютерных программ тестирования знаний. Для изучения различных дисциплин через Интернет необходимо наличие большого количества аудиоматериалов, поэтому обучение речевому общению, создание условий для формирования и развития речевых навыков и умений на основе звучащего высказывания и звучащего текста приобретает актуальность. Это требует поиска оптимальных возможностей для облегчения процесса восприятия, понимания, переработки информации, который сопровождается сложной мыслительной деятельностью. Мы рекомендуем некоторые аудитивные задания, специально ориентированные на задачу обучения восприятию и порождению устной речи в области языка специальности.

Что же может «звучать» на занятии? Специально составленные тексты (монологические и диалогические), которые могут быть использованы на занятии по научному стилю речи и предмету по направленности обучения. Обращаем внимание, что речь идет о текстах, пригодных для учебной коммуникации, являющихся основными источниками научных сведений, а не о текстах для целей обучения аудированию научного текста. Звучащие тексты это — озвученные письменные дикторские тексты (письменные тексты учащиеся могут использовать как опору,

то есть не только прослушать, но и прочитать); озвученные диалоги и полилоги из сферы учебно-научного общения; фрагменты художественных фильмов и мультфильмов; собственно звучащие мини-тексты для определения дополнительной информации и последующего устного ответа. Послетекстовые вопросы мы также рассматриваем в ряду звучащих материалов, так как они представляют собой интонационно-синтаксические единицы, обладающие интонационной законченностью и имеющие определенную интонационную структуру [1], характеризующиеся коммуникативной направленностью. В статье в качестве примеров приводятся некоторые аудитивные задания из учебно-методического комплекса «Литература», разработанного Институтом международного образования ВГУ для проекта «Электронный подфак». Системе заданий в контенте учебно-методических комплексов посвящена работа И. П. Родионовой [3].

Монологические тексты используются как основной учебный материал, а диалоги, полилоги, видеофрагменты как вспомогательный. Лучшему восприятию и запоминанию способствует ассоциативное связывание новой информации с уже знакомой информацией, полученной из текста. Фрагменты художественных фильмов служат иллюстративным материалом к прослушанным / прочитанным учебным текстам и стимулируют аудитивный процесс. Например, текст о романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» может сопровождаться видеофрагментом из фильма режиссера А. Котта «Герой нашего времени» (2006), в котором Печорин рассуждает о своем характере, своих чувствах. В этом эпизоде учащиеся слышат лексику текста, но при этом речь героя демонстрирует естественность. Просмотр видеофрагмента можно отнести к коммуникативным рецептивным упражнениям, так как у учащихся появляется интерес понять его содержание, а тексты художественных фильмов представляют собой аутентичные учебные материалы.

В сценарий занятия включается редуцированная модель обучения аудированию иноязычного текста: коммуникативные единицы, тесты,

ответы на вопросы. Здесь мы не можем говорить о полноценной модели обучения аудированию, так как на занятиях по научному стилю речи или предмету мы не обучаем аудированию как виду речевой деятельности, а формируем у учащихся речевые навыки и умения, обеспечивающие возможность осуществлять коммуникацию в учебно-научной сфере общения, понятийно-терминологические знания.

В предтекстовой работе необходимо уделить внимание овладению лексическим материалом, развитию рецептивных лексических навыков. Здесь важную роль играет слуховая наглядность. К слуховым средствам наглядности относят речь преподавателя и речь в аудиозаписи, речь, звучащую по радио, телевидению. С помощью слуховой наглядности демонстрируется новая языковая единица из лексического минимума урока, а многократное, четкое произнесение ее преподавателем создает у учащегося слуховой образ слова, словоформы, предложения. Приведем следующие аудитивные задания (повторение за диктором звучащих образцов): 1) Слушайте, читайте новые слова и словосочетания; 2) Слушайте, читайте существительные и образованные от них прилагательные; 3) Слушайте, читайте слова. Обратите внимание на образование слов.

В предтекстовой работе необходимо учитывать, что при слуховом восприятии сложных конструкций, новых трудных слов и часто всего текста у учащихся происходит скрытое проговаривание, поэтому нужно формировать произносительные навыки, облегчающие процесс восприятия, тренировать правильное произношение новых слов во внутренней речи.

Навыки восприятия звучащего текста вырабатываются в речевых единицах. В предтекстовой работе активно используются задания на повторение за преподавателем / диктором слов и словосочетаний с наращиванием длины. Это озвученные коммуникативные единицы, вычлененные из учебного текста или диалога. И. А. Гончар называет работу с «цепочками» важнейшим типом задания на этапе предтекстовой работы перед прослушиванием звучащего фрагмента [2]. Эти коммуникативные единицы фиксируются в па-

мяти как целостные единицы и опознаются при восприятии информации из текста, а потом воспроизводятся как целое в репродуктивной речи. На первых занятиях это словосочетания, одинаковые по синтаксической структуре. Далее вводятся короткие предложения на прослушивание и повторение их за диктором:

Жанр фольклора — песня. Жанр фольклора — сказка. Жанр фольклора — былина. Жанры фольклора — это песни, сказки, былины.

На уровне В1 это уже не повторение слов и словосочетаний с наращиванием длины, а демонстрация нового слова или словосочетания в окружении контекста:

Возвращённый, возвращённая литература. Идеологический, идеологическая причина. В литературно-художественных журналах начали печатать «возвращённую» литературу — произведения, которые долгие годы не издавались или не переиздавались по идеологическим причинам.

Предъявляемым речевым образцам требуется следовать в устной и письменной речи. Данное задание тренирует оперативную память, помогает увеличить ее объем. Также задание развивает механизм вероятностного прогнозирования на уровне высказываний в процессе аудирования, когда смысл вербализуется с использованием слов и словосочетаний из лексического минимума урока.

Кроме этого необходимо выделить новые глаголы, дать примеры их употребления в синтаксических конструкциях.

Глаголы — Примеры

объединяться / объединиться с кем? —

Князь Игорь и его брат не объединились с другими князьями;

бороться с кем? —

Князья должны вместе бороться с врагами.

Отдельно следует выделить конструкции с этими же глаголами, которые учащиеся встретят в тексте (кто объединился с кем? кто борется с кем?). В данных заданиях совмещается слуховая и зрительная наглядность (графическая), так как таблицы представляют собой опору при усвоении материала. Работа с синтаксическими конструкциями имеет важное значение, так как помогает учащимся понять смысл фразы, коммуникатив-

ного фрагмента текста, догадаться о значении слова по знакомой синтаксической конструкции или о смысле предложения по знакомым словам в нем. Речевой образец служит эталоном для образования предложений с другим лексическим наполнением в текстах другой тематики.

Понимание слов зависит не только от сформированности фонематического слуха, знания словообразовательных моделей, но и от знания сочетаемости слов. При наличии соответствующей лексики могут использоваться задания на прослушивание лексических связей.

Изображать (что?) жизнь, действительность, исторические события.

Выражать (что?) мысли, чувства, любовь.

Отражать (что?) национальный характер, традиции, жизнь.

На первых занятиях можно предложить аудитивное задание с притекстовыми вопросами и ответами, если эти вопросы повторяются в послетекстовых заданиях. Задание выполняет функцию коммуникативной установки перед работой с текстом, направляет учащихся на активное аудирование.

Что это — летопись?

Летопись — это жанр древнерусской литературы, который рассказывает о событиях каждого года.

На уровне В1 можно дать прослушать фрагменты мини-текста, а потом заполнить пропуски в графическом варианте того же мини-текста.

Если предтекстовые аудитивные задания нацелены на развитие речевых механизмов и выполняют роль слуховой наглядности, то послетекстовые аудитивные задания в тестовой форме выступают средством проверки понимания и аудиотекста, и текста для чтения. При этом нужно заботиться о том, чтобы речевые образцы с наполняющей их лексикой, предъявленные ранее, многократно повторялись в разнообразных видах послетекстовой работы.

Задания выполняются по памяти после прослушивания / прочтения текста. Звучащие вопросы в тестовых заданиях выступают не только средством контроля, но и готовят к диалогическому общению. Вопросы мобилизуют речемыслительную деятельность учащихся, вовлекают их в ино-

язычное речевое общение. Рассмотрим задания закрытой формы (тесты множественного выбора). Учащиеся выбирают один правильный ответ из предложенных или несколько правильных ответов, например: 1) Слушайте вопросы. Отметьте верные ответы; 2) Слушайте вопрос. Выберите правильный ответ; 3) Слушайте предложения. Выберите верное завершение предложения.

Еще один вид тестового задания — тест на установление соответствия. Преподаватель / диктор читает слова из левой части таблицы, а в правой части все слова перемешаны. Учащиеся должны найти правильный вариант: соединить однокоренные слова, соединить глаголы и девербативы. Далее приведем тестовые задания, направленные на установление соответствия между частями словосочетаний и предложений в точности с содержанием текста.

Составьте словосочетания и предложения.

<i>музыкальный</i>	<i>рассказ</i>
<i>поэтические</i>	<i>произведения</i>
<i>жанры</i>	<i>фольклора</i>
<i>мысли и чувства</i>	<i>народа</i>
<i>фольклор появился,</i>	<i>читать и писать</i>
<i>когда люди не умели</i>	
<i>устное народное</i>	<i>большое влияние</i>
<i>творчество оказало</i>	<i>на русскую культуру</i>
	<i>и литературу</i>

Слушайте начало предложения. Выберите соответствующее завершение предложения.

<i>Драматург называл «Ревизор»</i>	<i>общественной,</i>
	<i>народной комедией.</i>
<i>Хлестаков — это символ</i>	<i>в которой</i>
<i>действительности,</i>	<i>нет правды.</i>
<i>Провинциальный город —</i>	<i>человеческой души.</i>
<i>это символ</i>	

В послетекстовые задания входят и тесты на соответствие вопросов и ответов. Вопросы озвучены диктором. Слушайте вопросы. Выберите соответствующий ответ на вопрос.

<i>Какой сборник повестей принёс Гоголю первый успех?</i>	<i>«Вечера на хуторе близ Диканьки»</i>
<i>Что характерно для повестей сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки»?</i>	<i>юмор, сатира, лирика</i>

Благодаря механизму долговременной памяти во время аудирования вопросов происходит узнавание слов, понимание смысла вопроса, что делает возможным применение полученных знаний в процессе общения в учебно-научной сфере.

Выполнение тренировочных и контрольных тестовых заданий обеспечивает многократное повторение лексики, синтаксических моделей. При этом активизируются мыслительные операции, развивается память, внимание. Подобные задания представляются нам важным и полезным учебным материалом на занятиях как по дисциплинам, так и по научному стилю речи.

Эффективными заданиями, развивающими механизм осмысливания, являются составление плана к тексту, свободный диктант (предъявление знакомого, но модифицированного текста), аудирование мини-текстов. Приведем задание с мини-текстами, которое обучает восприятию речевого потока. Учащиеся прослушивают по два смысловых блока из текста в форме последовательности двух-четырех предложений. Потом они должны дать устный ответ, какое предложение или словосочетание было добавлено во второй мини-текст. При выполнении этого задания задействована кратковременная память, так как воспринимаемое на слух высказывание должно удерживаться до конца звучания; долговременная память, в которой хранятся синтаксические конструкции и лексические единицы, информация предъявленного ранее текста; вероятностное прогнозирование; обобщение, сопровождающее понимание воспринимаемого высказывания.

В аудитивные материалы включаются диалоги и полилоги. С их помощью учащиеся не только получают «предметную» информацию, но и обучаются стандартным речевым образцам, необходимым в разных речевых ситуациях: диалог/полилог-расспрос, диалог-побуждение к действию, диалог-обмен информацией, мнениями, диалог-переспрос, диалог-уточнение, диалог-удивление и т. п. Отметим, что на начальном этапе работы диалогические тексты лучше предъявлять в устной и письменной форме, а впоследствии постепенно перейти только к устному предъявлению. Диалогические тексты должны быть комму-

никативно направлены, построены на материале учебных текстов, содержать новую информацию для обеспечения работы механизма вероятностного прогнозирования. Для работы с диалогическими текстами рекомендуется использовать систему тестовых заданий, идентичную заданиям к монологическим текстам.

Обычно понимание текста проверяется устным воспроизведением информации. На синтез усвоенного материала, его закрепление нацелены вопросы, озвученные преподавателем / диктором. Обычно это вопросы закрытого типа, предполагающие единственно верный ответ, который может быть сформулирован кратко. На уровне В 1 могут встречаться и вопросы открытого типа, вызывающие различные ответы и речевые реакции, служащие стимулом к порождению высказывания.

Итак, обращение к аудитивным заданиям должно отвечать требованиям целесообразности, своевременности и уместности, соответствия задачам конкретного занятия, сочетаться с текстовым материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
2. Гончар И. А. Звучащий текст как объект методики в аспекте РКИ // Русский язык за рубежом. 2011. № 2. С. 25–31.
3. Родионова И. П. Представление о контенте электронных учебно-методических комплексов по предметам естественно-научного и гуманитарного циклов для иностранных учащихся предвузовского этапа обучения // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: сб. ст. I Междунар. конгресса преподавателей и руководителей подготовительных ф-тов: В 2 ч. / под ред. С. В. Каратаева, О. А. Бондарева и др. М., 2017. Ч. 2. С. 180–184.

REFERENCES

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. (2009) *Novy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow, (in Russian)
2. Gonchar I. A. (2011) *Zvuchashchy tekst kak obyekt metodiki v aspekte RKI* [Sounding text as an object of methodology in the aspect of Russian as a foreign language]. *Russky yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], no. 2, pp. 25–31. (in Russian)
3. Rodionova I. P. (2017) *Predstavlenie o kontente elektronnykh uchebno-metodicheskikh kompleksov po predmetam estestvenno-nauchnogo i gumanitarnogo tsiklov dlia inostrannykh uchashchikhsia predvuzovskogo etapa obucheniia* [The idea of the content of electronic educational and methodical complexes on the subjects of natural science and Humanities for foreign students of the pre-University stage of education]. Proceedings of the I International Congress of teachers and heads of preparatory faculties "Dovuzovskii etap obucheniia v Rossii i mire: iazyk, adaptatsiia, sotsium, spetsial'nost'" [Pre-University stage of education in Russia and the world: language, adaptation, society, speciality] (Russia, Moscow, 19–21.10.2017) (eds. S. V. Karataeva, O. A. Bondareva and others). Moscow, pp. 180–184. (in Russian)

ЮБИЛЕЙ В. А. СТЕПАНЕНКО

11 декабря 2018 года Московский государственный областной университет отмечает юбилей заведующего кафедрой русского языка как иностранного и методики его преподавания, директора Центра международного образования доктора педагогических наук Веры Александровны Степаненко.

Вся плодотворная профессиональная и научная деятельность Веры Александровны Степаненко после окончания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова связана с преподаванием русского языка как иностранного. С 1992 года по 2017 год она возглавляла кафедру русского языка как иностранного в Институте русского языка и культуры МГУ. Под руководством В. А. Степаненко были реализованы многочисленные образовательные проекты в области обучения русскому языку как иностранному (разработка учебных комплексов, дистанционных программ и мультимедийных курсов) и проведены мероприятия, направленные на распространение русского языка за рубежом (в частности, в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» и проектов фонда «Русский мир»). В. А. Степаненко является одним из авторов мультимедийных курсов «Россия — Испания. Исторические судьбы», «Русский с самого начала», которые получили широкое распространение в области РКИ.

Вера Александровна Степаненко является членом Правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ). В октябре 2017 года было организовано вступление МГОУ в члены РОПРЯЛ. Благодаря этому МГОУ начал звучать как вуз, развивающий направление «русский язык как иностранный».

В. А. Степаненко — один из создателей Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному. При ее непосредственном участии были разработаны Государственные образовательные стандарты, типовые тесты и программы для различных уровней владения русским языком как иностранным.

Будучи заведующим кафедрой русского языка как иностранного и директором ЦМО МГОУ, В. А. Степаненко большое внимание уделяет распространению русского языка за рубежом и повышению авторитета российской государственной системы образования. Возглавляемый ею коллектив продолжает активно участвовать в организации и проведении мероприятий в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» и программ фонда «Русский мир». Центр международного образования и кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания являются исполнителями президентской программы Кыргызской Республики по обеспечению функционирования русского языка как официально в Кыргызстане. Завершается создание нормативно-методической базы, включающей поровневые требования, лексические минимумы, типовые тесты, написан учебник русского языка для начинающих, ориентированный на киргизскую аудиторию.

За время работы В. А. Степаненко в Московском областном государственном университете (с 2017 года) на базе Центра международного образования было модернизировано обучение и значительно увеличен контингент иностранных граждан на подготовительном факультете, организована учебно-методическая и научная работа вновь созданной кафедры рус-

ского языка как иностранного и методики его преподавания.

Деятельность В. А. Степаненко отмечена правительственными наградами: медалью «Ветеран труда», медалью «В память 850-летия Москвы», нагрудным знаком «За самоотверженное служение российской науке и образованию», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», медалью Росзарубежцентра при МИД РФ, почетным знаком «За вклад в дело дружбы», орденами «За вклад в просвещение» и «За профессионализм и деловую репутацию» I степени.

И если бы ордена и медали давались за человеческие качества, за прекрасные черты характера, Вера Александровна, без сомнения, получила бы высшие награды. Все, кто знаком с ней, отмечают ее невероятную жизненную стойкость, принципиальность, отзывчивость и доброту, готовность прийти на помощь в самых сложных ситуациях. Коллектив Центра международного образования и кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания МГОУ от всей души поздравляет Веру Александровну с юбилеем и желает ей крепкого здоровья, счастья и творческих успехов, которые будут и успехами всего коллектива.

[хроника]

СТОЛЕТИЕ ГЕРЦЕНОВСКОЙ РУСИСТИКИ

(Окончание. Начало на с. 78, 106)

да к лексике, преподаватели кафедры и аспиранты последовательно шли к изучению разных типов лексических парадигм, функционирования лексических единиц в предложении и тексте, а затем к лексической организации текста.

Огромный потенциал выполненных на протяжении трех десятилетий исследований нашел продолжение в деятельности различных кафедр страны, на которых ныне работают бывшие аспиранты-герценовцы. Взаимодействие и взаимодополнение научных школ под руководством С. Г. Ильенко, А. В. Бондарко, В. В. Степановой, Е. Г. Ковалевской стали залогом научного долголетия зародившихся на кафедре русского языка в 70-е годы XX века идей функционализма в лингвистике.

Проф. Е. В. Сергеева остановилась на истории деятельности проблемной группы по исследованию художественного текста и особой роли в ней проф. Е. Г. Ковалевской.

На проблемах взаимодействия лексики и грамматики, значимых в современных исследованиях и во многом инициированных работами С. Г. Ильенко, остановился проф. А. Л. Шарандин (Тамбов).

Проф. С. Н. Цейтлин связала свою деятельность на кафедре русского языка со становлением и развитием исследований по онтолингвистике.

Эту же тему продолжила проф. Н. В. Гагарина (Берлин), представившая экспериментальные данные, полученные в детской аудитории и связанные с корреляцией вида глагола и референциальных связей в тексте.

На пленарном заседании с большим докладом «Дети и отцы в “Капитанской дочке” и “Отцах и детях”»: дискуссионное прочтение двух национальных гениев российской словесности» выступила С. Г. Ильенко, продемонстрировав неизменно оригинальный взгляд на хрестоматийные тексты, показав образец глубокого филологического осмысления русской классики.

В конце пленарного заседания в режиме «Открытый микрофон» юбиляра приветствовали коллеги из РГПУ, ИЛИ РАН, Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга, Магнитогорска, Череповца, Чебоксар, Архангельска, Новгорода, Пскова, Тамбова и других городов.

В секции «Лингвистические аспекты изучения высказывания и текста» было заслушано и обсуждено более 20 докладов. Актуальные проблемы указанного направления освещались в докладах В. Ю. Прокофьевой, Л. В. Зубовой, И. В. Столяровой (Санкт-Петербург), Т. В. Шмелевой, В. Г. Дидковской (Великий Новгород), Н. К. Онипенко (Москва) и С. Ю. Данилова (Екатеринбург).

В секции «Истоки и перспективы функциональной грамматики: памяти Александра Владимировича Бондарко», заседания которой проходили в Институте лингвистических исследований РАН, определились три актуальных направления: 1) русский язык в синхронии и диахронии на фоне других славянских языков — доклады М. Д. Воейковой (Санкт-Петербург), Е. Э. Пчелинцевой (Черкассы), Е. В. Грудевой (Череповец); 2) семантика временных форм глагола в разные эпохи существования русского языка — доклады Е. Г. Сосновцевой, А. Ю. Урманчиевой (Санкт-Петербург); 3) изучение грамматических категорий вида, времени, эвиденциальности в конструкциях разного типа на материале разных языков — И. П. Матхановой (Новосибирск), С. Л. Михеевой (Чебоксары), И. В. Яковлевой (Ульяновск). В выступлениях А. И. Дунева (Санкт-Петербург) были показаны перспективы применения разработанного А. В. Бондарко инструментария для анализа высказываний в аспекте разных видов речевой деятельности.

Заседание секции «Проблемы русской лексикологии и лексикографии» было посвящено новым отечественным проектам в области лексикографии, реализуемым в разных университетах Российской Федерации. Так, Л. Н. Чурилина (Магнитогорск) рассказала о проекте «Словаря современного православного дискурса». В докладе Т. А. Трипольской (Новосибирск) были освещены концепция и принципы создания электронной базы данных прагматически маркированной лексики (<http://spml.ipmir.nspu.ru/>), в работе над которой приняли участие преподаватели НГПУ и РГПУ им. А. И. Герцена. Материалы будущего словаря крылатых слов диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» представил К. П. Сидоренко (Санкт-Петербург). Анализу частной грамматической проблемы (статусу оценочных слов в системе частей речи) на базе данных «Словаря народно-разговорной речи Архангельска» было посвящено выступление Н. А. Петровой (Архангельск). С речью в интернет-коммуникации был связан и доклад В. А. Ефремова (Санкт-Петербург). Доклад

Е. В. Огольцевой (Москва) был посвящен когнитивной и психолингвистической специфике как собственно устойчивых сравнений, так и их модификаций. В совместном докладе Д. В. Салминой и И. С. Куликовой (Санкт-Петербург) была затронута проблема состава терминогруппы так называемых эмических терминов и их употребления в нетерминологических контекстах современной публицистики и беллетристики. Специфике описания авторского термина философской системы Н. Ф. Федорова был посвящен доклад Н. В. Козловской (Санкт-Петербург).

В секции «Русская речь и языковая личность: проблемы изучения и обучения» участники плодотворно обсудили проблему культурного багажа языковой личности — сообщения Ю. Б. Феденевой и Н. А. Юшковой (Екатеринбург), Г. М. Васильевой (Санкт-Петербург). Докладчики на экспериментальной основе выявили изменения в языковом сознании современной молодежи, выражающиеся в значительных трансформациях традиционно описываемой концептосферы культуры. Ю. Л. Ситько (Севастополь) рассказал о Проекте обследования русской речи в Большом Севастополе. В докладе Л. М. Попковой (Псков) речь шла о нарушении жителями Пскова и Псковской области орфографических и пунктуационных норм в Тотальном диктанте.

Краткий обзор не позволяет остановиться на всех проблемах, прозвучавших в докладах и оживленных дискуссиях. Завершилась конференция круглым столом «Сто лет Герценовской русистики».

Прошедшая конференция убедительно показала, что научное сообщество, десятилетиями формировавшееся вокруг кафедры русского языка Герценовского университета, и сегодня объединено актуальными научными идеями, остро ощущаемыми актуальными задачами филологического образования.

*В. Д. Черняк, А. И. Дунев,
РГПУ им. А. И. Герцена*

С глубоким прискорбием сообщаем,
что 9 января 2019 года
профессор Сакмара Георгиевна Ильенко
ушла из жизни.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ПРАКТИКИ

ALLA M. BEREZHNYAYA

ART MUSEUM IN MODERN COMMUNICATIVE LANDSCAPE: VALUES AND PRACTICES

С каждым годом в российских музеях увеличивается количество выставочных проектов. Их освещение в СМИ и поиск взаимопонимания между искусствоведами и журналистами — обсуждаемые сегодня в профессиональной среде проблемы. В основе статьи — осмысление опыта работы автора в пресс-службе Государственного Русского музея. Собранный и проанализированный материал позволил зафиксировать новые тенденции, касающиеся продуктивного диалога медиасообщества и художественного музея.

Ключевые слова: художественный музей; культура участия; эстетические ценности; пресс-релиз; средства массовой информации; нарратив.

The author argues that the number of exhibition projects in Russian museums is increasing with each passing year. Their coverage in media and the quest for mutual understanding between art critics and journalists are currently widely discussed in the museum community. The article is based on the personal experience of the author being the Head of the Press Department of the State Russian Museum in St. Petersburg. The analysis of the collected material allows her to fix some new trends, relating to the productive dialogue of the media community and the art museum.

Keywords: art museum; participatory culture; aesthetic values; press release; media; narrative.

Современное общество переживает настоящий музейный бум. Российские музеи увеличивают количество ежегодных временных выставок, осваивают виртуальное пространство, запускают digital проекты и онлайн-экспозиции. Активизировалась и просветительская работа, особенно в области педагогики и образовательной деятельности, появились мероприятия, синтезирующие разные виды искусств. Изменился и сам способ взаимодействия музея с посетителями: современный зритель пассивному восприятию произведения живописи предпочитает ощущение своей вовлеченности в культурный контекст. Так, еще в 2011 году в музейной среде появилось понятие, первоначально возникшее в политологии и социологии, «культура участия». Возможно, процесс перехода от культуры потребления к культуре участия запустили в коммуникативное пространство сами музейщики. Примечательно в этом отношении высказывание директора Государственного Эрмитажа

Алла Михайловна Бережная

Руководитель пресс-службы

Государственный Русский музей

Инженерная ул., 4,
Санкт-Петербург, 191186, Россия

► allakaryagina@yandex.ru

Alla M. Berezhnaya

The State Russian museum

4 Inzhenernaya Str.,
St. Petersburg, 191186, Russia

М. Б. Пиотровского. Его реакцией на агрессивные реплики в сторону деятельности музея, вызванные непониманием выставки бельгийского художника и скульптора Яна Фабра, стало интервью радиостанции «Эхо Москвы»:

«Мы недооценили уровень ненависти, существующий в обществе, мы недооценили, что надо очень настойчиво и почти насильно разъяснять. Мы в какое-то время решили, что уровень культурный достаточно высокий, и людям просто можно подсказать: „Вот, подумайте“. Оказывается, нет. Оказывается, все-таки надо рассказывать...» [13].

Настойчиво раскрывать суть образного постижения действительности, разъяснять и рассказывать тем, кто хочет понять и услышать, готовы в каждом российском музее: посетителям выставок предлагаются экскурсии, циклы лекций, онлайн-программы, подготовленные специалистами аудиогиды, квесты, publictalks, разрабатываются программы арт-медиации; журналистов приглашают не только на официальные пресс-показы выставок и пресс-конференции, но и на неформальные встречи с кураторами экспозиций, открывают доступ в фонды, лаборатории, реставрационные мастерские и приглашают на монтаж временных выставок. Совместно с искусствоведами сотрудники PR-служб музеев пишут для средств массовой информации пресс-релизы. Конечно, как и требует того этот жанр, подобные тексты безличны. Интенций автора — художника, скульптора — в них нет. Зато достаточно фактического материала и комментариев, содержащих соответствующие эстетические оценки, чтобы стать отправной точкой для дальнейшего анализа и критического осмысления. Сегодня становится возможным по-настоящему взаимовыгодное партнерство СМИ и искусствоведов: музейщики предлагают множество инфоповодов и готовы помочь в поиске информации и раскрытии тем. Теперь для сотрудников музея, которые готовят пресс-материалы для СМИ, становится важным не только написать информативный текст пресс-релиза, анонсирующий новую выставку, но и отразить связь ее экспонатов с широким историко-культурологическим контекстом, расставить акценты, реагируя на изменения в обществе

Разные взгляды. На выставке «Карл Маркс навсегда»

на мировоззренческом и ценностном уровнях. Так, авторы пресс-релиза о выставке «Карл Маркс навсегда» объяснили неожиданную для многих экспозицию к 200-летию известного философа:

«Возникла потребность в новом прочтении его трудов без прежде обязательных партийных инструкций. Спектр современных интерпретаций этого образа включает в себя иронию, мелодраму, проклятие и панегирик: Маркс скачет на коне, тонет, стоит в очереди за пивом, с ужасом взирает на современность с постаментов» [12].

Куратор выставки Йозеф Киблицкий иронично отметил, что музей будто «подсматривает за подсматривающими», ведь Карл Маркс никогда не посещал Россию и никто из художников, чьи работы представлены на выставке, его не видел. Идею музейщиков раскрыл и журналист НТВ Павел Рыжков, предложив зрителям найти свою интерпретацию:

«Рассматривая образ Маркса от кulta до китча и видя теоретика коммунистической идеи то в облаках, то на хвосте извергающего огонь дракона, посетитель выставки для себя явно выберет что-то между бесом и ангелом» [15].

Студенты Санкт-Петербургского государственного университета, обмениваясь впечатлениями о выставке, написали в соцсетях:

«Карл Маркс — кто он? Сумрачный философ-бородач, пророк коммунизма, заложивший основы „великой пирамиды красного рева“, или человек, придумавший, как нам всем построить мечту? Экспозиция Русского музея, посвященная 200-летию юбилею мыслителя, не дает нам категоричного ответа на этот вопрос, но де-

монстрирует не только экспонаты документального характера, но и современные интерпретации образа личности» [17].

Такой полилог кураторов экспозиции, журналистов и посетителей выставок, порождающий новые смыслы, кажется удачным результатом работы просветительских служб музея.

Специалисты музеологи в Европе уже давно обсуждают повествовательный, нарративный подход к музейному делу, отчетливо понимая, что «такие „культуральные нарративы“ предлагают важные ключи к тому миру, о котором они повествуют» [5: 240]. Пауль Ариез, лектор академии Рейнвард в Амстердаме, предлагает музеям создавать экспозиции, способные вызвать у посетителя чувство сопричастности [2]. И современные музеи, отчетливо понимая это, сами становятся рассказчиками, создавая сюжетную линию новой экспозиции по законам драматургии, чтобы удержать внимание аудитории и заставить посетителя вернуться в музей за новой историей, которую можно включить в свой жизненный опыт.

Как справедливо замечает А. Д. Боровский, заведующий отделом Новейших течений Русского музея, «с повествовательностью, нарративностью русское изобразительное искусство находится в состоянии вечной любви-ненависти. Это понятно — российская культура литературоцентрична, и изобразительное искусство постоянно испытывает как естественное желание стряхнуть „литературные пути“, так и боязнь потерять поистине неистощимую подпитывающую „материнскую“ субстанцию — ресурс „рассказывания историй“» [6: 5].

Музейную экспозицию действительно можно назвать определенным видом текста, интерпретацию которого предлагают кураторы, выступающие в роли медиумов между выставочным пространством и общим социально-культурным контекстом. Восприятие экспозиционного пространства сегодня гораздо больше зависит от суждений, предлагаемых музеем. Именно поэтому музейные ресурсы, новые медиа и традиционные СМИ являются основными каналами трансляции и популяризации эстетической информации.

Авторитетный исследователь в области музеологии Петер ван Менш связывает восприятие

На выставке «Карл Маркс навсегда»

экспозиции с первичным контекстом — экспозиционным контекстом, — в котором предмет показывается, и с контекстом самого посетителя [10]. Ученый сравнивает такое разделение с классической триадой коммуникации: отправитель, месседж/медиум и получатель. Взаимодействие между ними и рождает смысл, влияющий на восприятие музейных выставок и культурных событий, и объясняет возникающий общественный резонанс.

В коммуникативном пространстве современности вокруг событий в сфере культуры порой возникают провокативные ситуации, повышающие градус агрессии в обществе. Это касается и обстановки вокруг фильмов «Матильда» и «Смерть Сталина», и более ранних событий: постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирске, выставки Яна Фабра в Государственном Эрмитаже, выступления Константина Райкина на съезде Союза театральных деятелей России. В Санкт-Петербурге выставочные проекты последних лет тоже не были обделены провокативными репликами и заголовками. Так, экспозицию Эрмитажа «Сюрреализм в Каталонии. Художники Ампурдана и Сальвадор Дали» СМИ называли «Дали и другие жертвы трамонтана» [4], а сюжеты пресс-релизов Русского музея о трагических судьбах учеников К. С. Петрова-Водкина ушли

на периферию в публикации о выставке «Круг Петрова-Водкина». Примечателен и заголовок этого материала: «Все оттенки яркого» [18]. В нем угадывается аналогия с названием нашумевшего эротического романа Э. Джеймса «Пятьдесят оттенков серого». В итоге из-за возникающих ассоциативных связей смещаются смысловые и художественные акценты, а потенциальный посетитель выставки, читая подобные материалы СМИ, получает своеобразный рекламный текст, цель которого — продвинуть предложение на рынке товаров и услуг. Так феномен искусства словно переводится из сферы классического творчества в сферу массовой культуры и массового потребления.

В этой связи назрела необходимость защищать место, роль и назначение художественного музея в публичном пространстве. В интервью «Российской газете» директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский сказал:

«Те, кто нам противостоят, написали на своем знамени слово „досуг“. И представляют себе музейную культуру исключительно в этой сфере. А такие взгляды чреватые и уничтожением научной деятельности музеев, и возможным изъятием части музейного фонда для каких угодно интересов (что было хорошо продемонстрировано во время музейных изъятий в 20–30-х годах 20 века). И вот нам опять приходится декларировать, что мы выполняем великую миссию — сохраняем культурно-историческое наследие нации, а вовсе не оказываем услуги» [14].

Наблюдения за практикой СМИ показали, что если прежде редакции и телеканалы, как правило, просто приводили пресс-релизы в соответствии с форматом своего издания, а иногда и просто публиковали предлагаемый музеем текст без правки, привлекая внимание читателя лишь провокативными заголовками, то сегодня вполне очевидно увеличение количества качественных аналитических материалов и появление в прессе новых форм интерпретации эстетической информации.

Так, настоящим информационным бумом в медиапространстве Санкт-Петербурга стали многочисленные публикации о выставке в Государственном Русском музее «В. В. Верещагин. К 175-летию со дня рождения». Как гово-

рят сотрудники музея, в течение последних лет ни одна экспозиция не вызвала такого количества откликов. Их новизна — в порой парадоксальных оценках журналистами творчества художника. Они не просто цитировали слова искусствоведов музея о полотнах Верещагина, а пристально всматривались в каждое из них и высказывали свое мнение. В газете «Труд» вышел материал «Не баталист Верещагин» [3], пафос публикации «Коммерсанта» в том, что на экспозиции «все больше про широту кругозора, свежесть впечатлений и яркость красок» [16], а в петербургском интернет-журнале «Интересант» — рассуждения о Верещагине-«непатриоте» [7]. Продолжая дело своих коллег-журналистов, так ярко проявивших себя в рецензиях о выставке В. В. Верещагина, автор портала REGNUM М. Александрова пишет о следующей экспозиции Русского музея «Мечты о мировом расцвете»:

«Сейчас, в год столетия Октября, посреди эпохи, полной растерянности, разобщенности, несправедливости, пропахшей грязными деньгами и порохом, самое время подумать о том, как сделать так, чтобы однажды смочь без стыда посмотреть в глаза творцам и мечтателям прошлого и ощутить себя не бессмысленно болтающимися обрывками цепи времен, а их наследниками» [1].

Метафоричный призыв журналиста к поиску новых форм подачи искусствоведческой информации — свидетельство того, что сегодня и сами представители медиа стремятся к созданию новых форм сотрудничества музеев со СМИ,

На экспозиции «В. В. Верещагин. К 175-летию со дня рождения»

Гаджеты и культура.

На экспозиции «В. В. Верещагин. К 175-летию со дня рождения»

что, безусловно, способствует разъяснению категорий эстетики, категорий, раскрывающих глубину смыслов и касающихся духовного содержания нашей жизни. Такие задачи продиктованы и основной миссией музея в обществе: трансляцией культурных ценностей, классификацией произведений искусства и их интерпретацией. Поэтому уже не столь удивителен яркий отклик журналистов на выставку Русского музея «Неожиданный Малевич», представившую вниманию зрителя ранние графические произведения великого мастера, которые при жизни художника представляли ценность лишь для его учеников и близкого окружения. Кураторы выставки стремились показать, что сегодня рисунки Малевича, как будто открывающие дверь в его опытную лабораторию, — неоценимый материал для понимания творчества мастера. Журналисты с радостью приняли приглашение музея вместе раскрыть новые стороны личности Казимира Малевича, что нашло отражение в материалах, вышедших после пресс-показа

и открытия выставки. Удачным было и решение пригласить репортеров на процесс монтажа экспозиции. Корреспондент ТВЦ Анна Морозова делится в эфире со зрителями телеканала таинством создания выставки:

«Желтый квадрат, который старательно закрашивает валиком рабочий-оформитель в выставочном зале, посвященном Казимиру Малевичу, как будто отсылает к вечному спору вокруг его творчества. Но что художник может быть еще и вот таким — внимательным портретистом, утонченным графиком — настоящее открытие для широкой публики» [11].

Корреспондент 5-го канала Екатерина Иванова отмечает, что посетителей выставки приглашают к процессу осмысления наследия художника, которое может принести новые интерпретации: «Возможно, после более детального знакомства с Малевичем, взгляд на его черный квадрат кардинально изменится. И под толстыми слоями краски, наконец, проступит истинный смысл произведения» [9]. Искусствовед и автор «Коммерсантъ» Кира Долинина предлагает задуматься и над масштабом личности художника:

«Люди — такие люди, и Малевич тут совсем не исключение. Интересно другое: вера в свое место под будущим солнцем у него была уникальная. И каждый листочек из-под его пера должен был говорить то, что хотел сам художник» [8].

Сегодня музейщики осторожно отмечают начало продуктивного диалога, возникшего в результате поиска и освоения новых форм продуктивного сотрудничества между искусствоведами и журналистами. Важно и то, что все чаще этот диалог инициируют сами представители СМИ, желая ответить на новые культурологические запросы своей аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова М. Когда красный конь революции еще не споткнулся: музыка Революции в словах красках // REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/2323372.html>.
2. Ариез Пауль. Нарративный подход к созданию выставок. URL: <https://polymus.ru/ru/education/lectures/schedule/narrativnyy-podhod-k-sozdaniyu-muzeynyh-vystavok/>
3. Безрукова Л. Не баталист Верещагин // Труд. URL: http://www.trud.ru/article/28-04-2017/1349671_ne_batalist_vereschagin.html

4. Безрукова Л. Дали и другие жертвы Трамонтана. URL: http://www.trud.ru/article/08-112016/1343801_dali_i_dругие_zhertvy_tramontana.html.

5. Бёрк П. Что такое культуральная история / Пер. с англ. И. Полонской. М., 2016.

6. Боровский А. Д. Новые русские рассказчики // Новые рассказчики в русском искусстве XX–XXI веков. Альманах. Вып. 438. СПб., 2014.

7. Ветлинская А. Василий Верещагин: художник, воин и... «непатриот»? // *Interessant*. URL: <http://www.interessant.ru/culture/vasilii-vierieshchagin-kh>

8. Долинина К. Малевича вызвали на форум // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3804346>

9. Иванова Е. В Русском музее представили выставку «Неожиданный Малевич» // Пятый канал. URL: <https://www.5-tv.ru/news/228644/vrusskom-muzee-predstavili-vystavku-neozidannyj-malevic/>

10. Мени ван П. Коммуникация: язык экспозиции // Вопросы музеологии. 2014. № 1(9). URL: https://www.academia.edu/34256027/ВОПРОСЫ_МУЗЕОЛОГИИ_The_Problems_of_Museology-2014-1

11. Морозова А. В Петербурге открылась уникальная выставка работ Малевича // ТВЦ. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/149529>

12. Официальный пресс-релиз выставки «Карл Марк навсегда» // Пресс-служба Государственного Русского музея.

13. Пиотровский М. Б. Современное искусство: поклонники и противники // Эхо Москвы. URL: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1878682-echo/>

14. Пиотровский М. Б. Частные музеи меняют культурный ландшафт России // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/10/01/mihail-piotrovskij-chastnye-muzei-meniaiut-kulturnyj-landshaft-rossii.html>

15. Рыжков П. Миф о мифе // НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2089655/>

16. Толстова А. Генетический код империи // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3275817>

17. Шпилев Е. Отзыв о посещении выставки Карла Маркса в социальной сети Facebook. URL: <https://www.facebook.com/DiurnariusPetropolitanus/posts/433799827150204>

18. Штраус О. Все оттенки яркого // Российская газета. 09.06.2016.

REFERENCES

1. Aleksandrova M. Kogda krasnyi kon' revoliutsii eshche ne spotknulsia: muzyka Revoliutsii v slovakh kraskakh [When the red horse of the revolution has not yet stumbled: the music of revolution in words and colors.] *Regnum [Regnum]* Available at: <http://regnum.ru/news/2323572.html>. (in Russian)
2. Ariez Paul. Narrativnyi podkhod k sozdaniyu vystavok. [Narrative approach to the creation of exhibitions] Available at: <https://polymus.ru/ru/education/lectures/schedule/narrativnyy-podhod-k-sozdaniyu-muzeynyh-vystavok/> (in Russian)
3. Bezrukova L. Ne batalist Vereshchagin [Vereshchagin is not a painter of battlepieces] *Trud [Trud]*. Available at: http://www.trud.ru/article/08-04-2017/1349671_ne_batalist_vereshchagin.html (in Russian)
4. Bezrukova L. Dali i drugie zhertvy Tramontana [Dali and other Tramontana victims] Available at: *Trud [Trud]*. URL: http://www.trud.ru/article/08-112016/1343801_dali_i_dругие_zhertvy_tramontana.html (in Russian)
5. Berk P. (2016) Chto takoe kul'tural'naia istoriia: per. s angl. I. Polonskoi [What is cultural history?]. Moscow, p. 240 (in Russian)
6. Borovskii A. D. (2014) Novye russkie rasskazchiki [New Russian storytellers] *Novye rasskazchiki v russkom iskusstve XX–XXI vekov [New storytellers in Russian art of the 20th–21st centuries]*. St. Petersburg, p. 5 (in Russian)

7. Vetlinskaia A. Vasilii Vereshchagin: khudozhnik, vojn i... «nepatriot»? [Vasily Vereshchagin: artist, wars and... «non-patriot»?] *Interessant [The Interessant]*. Available at: <http://www.interessant.ru/culture/vasilii-vierieshchagin-kh> (in Russian)

8. Dolinina K. Malevicha vyzvali na forum [Malevich was called to the forum] *Kommersant [The Kommersant]*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3804346> (in Russian)

9. Ivanova E. V Russkom muzee predstavili vystavku «Neozhidannyi Malevich» [Russian Museum presented the exhibition Unexpected Malevich]. *Piatyi kanal [The 5 channels]*. Available at: <https://www.5-tv.ru/news/228644/vrusskom-muzee-predstavili-vystavku-neozidannyj-malevic/> (in Russian)

10. Meinsk van P. (2014) Kommunikatsiia: iazyk ekspozitsii [Communication: the language of exhibition] *Voprosy muzeologii [The Problems of Museology]*, no. 1 (9). Available at: https://www.academia.edu/34256027/ВОПРОСЫ_МУЗЕОЛОГИИ_The_Problems_of_Museology-2014-1 (in Russian)

11. Morozova A. V Peterburge otkrylas' unikal'naia vystavka rabot Malevicha [A unique exhibition of works by Malevich opened in St. Petersburg]. *TVC*. Available at: <http://www.tvc.ru/news/show/id/149529> (in Russian)

12. Ofitsialnyi press-reviz vystavki «Karl Marks navsegda» [Official press-release of the “Karl Marx forever” exhibition]. *Press-sluzhba Gosudarstvennogo Russkogo muzeia [Press department of the State Russian museum]* (in Russian)

13. Piotrovskii M. B. Sovremennoe iskusstvo: poklonniki i protivniki [Modern art: fans and opponents] *Ekho Moskvy [Echo of Moscow]*. Available at: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1878682-echo/> (in Russian)

14. Piotrovskii M. B. Chastnye muzei meniaiut kul'turnyi landshaft Rossii [Chastnye muzei meniaiut kul'turnyi landshaft Rossii]. *Rossiiskaia gazeta [The Russian newspaper]*. Available at: <https://rg.ru/2017/10/01/mihail-piotrovskij-chastnye-muzei-meniaiut-kulturnyj-landshaft-rossii.html> (in Russian)

15. Ryzhkov P. Mif o mife [Myth of the myth] *NTV [NTV Tv-channel]*. Available at: <https://www.ntv.ru/novosti/2089655/> (in Russian)

16. Tolstova A. Geneticheskii kod imperii [Empire genetic code] *Kommersant [The Kommersant]*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3275817> (in Russian)

17. Shpilev E. Otzyv o poseshchenii vystavki Karla Marksa v sotsial'noi seti Facebook [Review of the visit of Karl Marx in the social network Facebook]. URL: <https://www.facebook.com/DiurnariusPetropolitanus/posts/433799827150204> (in Russian)

18. Shtraus O. (2016) Vse ottlenki iarkogo [All shades of bright]. *Rossiiskaia gazeta [The Russian newspaper]*, 09.06.2016. (in Russian)